

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

**Политическая
наука 1** *2016*

POLITICAL SCIENCE (RU)

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ
РАЗДЕЛЕННЫХ
ОБЩЕСТВ**

Москва
2016

УДК 32
ББК 66.0
П 50

ИНИОН РАН

Центр социальных научно-информационных исследований

Отдел политической науки

Редакционная коллегия:

Е.Ю. Мелешкина – д-р полит. наук, главный редактор, зав. Отделом политической науки ИНИОН РАН, *Л.Н. Верчёнов* – канд. филос. наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, *И.И. Глебова* – д-р полит. наук, руководитель центра россиеведения ИНИОН РАН, *Д.В. Ефременко* – д-р полит. наук, ВРИО директора ИНИОН РАН, *В.Н. Ефремова* – канд. полит. наук, ответственный секретарь, научный сотрудник ИНИОН РАН, *М.В. Ильин* – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ, *О.Ю. Матинова* – д-р филос. наук, зам. главного редактора, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ, *П.В. Панов* – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник Пермского научного центра Уральского отделения РАН, *С.В. Натрущев* – канд. ист. наук, руководитель отдела сравнительных политических исследований Института социологии РАН, *Ю.С. Пивоваров* – академик РАН, научный руководитель ИНИОН РАН, *А.И. Соловьёв* – д-р полит. наук, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ им. Ломоносова, *Р.Ф. Туровский* – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ, *И.А. Чихарев* – канд. полит. наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ им. Ломоносова

Редакторы и составители номера – канд. полит. наук *И.В. Кудряшова*, канд. полит. наук *О.Г. Харитонова*

Ответственные за выпуск –
А.Н. Кокарева, канд. полит. наук *В.Н. Ефремова*

П 50 **Политическая наука:** Науч. журн. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-инф.м. исслед. Отд. полит. науки; Росс. ассоц. полит. науки; Ред кол.: Мелешкина Е.Ю., гл. ред., и др. – М., 2016. – № 1: **Политическая организация разделенных обществ** / Ред.-сост. номера Кудряшова И.В., Харитонова О. Г. – 236 с.

Рассматриваются проблемы политической организации многосоставных обществ, причины возникновения и реализации сепрессионистских проектов, успешные и неудачные институциональные решения по сохранению целостности государства. Особое внимание уделяется странам бывшего социалистического лагеря.

Журнал зарегистрирован в федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ №ФС77-36084.

POLITICAL SCIENCE (RU)

Political science (RU) is a key Russian periodical dedicated to the political science. Founded in 1997, it is well known among foreign researchers. The journal is quarterly published by the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN) and with the assistance of the Russian Political Science Association (RAPN).

The journal always pays attention to the actual situation in the political science and its trends, as well as to the overview and analysis of up-to-date scientific achievements. Articles and other materials dedicated to the methodology are featured in the journal. Research and information sources (abstract reviews, synopses, book reviews, etc.), materials from other periodicals and results obtained by various think tanks and institutes are published in **Political science (RU)**.

Political science (RU) is included in the list of the leading academic journals that are recommended by the High Certification Commission (VAK) of the Ministry of Education and Science of Russian Federation.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – Elena MELESHKINA, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Head of Political Science Department, INION RAN (Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Olga MALINOVA, Dr. Sci. (Philos.), Chief Researcher, Prof., National Researcher University Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Executive secretary – Valentina EFREMOVA, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Research Fellow, INION RAN (Moscow, Russia)

Lev VERCHEMOV, Cand. Sci. (Philos.), Leading Researcher, INION RAN (Moscow, Russia)

Irina GLEBOVA, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Head of Center of Russian Studies, INION RAN (Moscow, Russia)

Dmitry EFREMENKO, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Acting Director, INION RAN (Moscow, Russia)

Mikhail ILYIN, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Petr PANOV, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Leading Researcher, Department of Research of Political Institutions and Processes, Perm Scientific Center of Ural Branch Russian Academy of Sciences (Perm, Russia)

Sergey PATRUSHEV, Cand. Sci. (Hist.), Head of Comparative Political Studies Department, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Yuriy PIVOVAROV, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Full Member of Russian Academy of Sciences, Academic Supervisor, INION RAN (Moscow, Russia)

Aleksandr SOLOVYEV, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Political Analysis Department, Faculty of Public Administration, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Rostislav TUROVSKY, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Ivan CHIHAREV, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Associate Professor, Comparative Political Science Department of Political Science, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Представляем номер	9
--------------------------	---

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ: ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗДЕЛЕННЫХ ОБЩЕСТВ И ПОСТКОНФЛИКТНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

<i>И.В. Кудряшова.</i> Как обустроить разделенные общества	15
<i>О.Г. Харитонова.</i> Этнические войны и постконфликтная демократия	34

КОНТЕКСТ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ В РАЗДЕЛЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ

<i>Г.Г. Косач.</i> Саудовская Аравия: Национальное единство без плюрализации	60
<i>Е.С. Мелкумян.</i> Разделенное общество Бахрейна и перспективы его консолидации	80
<i>А.Н. Щербак, Л.С. Болячевец, Е.С. Платонова.</i> История советской национальной политики: Колебания маятника?	100

РАКУРС: ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО РАЗДЕЛЕННЫХ ОБЩЕСТВ

<i>С.М. Хенкин.</i> «Баскская проблема» как фактор разобщения испанской политики	124
<i>С.М. Кретов.</i> Федерализм как способ гармонизации интересов боливийского Востока и Запада	147

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

<i>A.O. Блохина.</i> «Ферганский фактор» и регулирование этнокультурных размежеваний в Киргизии	161
<i>A.B. Порошин.</i> Роль доминантной партии в регулировании этнических конфликтов: Пример Малайзии	176

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

<i>E.A. Дементьев, A.B. Гришин.</i> Обзор журнала «Journal of peace research»	186
<i>И.В. Дмитриев.</i> Обзор журнала «Conflict management and peace science».....	198

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

<i>Д.Л. Горовиц.</i> Распределение власти в полиэтнических обществах: Три большие проблемы. (Реферат)	210
<i>Е.М. Харитонова.</i> Динамика национальных и этнических идентичностей в современной Британии. (Обзор).....	224

CONTENTS

Introducing the issue	9
-----------------------------	---

STATE OF THE DISCIPLINE: PRESENTRESEARCH OFDIVIDED SOCIETIES AND POST-CONFLICT SETTLEMENT

<i>I.V. Kudryashova.</i> How to accomplish stability in divided societies ...	15
<i>O.G. Kharitonova.</i> Ethnic wars and post-conflict democracy.....	34

CONTEXT: POLITICAL CONTROL IN A DIVIDED SOCIETY

<i>G.G. Kosach.</i> Saudi Arabia: National unity without pluralization.....	60
<i>E.S. Melkumyan.</i> Divided society of Bahrain and perspectives of its consolidation	80
<i>A.N. Shcherbak, L.S. Bolyatchevets, E.S. Platonova.</i> History of the Soviet national policy: Swing of the pendulum	100

ACCENTS: TERRITORIAL STRUCTURE OF DIVIDED SOCIETY

<i>S.M. Khenkin.</i> «The Basque problem» as the factor of disunity in the Spanish polity	124
<i>S.M. Kretov.</i> Federalism as a way to harmonize interests of the Bolivian East and West	147

FIRST DEGREE

<i>A.O. Blokhina.</i> «The Ferghana factor» and the accommodation of ethno-cultural cleavages in Kyrgyzstan	161
<i>A.V. Poroshin.</i> Dominant party's role in ethnic conflict management: The case of Malaysia	176

PRESENTING ACADEMIC JOURNALS

<i>E.A. Dementev, A.V. Grishin.</i> Review of the journal «Journal of peace research»	186
<i>I.V. Dmitriev.</i> Review of the journal «Conflict management and peace science»	198

BOOKSHELF

<i>D.L. Horowitz.</i> Ethnic power sharing: Three big problems (Review)	210
<i>E.M. Kharitonova.</i> The dynamics of national and ethnic inequalities in modern Britain (Review)	224

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Исторически нация-государство как форма политической жизни победила своих соперников, потому что смогла соответствовать как внутренней необходимости централизованного авторитета и администрации, так и внешней необходимости быть признанным в качестве легитимного актора, который мог давать и сдерживать долгосрочные обещания. Эти его способности преимущественно обеспечивались путем организации пространства территориальности (контроль над территорией) и пространства принадлежности (формирование национального сообщества). Успех этой институциональной формы привел к ее копированию или «натягиванию» на политии иных, несовременных форм, которые таким образом подключались к мировой системе суверенитета.

Траектории развития многих государств сложились так, что им по тем или иным причинам не удалось достичь заветной территориальной и гражданской гармонии. Особый класс политий в этом ряду формируют так называемые разделенные общества, в которых политическое противостояние между группами имеет отчетливо выраженный сегментарный характер религиозной, идеологической, языковой, региональной, культурной, расовой или этнической природы. Чаще всего мы встречаем их в Азии и Африке, где вертикальные межсегментные перегородки политически оформились в ходе государственного строительства по проектам бывших метрополий, но они есть и в обеих Америках, и в разных частях Европы.

Для таких обществ поиск оптимальной институциональной рамки политической жизни всегда был в прямом смысле жизненно важной задачей, поскольку угроза насилия и государственной не-

состоятельности не просто маячила на горизонте, но не раз получала конкретные проявления. В этом процессе поиска активно участвовало и участвует политологическое сообщество, разрабатывая теоретические концепции и эмпирические модели организации власти в разделенных политиях. Многие из этих наработок лежат в основе конкретных формул постконфликтного урегулирования.

Основные направления современных исследований в этой области рассмотрены в статье И.В. Кудряшовой «Как обустроить разделенные общества». Она фокусирует внимание на научных дискуссиях относительно преимуществ и недостатков различных моделей распределения власти (консолидации *versus* центростремительные режимы), а также освещает альтернативные концепты (политический контроль, разделение власти и правозащитная сессия). Как отмечает автор, в настоящее время это направление в политологии методологически «переросло» рамки институционализма и повернулось лицом к социальному конструктивизму, что в практической плоскости означает курс на восстановление межгруппового доверия, в том числе через формирование разнообразных общественных дискурсов и продвижение общечеловеческих ценностей.

О.Г. Харитонова в статье «Этнические войны и постконфликтная демократия» анализирует состояние двух тесно связанных, но не в одинаковой мере разработанных областей исследований – гражданских и этнических войн и постконфликтной демократии. Автор отмечает, что в настоящий момент сложился консенсус вокруг определения этих видов войн, однако по-прежнему нет согласия относительно их факторов и условий. Главными проблемами остаются операционализация и измерение ключевых переменных, а также объяснение причинно-следственных механизмов обнаруженных связей. Несмотря на выявленную статистическую значимость, количественные модели не могут раскрыть эти механизмы, так как не учитывают политической воли акторов, действующих в разных институциональных контекстах.

Традиционная для «Политической науки» рубрика «Контекст» посвящена на этот раз политическому контролю в разделенных обществах. Один из лидеров этого направления, Я. Лустик, в свое время отмечал, что исследования авторитарных режимов не могут исчерпывающе осветить эту тему, поскольку наряду с наси-

лием или угрозой насилия для удержания контроля в таких обществах применяются различные политические и экономические механизмы и институциональные техники. В статье «Саудовская Аравия: Национальное единство без плюрализации» Г.Г. Косач показывает исторические источники фрагментации саудовского общества и уделяет особое внимание вопросам взаимодействия политической элиты и отдельных фрагментов социума, прежде всего не принадлежащих к господствующей ханбалитско-ваххабитской версии ислама. В связи с этим автор обращается к анализу действий государства, направленных на создание институциональных элементов представительной власти, а также закрепления вновь появляющихся институтов и практик в общественном сознании и поведении. Подчеркивается, что возможность становления в Саудовской Аравии национально ориентированного общества остается далекой перспективой.

В центре внимания Е.С. Мелкумян – другое ближневосточное общество, бахрейнское, пережившее тяжелые испытания в ходе «арабской весны». В статье «Разделенное общество Бахрейна и перспективы его консолидации» автор рассматривает историю шиитской общины в Королевстве Бахрейн, особенности ее социально-экономического положения и политического участия на различных этапах развития страны, в том числе в период массовых протестов 2011 г. Особое внимание уделяется механизмам, используемым для контроля шиитского сегмента как в период существования британского протектората, так и после обретения независимости. Отмечается, что курс властей вряд ли приведет в ближайшей перспективе к выработке консенсуса и консолидации бахрейнского общества.

В статье А.Н. Щербака, Л.С. Болячевец и Е.С. Платоновой «История советской национальной политики: Колебания маятника?» поставлена задача рассмотреть советскую национальную политику как целостное явление, обладающее определенной логикой и содержанием. Выделяя несколько основных периодов национальной политики, авторы используют для их анализа концепцию «маятника», что позволяет зафиксировать чередование мягких и жестких волн. Аргументация статьи основана на анализе данных советской официальной статистики по трем основным измерениям: административный статус национально-территориальных единиц, кадровая политика и культурно-языковая политика. Результаты исследования позволяют проследить взаимосвязь между сменой

политических курсов и изменениями фокусов в национальной политике, а также объяснить причины роста национализма в СССР в 1980–1990-е годы.

Еще одна постоянная рубрика журнала, «Ракурс», объединяет материалы, рассматривающие конфликты в разделенных обществах в контексте территориальной организации власти. С.М. Хенкин в статье «Баскская проблема как фактор разобщения испанской политики» концентрирует внимание на противостоянии основных участников «баскской проблемы» – радикальных националистов, умеренных националистов и испанского государства по вопросу о политико-территориальном размежевании. Отдельно изучается положение в регионе после прекращения активной деятельности группировки ЭТА. По мнению автора, «баскская проблема», хотя и лишенная террористической составляющей, по-прежнему разобщает и баскское, и испанское общество.

В работе С.М. Кретова «Федерализм как способ гармонизации интересов боливийского Востока и Запада» представлен анализ возможностей применения институционального подхода для гармонизации интересов основных сегментов боливийского общества, индейского и креольского, и строительства единой нации-государства. На основе изучения исторического развития, отношений между боливийским Востоком и Западом, а также политики Эво Моралеса – первого президента, признавшего необходимость разрешения острого внутреннего конфликта, автор делает вывод о возможностях и ограничениях федерализации как модели решения этносоциального кризиса в Боливии и других разделенных обществах.

В разделе «Первая степень» опубликованы статьи А.О. Блохиной «Ферганский фактор» и регулирование этнокультурных размежеваний в Киргизии» и А.В. Порошина «Роль доминантной партии в регулировании этнических конфликтов (на примере Малайзии)». В первой из них рассматривается влияние «ферганского фактора» на состояние политических и социокультурных границ в Киргизии, дважды за период независимости пережившей насилиственную смену власти, а также межэтнические столкновения. Автор отмечает, что после революции 2010 г. правящие элиты взяли курс на укрепление формальных политических институтов и развитие партийной конкуренции, что принесло свои плоды в виде стабилизации политической системы и успешного проведения парламентских выборов 2015 г.

А.В. Порошин рассматривает роль доминантной партии в регулировании этнических конфликтов в Малайзии. Руководствуясь теорией формирования режимов с доминантной партией в условиях гетерогенного общества, автор показывает, что создание широкой политической коалиции с участием партий этнических меньшинств и включение их представителей в состав правительства удовлетворяют политические и экономические интересы последних, обеспечивая их лояльность режиму. Анализ сфокусирован на особенностях партийной системы и коалиционной политики, включая отношения власти и оппозиции.

Рубрика «Представляем журналы» содержит обзоры двух журналов по проблематике постконфликтного урегулирования, международного посредничества и мирного строительства. Первый обзор, подготовленный Е.А. Дементьевым и А.В. Гришиным, посвящен «Журналу исследований проблем мира» (*«Journal of peace research»*), одному из старейших научных междисциплинарных журналов этой области (в 2014 г. он отпраздновал свой полувековой юбилей). Во втором обзоре, выполненном И.В. Дмитриевым, – освещаются статьи из журнала «Научные исследования управления конфликтами и мирного урегулирования» (*«Conflict management and peace science»*). В обоих обзорах представлены номера журналов за 2015 г.

В разделе «С книжной полки» размещены реферат статьи Д.Л. Горовица «Распределение власти в полиэтнических обществах: Три большие проблемы» и рецензия Е.М. Харитоновой под названием «Динамика национальных и этнических идентичностей в современной Британии».

Д.Л. Горовиц не нуждается в представлении, будучи одним из наиболее известных специалистов в области этнической конфликтологии. В статье, реферат на которую предлагается вниманию читателей, он критически осмысливает результаты применения систем разделенной власти и центростремительных коалиций в условиях доминирования одной из этнических партий.

В обзоре Е.М. Харитоновой затрагивается тема, имеющая непосредственное отношение к проблематике разделенных обществ, – тема динамики и конкуренции политических идентичностей. Обе рассматриваемые книги (*McCrone D., Bechhofer F. Understanding national identity. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2015. – 226 p.; Ethnic identity and inequalities in Britain. The dynamics of diversity / Jivraj S., Simpson L. (ed.). – Bristol: Policy press, 2015. – 250 p.*) по-

священы национальным и этническим идентичностям в Великобритании. При сходстве проблематики работ британское общество изучается в них с различных позиций. В центре внимания Д. МакКроуна и Ф. Бекхофера – соотношение британской, английской и шотландской национальных идентичностей, а коллектив авторов под руководством С. Дживрая и Л. Симпсона изучает тенденции, связанные с процессами инокультурной иммиграции.

Мы надеемся, что этот номер «Политической науки» будет интересен нашим читателям, послужит активизации научной дискуссии по проблемам политической организации разделенных обществ.

Статьи И.В. Кудряшовой «Как обустроить разделенные общества», О.Г. Харитоновой «Этнические войны и постконфликтная демократия», С.М. Хенкина «Баскская проблема как фактор разобщения испанской политики» и А.О. Блохиной «Ферганский фактор» и регулирование этнокультурных размежеваний в Киргизии» подготовлены при поддержке Российского гуманитарного научного фонда «Политические режимы разделенных обществ в условиях глобализации», проект № 16-03-00872.

И.В. Кудряшова, О.Г. Харитонова

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ: ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗДЕЛЕННЫХ ОБЩЕСТВ И ПОСТКОНФЛИКТНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

И.В. КУДРЯШОВА*

КАК ОБУСТРОИТЬ РАЗДЕЛЕННЫЕ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассмотрены основные направления современных исследований в области институциональной организации разделенных обществ, выделены линии научных дискуссий и обозначены проблемы тех или иных теоретических и эмпирических моделей, а также уточнен понятийный аппарат. Констатируется, что в настоящее время различные научные подходы (распределение власти, интегративное распределение власти, разделение власти) продолжают развиваться и приобретают новые измерения.

Ключевые слова: разделенные общества; постконфликтное урегулирование; распределение власти; разделение власти; этнический конфликт.

I.V. Kudryashova
How to accomplish stability in divided societies

Abstract. The article examines the main areas of contemporary research in the field of institutional organization of divided societies. It highlights the directions of discussion on the topic and indicates the problems embedded in a number of theoretical and empirical models, as well as explains the key terms. It is stated that at present dif-

* Кудряшова Ирина Владимировна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, старший научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН, e-mail: kudryashova23@yandex.ru

Kudryashova Irina, Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia), Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Science (Moscow, Russia), e-mail: kudryashova23@yandex.ru

ferent scientific concepts such as power sharing, integrative power sharing, power dividing etc. acquire new dimensions.

Keywords: divided society; post-conflict regulation; power sharing; power dividing; ethnic conflict.

Вопрос институционального выбора для разделенных обществ всегда находился в центре внимания и политологов, и политиков. Это вполне объяснимо – качество этого выбора во многом определяет достижение политической стабильности (понимаемой нами вслед за Я. Лустиком как формирование и воспроизведение таких паттернов политического поведения, которые исключают незаконное политическое насилие и не вызывают у общественности сомнений относительно их устойчивости в обозримом будущем [Lustick, 1979]). Опираясь на базу данных о властных отношениях этнических групп¹, исследователи делают вывод о том, что кризисные ситуации порождает не этническая гетерогенность сама по себе, а определенные конфигурации власти: серьезные риски несут в себе как исключение этнических групп из центрального правительства, так и высокая сегментированность последнего [Wimmer, Cederman, Min, 2009, p. 317]. С 1946 по 2005 г. в мире произошло 110 этнических конфликтов, многие из которых делятся до сих пор². Как свидетельствует исторический опыт, межгрупповое насилие способно иметь глобальные последствия.

Поиск формулы представительства интересов конфликтующих сегментов, обеспечивающей не только их участие во власти, но и эффективность правительства, сопровождается горячими дебатами. Как правило, эксперты не подвергают сомнению только одну достаточно очевидную вещь: преимущество демократических институтов. По всем остальным вопросам – соотношению индивидуальных прав человека и прав меньшинства, распределению полномочий между президентом и парламентом, типам избирательных систем, нарезке избирательных округов, определению этнических квот, территориальному устройству разделенных политий, – их мнения разнятся [см., например: Ильченко, 2011; Sisk, 2002; Lake, Rothchild, 2005; Reilly, 2005;

¹ Ethnic power relations 3.0. – Mode of access: <http://www.epr.ucla.edu/>

² Ethnic armed conflict (EAC) version 3.01. – Mode of access: <http://www.epr.ucla.edu/>

Wolff, Weller, 2006; Norris, 2008; Selway, Templeman, 2012; Bird, 2014; Hartzell, Hoddie, 2015; Territorial autonomy... 2015]. Сам принцип распределения власти (*power sharing*) также не избежал общей участи быть подвергнутым сомнению: Ф. Рёдер, например, выступает против закрепления одной конфигурации представительства сегментов и отстаивает стратегию «общего государства» (*common state*) и разделения власти между правительством и гражданским обществом и между различными ветвями власти. В его логике аккомодация субкультурных различий должна быть основана на сотрудничестве между свободно формирующими и изменяющимися коалициями большинства и меньшинств и в гражданском обществе, и во властных структурах [Roeder, 2005].

Отметим, что, несмотря на это исследовательское «многоголосие», принципиальной точкой расхождения во мнениях выступает один вопрос: на чем должен быть сделан приоритетный акцент – на включении сегментов в политический процесс с предоставлением соответствующих гарантий их прав или на создании институциональных стимулов к формированию умеренного межгруппового центра. И первое, и второе преимущественно оценивается не в нормативном ключе (хотя и это может иметь место), а инструментально, с точки зрения практической необходимости обеспечения стабильности. Как отмечает С. Вольф, рациональный выбор институционального дизайна предполагает, что конфликты могут регулироваться с помощью институциональных сделок, которые сохраняют прочность до тех пор, пока вовлеченные в них акторы имеют стимулы (власть, статус, безопасность, экономические преимущества и др.) их придерживаться – и тем самым воспроизвести [Wolff, 2010, р. 2].

Учитывая это расхождение, мы попытаемся представить анализ как логики условного «мейнстрима», так и некоторых других подходов к организации разделенных обществ. Прежде, однако, представляется существенным уточнить само понятие разделенного общества.

Общества: Фрагментированные, многосоставные, разделенные...

В книге «Демократия в многосоставных обществах» А. Лейпхарт отмечает, что стимул для создания эмпирической мо-

дели консociативной демократии ему дала «теоретическая разработка проблем политической стабильности, в особенности классическая типология политических систем Г.А. Алмонда» [Лейпхарт, 1997, с. 40]. Как известно, в последней Алмонд обозначил, но подробно не рассмотрел промежуточный тип систем (страны Скандинавии и Нижние земли – Бельгия, Нидерланды, Люксембург), помещенный им между гомогенным и весьма стабильным англо-американским типом и фрагментированным и менее стабильным европейско-континентальным. В дальнейшем он предложил отнести скандинавские системы к англо-американскому типу демократии ввиду их высокой политической однородности.

Нидерланды, Бельгия, Австрия и Швейцария заслужили особое внимание Лейпхарта (кстати, уроженца Нидерландов) тем, что при высокой фрагментированности их политические системы оставались стабильными. Ученый объясняет этот феномен сотрудничеством лидеров различных групп с целью преодоления субкультурных противоречий [Lijphart, 1968]. В более поздних работах он заменил термин «фрагментированное общество» на «многосоставное» (*plural society*) и определил его как общество, разделенное сегментарными различиями религиозной, идеологической, языковой, региональной, культурной, расовой или этнической природы, которые совпадают полностью или частично с линиями политического противостояния [Лейпхарт, 1997, с. 38–50].

Термин «разделенное общество» имеет свою историю. Он был впервые использован Э. Нордлингером в книге «Регулирование конфликтов в разделенных обществах» (1972). Несмотря на такое название, Нордлингер в самом начале своей работы говорит, что ее темой является не управление конфликтами в разделенных обществах вообще, а регулирование конфликтов в глубоко разделенных обществах с открытыми (неавторитарными) режимами, и подчеркивает свой интерес к случаям «тяжелого исхода» политического конфликта [см.: Guelke, 2012, р. 6–7].

Определение глубоко разделенных обществ у Я. Лустика не фиксирует конфликты с «тяжелым исходом». Это общество, в котором «аскриптивные связи генерируют антагонистическую сегментацию, основанную на политически отчетливых конечных идентичностях, поддерживаемую в течение существенного промежутка времени и по широкому кругу вопросов» [Lustick, 1979, р. 325]. Исследователь полагает, что эта и другие дефиниции

(«многосоставное», «вертикально сегментированное», «коммунально разделенное» общество) могут быть использованы как синонимы, однако его акцент на аскриптивных связях как источнике сегментарных противоречий сужает понятие многосоставности Лейпхарта.

Х. Лернер, объясняя использование понятия «глубоко разделенное общество», привязывает его, как и Нордлингер, к «интенсивным и комплексным» социetalным конфликтам, но отсоединяет от демократических систем. По ее мнению, «пэттерны политического поведения в постконфликтных разделенных обществах отличаются от тех, что предполагаются в разделенных, но стабильных демократиях, где сильное чувство гражданской связи питает межгрупповое доверие» [Lerner, 2011, p. 30]. Для глубоко разделенных обществ характерны конфликты между группами, имеющими конкурирующие представления о своем государстве; сам конфликт выражен в столкновении социетальных норм и ценностей, в особенности касающихся национальной или религиозной идентичности [ibid., p. 31]. Сходной позиции придерживается П. Панов, который особо обращает внимание на «примордиализацию» любых отличительных признаков групп в таких обществах [Панов, 2013, с. 33–34].

Несмотря на отмеченные выше нюансы в подходах, термин «многосоставное общество» можно считать наиболее широким. Он включает в себя и вариант «глубоко разделенное общество», который достаточно редко используется для характеристики демократических систем с развитыми гражданскими структурами.

Еще один терминологически любопытный момент связан с тем, что под многосоставными обществами часто понимают этнически разделенные (мы сами сослались в начале этой статьи на базы данных о властных отношениях этнических групп и об этнических войнах, аргументируя значение институционального выбора для разделенных обществ). Между тем у Лейпхарта приведены и другие основания для формирования сегментов и сегментарных противоречий (см. выше).

Самое простое объяснение заключается в том, что этнические конфликты возникают в современном мире достаточно часто, а модель консociативной демократии нередко проходит проверку именно в ходе постконфликтного урегулирования. Но что такое этнос? Научные школы предлагают разные ответы на этот вопрос.

Этнос определяют и как расширенную родственную группу, и как групповой инструмент борьбы за приобретение дефицитных ресурсов, и как продукт целевого социального конструктивизма. В российском общественно-политическом и научном дискурсе этот термин насыщен, как правило, примордиалистскими смыслами, т.е. этнос приравнивается к антропологической константе.

В дефиниции классика «культурного примордиализма» Э. Смита этнос предстает «типовом культурной общности, которая подчеркивает значение мифа об общем происхождении и исторической памяти и которую можно выделить по одному или нескольким культурным основаниям – религии, обычаям, языку или институтам» [Smith, 1991, р. 20]. В таком контексте этнические характеристики могут трактоваться весьма расширительно.

Проблема (и источник многих конфликтов) состоит в том, что эти характеристики как символические узы родства и близости оказываются удобным средством национального строительства. Это предполагает политизацию общего происхождения, языка, истории и других объектов и, поскольку история знает мало примеров образования моноэтнических наций, ведет к появлению «этнических» победителей и аутсайдеров, готовых отстаивать свои права [Кудряшова, Мелешкина, 2009].

Вопрос о власти: Разделить нельзя интегрировать

Споры в литературе по политической организации разделенных обществ ассоциируются в первую очередь с двумя яркими фигурами – выдающимися компаративистами А. Лейпхартом и Д. Горовицем [см., например: Лейпхарт, 1997; Lijphart, 1999; 2007; Horowitz, 1985; Horowitz, 1991; 2014¹]. Первый выступает убежденным сторонником консociативного подхода (лат. *consociatio* – сообщество), считая распределение власти между сегментами не только лучшим выбором для разделенных обществ, но и наиболее реалистичным – мажоритарные системы не могут быть использованы в таких обществах, поскольку системно исключают меньшинства.

¹ Реферат этой статьи Д. Горовица («Распределение власти в полигэтнических обществах: Три большие проблемы») опубликован в данном выпуске журнала «Политическая наука».

сегменты из процесса принятия решений. Последнее может с большой вероятностью порождать насилие и в итоге привести к распаду политической системы.

Теория конссоциативной демократии основана на многолетних сравнительных наблюдениях за «работой» различных политических систем и не раз корректировалась. Это позволяет считать ее также эмпирической моделью. Отправной точкой конссоционализма выступает сотрудничество элит (лидеров сегментов) с целью управления конфликтом.

Для этой политической формы характерны четыре структурные характеристики. Во-первых, большая коалиция, представляющая все значимые сегменты многосоставного общества. Она позволяет лидерам приходить к консенсусу по вопросам, представляющим взаимный интерес.

Во-вторых, пропорциональность как основное условие защиты групповых интересов при распределении ключевых государственных постов и ресурсов на всех уровнях (центральном, региональном, местном). Конссоциализм подразумевает наличие многопартийности и пропорциональной избирательной системы; при этом могут иметь место сознательное завышение представительства меньшинства или паритетное представительство при наличии двух неравновесных сегментов.

В-третьих, взаимное право вето при принятии общественно важных решений, которое гарантирует соблюдение интересов меньшинств. Оно может быть оформлено законодательно или соблюдаться на основе неформальных договоренностей.

В-четвертых, высокая степень автономии групп в решении внутренних вопросов. Она может быть реализована в форме территориального федерализма или «корпоративного федерализма» (нетерриториальной автономии).

Стабильности конссоциативной демократии (которая, несмотря на свое название, может функционировать и в обществах с гибридными режимами¹) способствуют некоторые условия (например, четкое разделение сегментов, баланс сил, наличие внешних угроз и небольшой размер страны) [Лейпхарт, 1997; Lijphart, 2007].

¹ Согласно выводам Е. Вавилиной, тип режима не оказывает влияния на выбор элит в пользу системы *power sharing*; главную роль в выборе играют интенсивность конфликта и этническая структура населения [Вавилина, 2015].

Консоциативная демократия имеет и другие институциональные характеристики, однако для нас в первую очередь важно зафиксировать тот момент, что инклюзивная политика в отношении сегментов (т.е. их широкое представительство в парламенте и правительстве) не сопровождается продвижением умеренных политических установок и ориентаций (последнее чрезвычайно важно для судьбы реформ в переходных обществах). Как отмечает Я. О'Флинн, пропорциональная избирательная система, уверенно обеспечивая представительство групп меньшинств при невысоком избирательном пороге и достаточно крупных избирательных округах, поощряет и взлет радикализма, шовинизма и ксенофобии. Более того, экстремистская риторика может помочь умеренным силам обыграть радикалов в своем сегменте – и впоследствии им будет трудно отказаться от нее. Радикалы в коалиции опасны не столько тем, что могут использовать право вето, блокируя принятие решений, сколько тем, что изображают попытки достичь компромисса как признак слабости группы [O'Flinn, 2007, р. 735–736].

Интересный исследовательский проект осуществил коллектив под руководством Я. Лустика. Смоделировав возможные пэттерны политического поведения меньшинств при тех или иных условиях в виртуальной мультикультурной, мультиэтнической и мультирегиональной стране Бейта (Beita), ученые пришли к выводу, что консоциативная система поддерживает тенденцию к укреплению этнополитической идентичности и мобилизации крупных групп меньшинств [Lustick, Miodownik, Eidelson, 2004].

Как утверждают Дж. МакГарри и Б. О'Лири, условию большой коалиции в этой системе придается чрезмерное значение, потому что на деле консоциативные механизмы становятся работоспособными по мере преодоления субкультурных границ и развития чувства общности. Это соображение подвигло их к выделению альтернативных видов консоциаций: к «единодушной» (т.е. собственно большой коалиции) они добавили «совпадающую» (*concurrent*), где исполнительная власть имеет поддержку большинства в каждом значимом сегменте, и «слабую», где исполнительная власть имеет только частичную поддержку в одном или нескольких сегментах. По их твердому убеждению, в последнем случае консоционализм недемократичен [McGarry, O'Leary, 2004]. Следуя этой логике, они выступают не за корпоративное, а за либеральное распределение власти, поощряющее любые группы с отчетливой политической

идентичностью, в том числе трансгруппового характера, к участию в демократических выборах [McGarty, O’Leary, 2007, p. 675–676].

Дж. Селвэй и Х. Темплмен на основе количественного анализа случаев конфликта в 101 стране (106 режимов) также делают огорчительное для сторонников конссоционализма заключение, что основные институциональные рекомендации Лейпхарта приводят к более высоким уровням политического насилия, чем обычно принято считать [Selway, Templeman, 2012].

Однако главным критиком институционализации сегментарных различий через пропорциональную систему представительства выступает Д. Горовиц. Особую весомость позиции ученого придает наличие альтернативного проекта. В целом в его критической аргументации можно выделить две основные линии: во-первых, поддержание межсегментных границ не отвечает интересам стабильности, а во-вторых, наличие у лидеров большинства возможности самостоятельно контролировать все политические структуры не создает стимулов к сотрудничеству с сегментами меньшинств.

Горовиц убежден, что в разделенных обществах политическая система должна быть организована таким образом, чтобы способствовать «рассеиванию» конфликта и созданию демократических стимулов к строительству умеренных коалиций поверх этнических расколов. Для этого предложены следующие механизмы: рассредоточение власти, во многих случаях территориальное, которое увеличит число властных центров и охладит накал борьбы в единственной точке ее сосредоточения (*focal point*); деволюция власти и резервирование должностей на этнической основе, чтобы усилить соревновательность внутри групп на местном уровне; поощрение межсегментных сделок, например принятие электорального законодательства, способствующего формированию предвыборных коалиций путем создания «пула голосов»¹; политика поддержки альтернативных социально-классовых или территориальных объединений, перекрывающих межсегментные расколы;

¹ Д. Горовиц использует выражение «*vote pooling*», подразумевающее межпартийные договоренности об объединении голосов избирателей из разных сегментов и обмен ими при необходимости; сотрудничеству способствуют следующие системы: а) преференциальная система альтернативного голоса; б) смешанные листы с общим списком избирателей; в) одномандатные округа с этнически гетерогенным составом избирателей.

снижение неравенства между сегментами благодаря эффективному распределению ресурсов [Horowitz, 1985, р. 595–600]. Немалое внимание уделяется обоснованию необходимости сильной президентской власти с избранием президента по формуле, предусматривающей широкое распределение поддержки среди избирателей.

Основные замечания критиков Горовица и его последователей можно изложить так: недостаточность практического опыта, говорящего в пользу применения предлагаемого пакета рекомендаций; неясность появления мотивации лидеров групп (особенно крупных) к созданию умеренных коалиций; опора на мажоритарные виды избирательных систем, не позволяющих учесть весь спектр интересов; неясность мотивации избирателей к поддержке «чужих» партий и объединений.

Недавняя статья Горовица [Horowitz, 2014], которую можно считать своеобразным итогом его более чем тридцатилетней работы по проблематике разделенных обществ, сочетает в себе критику и самокритику. Он выделяет в ней три серьезных проблемы, обычно не замечаемых или не упоминаемых в исследованиях, посвященных межэтническому политическому примирению.

Первая проблема касается как раз практической применимости консociативных или интегративных механизмов. Вторая обусловлена опасностью деградации электоральных договоренностей, заключаемых лидерами сегментов при формировании умеренной коалиции в рамках центростремительного режима. Третья является обычным следствием консociонализма: там, где создаются жесткие гарантии, включающие право вето меньшинства, существует высокая вероятность иммобилизации всей политической системы. Другие недостатки обеих моделей распределения власти Горовиц считает относительными: их можно корректировать.

С чем связаны неудачи практики постконфликтного урегулирования? Это асимметричные преференции групп большинства и меньшинства, прежде всего в отношении консociации. Это общее желание избегать рисков и боязнь нового в этнической политике. Это наличие неоправданных ожиданий (например, в результате заимствования институтов, успешно функционирующих в стабильных демократиях) и исторических предубеждений. Это ограниченность кругозора части групповых лидеров и, наконец, наличие альтернатив урегулированию (продолжение военных действий или сепаратизма).

Деградация электоральных соглашений может привести к тому, что центростремительные коалиции будут не в состоянии привлечь достаточное количество голосов. Это случается из-за известной нелюбви этнического большинства к ограничениям своего мажоритарного правления, будь они консociативного или центростремительного характера. Серьезный вызов этим соглашениям представляет собой слабость закона во многих переходных обществах – когда электоральные комиссии и суды не в состоянии выдержать давления, все договоренности также оказываются под ударом.

Третья проблема тесно связана со второй: если центростремительные соглашения иногда перестают исполняться, то консociативные договоренности бывает очень сложно пересмотреть. При изменении баланса сил предписанные консociативной теорией инклюзивное правительство и право вето меньшинств вполне могут вызвать такое же возмущение большинства, как и центростремительные режимы, ориентированные на компромиссные решения. В результате система не может обеспечить принятие политических решений и оказывается неэффективной.

Все эти проблемы пока не имеют готовых решений, поскольку связаны не только с формальными институтами, но и с общественными настроениями и ориентациями. Перспективу Горовиц видит в глубоких социальных и экономических изменениях, которые способны разрушать вертикальные перегородки по мере повышения уровня жизни, формирования среднего класса и снижения религиозности. Непосредственный толчок к изменению привычных форм политического поведения и организации могут дать любые кризисные явления, требующие быстрой реакции системы и коллективных решений [Horowitz, 2014].

За пределами *power sharing*

Встает вопрос: а что политическая наука может противопоставить «большим проблемам» систем распределения власти? Есть ли в ее арсенале иные подходы к институциональной организации разделенных обществ?

Выше мы упоминали о концепции Ф. Рёдера, получившей название системы разделения власти (*power dividing*). Ее ядром является ставка на формирование коалиций «по интересам» (в их

состав могут входить различные участники), а несущей конструкцией – четкое разделение властей, которое характерно для президентских систем, мажоритарная избирательная система и высокий уровень защиты индивидуальных прав и свобод.

Рекомендации Ф. Рёдера по постконфликтному урегулированию сводятся к следующему: поддерживать следует такие политические образования, где население готово жить вместе и имеет «национальное чувство»; правительству нужно минимизировать количество спорных вопросов, решаемых на уровне центра; первоочередное внимание должно быть уделено строительству местных институтов; в процесс переговоров по будущему государственному устройству необходимо вовлекать не только представителей четко очерченных этнических групп, но и других участников; любое распределение власти требуется ограничить в пользу прямого управления международного сообщества [Roeder, 2005, р. 62–63].

Поскольку практика реализации подобного проекта в постконфликтном урегулировании отсутствует (для иллюстрации своих идей Рёдер в основном использует исторический опыт США), можно оценить его лишь с точки зрения исследовательской логики. Действительно, ожидаемые преимущества системы *power dividing* высоки [см.: Roeder, 2010], поскольку она максимально направлена на слом вертикальных перегородок и развитие гражданских прав и свобод. Сомнение вызывает, однако, положение о наличии национального чувства (*a sense of nationhood*) и присутствии гражданской идентичности на индивидуальном уровне как отправной точке урегулирования. Даже если и первое, и вторая формировались до конфликта, процесс их восстановления не может проходить быстро. Отсутствие же чувства общности и доверия препятствует созданию свободных коалиций группы большинства и меньшинств, а также индивидуальному выбору. В действительности существует невысокая вероятность становления демократии в полигэтничном обществе с политически активными сегментами, имеющими территориальную привязку; альтернативами выступают сепаратизм и откат к авторитаризму [Харитонова, 2013, с. 202–203].

О трудностях установления межгруппового доверия даже при демократическом режиме свидетельствует случай Северной Ирландии, где вопрос об использовании флагов и эмблем, а также проведении традиционных массовых парадов по случаю религиозных праздников и исторических событий (т.е. символов идентич-

ности общин) остается до настоящего времени самой сложной сферой межгрупповых переговоров [Archick, 2015, р. 15]. Как представляется, эта модель может присутствовать в постконфликтном урегулировании скорее в качестве стратегической цели.

Я. О'Флинн, Р.С. Ласкин и другие сторонники делиберативной демократии предлагают уделять большее внимание нормативной стороне постконфликтного урегулирования [O'Flynn, 2007; 2010; *Deliberating across...* 2014]. По их мнению, и Лейпхарт, и Горовиц pragmatically подходят и к принципу инклузивности, и к формированию умеренного центра, поскольку прежде всего заинтересованы в политической стабильности и поиске инструментов ее обеспечения. Однако ценность инклузивности и умеренности не может быть ограничена инструментальными рамками, поскольку обе они выступают ключевыми условиями для политического равенства.

В этой логике инклузивность означает включение в процесс принятия решений на равных условиях всех, кто подпадает под действие этих решений. Связь между умеренностью и политическим равенством сложнее: это готовность смягчать требования, исходя из признания равного статуса всех участников. Такой подход требует создания общественного пространства, в котором граждане разделенного общества могли бы включаться в обсуждение различных вопросов поверх межгрупповых барьеров. Соответственно, государственная политика должна способствовать повышению удельного веса дискурсов в общественной сфере.

Предвосхищая критику относительно возможностей публичного обсуждения законодательных актов, открытости, терпимости к чужому мнению и готовности принять во внимание чужое мнение в постконфликтных условиях, ученые отмечают, что в тех случаях, когда существует общее согласие положить конец насилию, принципы становятся очень важными и что «взаимное признание разумности» является центральным элементом любой успешной попытки перехода к демократии. Мирные соглашения начинают жизнь как pragmatische сделка, но в интересах мира и общественного развития они должны встать выше взаимной выгоды и, в частности, отражать приверженность основным демократическим принципам.

В качестве примера эффективности делиберативного подхода Ласкин и его коллеги анализируют вовлечение протестантской и католической общин в Оме (Северная Ирландия) в дискурс о

развитии местных школ. Взаимный интерес к обучению детей обусловил смягчение позиций сторон – и в итоге были найдены конструктивные решения [см.: *Deliberating across...* 2014]. Согласно О’Флинну, механизм, который продвигает умеренность, должен быть заложен не на уровне избирательной системы, а на уровне центральных институтов власти [O’Flynn, 2007, р. 748–749]. В целом та идея, что элиты сегментов в постконфликтном обществе не должны забывать о перспективах совместного общежития и должны уделять внимание ценностным основам постконфликтного национального строительства, представляется очень важной.

Недостаточно освещенной в политической науке остается тема политического контроля в разделенных обществах – контроля, устанавливаемого ведущей группой и практически исключающего распределение власти. По метафорическому выражению Я. Лустика, систему контроля олицетворяет кукловод, дергающий кукол за веревочки, тогда как консociативную систему – аккуратно настроенные и очень точные весы [Lustick, 1979, р. 332]. Общества «кукловодов» в основном рассматриваются в рамках изучения авторитарных режимов, хотя наряду с насилием (или угрозой насилия) в них применяются различные политические и экономические механизмы и институциональные техники, которые представляют значительный интерес для изучения.

Еще одна альтернативная линия исследований организаций разделенных обществ вырисовывается в теме правозащитных сепцессий (*remedial secession*). Предложивший этот термин юрист-международник Л. Бакхайт рассматривает правозащитную сепцессию как последнюю из возможных форм защиты прав группы от угнетения государством [Buchheit, 1978, р. 222]. Его концепция находит свое подкрепление в инверсном толковании «защитительной оговорки» (*the safeguard clause*) в отношении принципа территориальной целостности в Декларации о принципах международного права, которая запрещает санкционирование или поощрение любых действий, ведущих к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов и имеющих правительства, представляющие без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной территории [Декларация о принципах...].

1970]. Инверсное толкование этого положения позволяет сделать вывод, что государство, не имеющее правительства, равно представляющего весь народ, не обладает и правом ссылаться на существование принципа территориальной целостности, чтобы ограничить применение права народов на самоопределение. Однако ни один правовой институт до настоящего времени не принял документа, предоставляющего в каком-либо случае право на сепарацию.

Концепция «правозащитной сепарации» имеет сторонников в политологическом сообществе, из которых наиболее известен А. Бьюкенен [Buchanan, 1991; 2004]. Именно он сформулировал основной аргумент концепции: «Если государство настойчиво продолжает совершать серьезную несправедливость по отношению к отдельной группе и формирование группой собственной независимой политической единицы выступает последним возможным средством защиты, то международное сообщество должно признать ее право отказаться быть под властью государства и попытаться создать свою собственную независимую политическую единицу» [Buchanan, 2004, p. 335].

Поскольку тренды развития современной международной системы не исключают возникновения новых государств [см.: Кудряшова, 2011], вопрос о сепарации и праве на нее остается в центре внимания научного сообщества. Так, оппонентом Бьюкенена выступает Д. Горовиц, который убежден, что сепарация не только не решает проблему конфликта, насилия или угнетения меньшинств, но может усугубить ее [Горовиц, 2013, с. 189]. Дж. Дей, однако, полагает, что, хотя право на сепарацию не признано, международное сообщество стало ближе к одобрению сепарации в случае, когда государство совершает преступления против человечности в отношении территориально сконцентрированного меньшинства [Day, 2012, p. 32].

Заключение

Тема институциональной организации разделенных обществ остается очень важной не только для научного сообщества, но и для специалистов, разрабатывающих и претворяющих в жизнь планы постконфликтного урегулирования. Она дала жизнь устойчивому дискурсу, в котором постоянно возникают новые идеи и подходы и переосмысливаются старые. Эта область политических

исследований как нельзя лучше иллюстрирует тесную связь политической науки и политической практики.

Критика той или иной модели – например, консociативной демократии или центростремительного режима – вовсе не означает, что она плоха и далека от жизни. Во-первых, никакая модель не может быть реализована полностью; во-вторых, как убедительно показал научный путь А. Лейпхарта, любая модель может корректироваться; в-третьих, наработанный теоретический арсенал имеет очень большое значение для осмысления проблем разделенных обществ и выработки оптимального направления при переходе от конфликта к миру; в-четвертых, возможно формирование и использование гибридных моделей.

В теоретико-методологическом аспекте рассматриваемое направление уже вышло за рамки институционализма, уделяя значительное внимание восстановлению межгруппового доверия, в том числе через формирование общественного дискурса и продвижение общечеловеческих ценностей. Сам институциональный выбор расширяется за счет учета взаимодействия формальных и неформальных институтов, комплементарность которых имеет первостепенное значение для переходных обществ. Постепенно приходит понимание того, что предлагаемый пакет институциональных решений должен подходить именно тому обществу, в котором он будет реализован, т.е. соответствовать его социальной структуре, культуре и традициям.

На наш взгляд, важно учитывать те риски, которые несет разделенным обществам глобализация. Во многих случаях она осложняет управление культурным многообразием, стимулирует рост этнического национализма и активности трансграничных групп. Это означает, что для поддержания стабильности важны хорошие отношения с соседями и формирование региональных комплексов безопасности.

Список литературы

- Вавилина Е.А. Модель power-sharing как инструмент урегулирования этнополитических конфликтов // Вестник Пермского университета. Серия: «Политология». – Пермь, 2015. – № 1 (29). – С. 94–110.
- Горовиц Д.Л. Разрушенные основания права сепатии // Власть. – М., 2013. – № 11. – С. 189–191.

Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, принятая 24 октября 1970 года Резолюцией 2625 (XXV) на 25-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (Дата посещения: 20.11.2015.)

Ильченко М.С. Федеративные механизмы в разрешении этнических конфликтов: Переговорный процесс за рамками формальных правил // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2011. – № 1. – С. 170–190.

Кудряшова И.В., Мелешкина Е.Ю. Этнические меньшинства и национальное строительство на постсоветском пространстве: к постановке исследовательской проблемы // Вестник МГИМО-Университета. – М., 2009. – № 2(5). – С. 45–55.

Кудряшова И.В. Можно ли легитимировать сепарации, или О государственной состоятельности новых политий // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2011. – № 2. – С. 75–104.

Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 287 с.

Панов П.В. Институциональная устойчивость фрагментированных политий // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – № 3. – С. 31–49.

Харитонова О.Г. СФРЮ: Институциональные проблемы этнической федерации // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – № 3. – С. 190–204.

Archick K. Northern Ireland: The peace process / Congressional research service. 2015. – March 11. – 23 p. – Mode of access: <http://www.fas.org/sgp/crs/row/RS21333.pdf> (Дата посещения: 18.11.2015.)

Bird K. Ethnic quotas and ethnic representation worldwide // International political science review. – Beverly Hills, Calif., 2014. – Vol. 35, N 1. – P. 12–26.

Buchanan A. Secession: The morality of political divorce from Fort Sumter to Lithuania and Quebec. – Boulder, CO: Westview press, 1991. – 174 p.

Buchanan A. Justice, legitimacy and self-determination: Moral foundations for international law. – N.Y.: Oxford univ. press, 2004. – 520 p.

Buchheit L.C. Secession: The legitimacy of self-determination. – New Haven: Yale univ. press, 1978. – 260 p.

Territorial autonomy in the shadow of conflict: Too little, too late? / Cederman L.-E., Hug S., Shädel A., Wucherpfennig J. // American political science review. – Washington, D.C., 2015. – Vol. 109, N 2. – P. 354–370.

Day J. The remedial right of secession in international law // Potentia. – Ottawa, 2012. – Fall / Automne, Iss. 4. – P. 19–34.

Guelke A. Politics in deeply divided societies. – Cambridge, Malden: Polity press, 2012. – 240 p.

Hartzell C., Hoddie M. The art of the possible: Power sharing and post-civil war democracy // World politics. – Baltimore, MD, 2015. – Vol. 67, Iss. 01. – P. 37–71.

Horowitz D.L. Ethnic groups in conflict. – Berkeley, CA: Univ. of California press, 1985. – 697 p.

Horowitz D.L. A democratic South Africa? Constitutional engineering in a divided society. – Berkeley, CA: Univ. of California press, 1991. – 293 p.

- Horowitz D.L.* Ethnic power sharing: Three big problems // *Journal of democracy*. – Baltimore, MD, 2014. – Vol. 25, N 2. – P. 5–20.
- Lake D.A., Rothchild D.* Territorial decentralization and civil war settlements // *Sustainable peace: Power and democracy after civil wars* / Ed. by Roeder Ph.G., Rothchild D. – Ithaca: Cornell univ. press, 2005. – P. 109–132.
- Lerner H.* Making constitutions in deeply divided society. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2011. – 272 p.
- Lijphart A.* The politics of accommodation: Pluralism and democracy in the Netherlands. – Berkeley: Univ. of California press, 1968. – 222 p.
- Lijphart A.* Patterns of democracy. – New Haven, CT: Yale univ. press, 1999. – 351 p.
- Lijphart A.* Thinking about democracy: Power sharing and majority rule in theory and practice. – N.Y.: Routledge, 2007. – 305 p.
- Deliberating across deep divides / Luskin R.C., O'Flynn I., Fishkin J.S., Russell D. // *Political studies*. – Guildford, 2014. – Vol. 62, Iss. 1. – P. 116–135.
- Lustick I.* Stability in deeply divided societies: Consociationalism versus control // *World politics*. – Baltimore, MD, 1979. – Vol. 31, Iss. 03. – P. 325–344.
- Lustick I., Miodownik D., Eidelson R.J.* Secessionism in multicultural states: Does sharing power prevent or encourage it? // *American political science review*. – Washington, D.C., 2004. – Vol. 98, N 2. – P. 209–229.
- McGarry J., O'Leary B.* Introduction: Consociational theory and Northern Ireland // *The Northern Ireland conflict: Consociational engagements*. – Oxford: Oxford univ. press, 2004. – P. 1–60.
- McGarry J., O'Leary B.* Iraq constitution of 2005: Liberal consociation as political prescription // *International journal of constitutional law*. – Oxford, 2007. – Vol. 5, N 4. – P. 670–698.
- Norris P.* Driving democracy: Do power-sharing institutions work? – N.Y.: Cambridge univ. press, 2008. – 320 p.
- O'Flinn I.* Divided societies and deliberative democracy // *British journal of political science*. – L., 2007. – Vol. 37, Iss. 04. – P. 731–751.
- O'Flinn I.* Democratic theory and practice in deeply divided societies // *Representation*. – L., 2010. – Vol. 46, Iss. 3. – P. 281–293.
- Reilly B.* Does the choice of electoral system promote democracy? The gap between theory and practice // *Sustainable peace: Power and democracy after civil wars* / Ed. by Roeder Ph.G., Rothchild D. – Ithaca: Cornell univ. press, 2005. – P. 159–171.
- Roeder Ph.G.* Power dividing as an alternative to ethnic powersharing // *Sustainable peace: Power and democracy after civil wars* / Ed. by Roeder Ph.G., Rothchild D. – Ithaca: Cornell univ. press, 2005. – P. 51–82.
- Roeder Ph.G.* Power dividing. – 2010. – 27 p. – Mode of access: <http://www.ethnopolitics.org/isa/Roeder.pdf> (Дата посещения: 27.11.2015.)
- Selway J., Templeman Kh.* The myth of consociationalism? Conflict reduction in divided societies // *Comparative political studies*. – Thousand Oaks, CA, 2012. – N 45 (12). – P. 1542–1571.
- Sisk T.D.* Power sharing and international mediation in ethnic conflicts. – Washington, D.C.: United States Institute of peace, 2002. – 143 p.
- Smith A.* National identity. – L.: Penguin, 1991. – 227 p.

Wimmer A., Cederman L.-E., Min B. Ethnic politics and armed conflict: A configurational analysis of a new global dataset // *American sociological review*. – Menasha, Wis., 2009. – Vol. 74 (April). – P. 316–337.

Wolff S., Weller M. Self-determination and autonomy: A conceptual introduction // *Autonomy, self-governance, and conflict resolution: Innovative approaches to institutional design in divided societies* / Ed. by Wolff S., Weller M. – N.Y.: Routledge, 2006. – P. 1–25.

Wolff S. Consociationalism, power sharing, and politics at the center. – 2010. – Mode of access: <http://www.stefanwolff.com/files/Consociationalism,%20Power%20Sharing,%20and%20Politics%20at%20the%20Center.pdf> (Дата посещения: 12.11.2015.)

О.Г. ХАРИТОНОВА*
ЭТНИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ
И ПОСТКОНФЛИКТНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Аннотация. Статья посвящена изучению состояния исследований этнических войн в контексте гражданских войн, причин, институциональных и контекстных факторов, способствующих началу и возобновлению гражданских и этнических войн, связей между политическими режимами и риском гражданских и этнических войн, а также перспектив постконфликтного урегулирования разделенных обществ. Автор показывает, что, несмотря на выявленную статистическую значимость, количественные модели не могут раскрыть причинно-следственные связи, так как не учитывают политической воли акторов, действующих в разных институциональных контекстах.

Ключевые слова: гражданская война; этническая война; разделенное общество; постконфликтная демократия.

O.G. Kharitonova
Ethnic wars and post-conflict democracy

Abstract. The article analyzes the state of the research of civil wars, ethnic wars, the conditions and institutional and contextual factors which increase the risk of beginning and resuming wars, the relationship between political regime types and civil and ethnic war risks. Special attention is given to the post-conflict institutional regulation of divided societies. The article concludes that despite the statistical significance of various variables, the quantitative models can not reveal the cause-and-effect relation-

*Харитонова Оксана Геннадьевна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, e-mail: o.haritonova@inno.mgimo.ru

Kharitonova Oxana, Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: o.haritonova@inno.mgimo.ru

ships without taking into account the political will of actors acting within different institutional contexts.

Keywords: civil war; ethnic war; divided society; post-conflict democracy.

Вследствие увеличения числа внутренних вооруженных конфликтов, в том числе этнических, в 1990-е годы в сферу сравнительных исследований режимных изменений вошли гражданские войны, которые рассматривались с использованием наработок по теориям протестов, гражданских волнений и социальных революций. В статье сделана попытка изучения состояния исследований этнических войн в контексте гражданских войн, причин, институциональных и контекстных факторов, способствующих началу и возобновлению гражданских и этнических войн, связей между политическими режимами и риском гражданских и этнических войн, а также перспектив постконфликтного урегулирования разделенных обществ.

Этнические войны в контексте гражданских войн

Этническая война – тип гражданской войны, в которой стороны конфликта представлены этническими группами [Cederman, Buhaug, Rød, 2009]. Однако не все политологи рассматривают этнические войны отдельно от гражданских войн другого типа. Такой подход позволяет увеличить число рассматриваемых казусов, что помогает решить проблему «слишком мало казусов, слишком много переменных». Одновременно уменьшается число переменных вследствие их статистической незначимости при исследовании всех примеров гражданских войн, таких как этнический состав населения и степень фрагментации. В результате авторы объясняют причины гражданских войн в целом и этнических войн в частности через объективные, в основном социально-экономические переменные, коррелирующие с началом любых внутренних войн.

Существует множество определений гражданских (или внутренних) войн. Большинство исследователей определяют их как вооруженное столкновение, происходящее внутри границ суверенного государства, между двумя и более акторами, имеющими общую власть до начала конфликта. В гражданских конфликтах

государство уже не обладает монополией на применение насилия вследствие появления группы вооруженных повстанцев. Наиболее авторитетным считается определение гражданской войны Сингера-Смоля в проекте «Корреляты войны»¹: во-первых, она приводит к 1000 боевых жертв² в год (причем не менее 10% с каждой стороны); во-вторых, одной из сторон конфликта является центральное правительство; в-третьих, эффективное сопротивление с обеих сторон конфликта; в-четвертых, конфликт происходит в рамках определенной политической единицы. Таким образом, гражданские войны операционализируются, в первую очередь, через число жертв в суверенном государстве, причем одной из сторон конфликта должно быть государство, и обе стороны должны нести боевые потери. Такая общепризнанная операционализация позволяет отделить гражданские войны от террористических актов, геноцида, столкновений между криминальными группировками, переворотов и межгосударственных войн. Однако исследователи не пришли к согласию относительно того, как классифицировать войны, в ходе которых изменились основные акторы, – как одну долгосрочную войну или как несколько отдельных последовательных (например, война в Афганистане). Учитывая, что многие количественные исследования в качестве зависимой интервальной переменной рассматривают продолжительность гражданской войны, различия в классификации могут привести к разным результатам и, соответственно, к разным выводам.

Этнические войны имеют все признаки гражданских войн и ведутся с целью расширения политических прав определенных этнических групп и получения участия в процессах рекрутирования должностных лиц, принятия решений и самоуправлении (от автономии до независимости) [Roeder, 2003, p. 512]. Согласно

¹ Проект «Корреляты войны» основан в 1963 г. Д. Сингером и М. Смолом (см.: The correlates of war project [Корреляты войны]. – Mode of access: <http://www.correlatesofwar.org/>)

² Конфликты с числом жертв от 1000 в год собраны в базе гражданских войн «Корреляты войны». Конфликты с числом жертв от 25 в год – в базе вооруженных конфликтов Уппсальского университета (см.: Department of peace and conflict research Uppsala universitet [Отдел изучения мира и конфликтов Уппсальского университета]. – Mode of access: <http://www.pcr.uu.se/research/UCDP/>). В данном контексте следует иметь в виду, что другие режимные изменения, в том числе перевороты и революции, оказываются в этих базах.

П. Кольеру, во время гражданских конфликтов этничность часто используется как инструмент пропаганды, и если этнические расколы не являются причинами конфликта, они могут быть его последствиями, так как общества попадают в «ловушку этнических категорий» [Collier, 2007, р. 56]. Другими словами, вражда между этническими группами может не быть причиной войны, но может стать ее результатом.

Этнические войны в странах, где одна этническая группа доминирует в принятии решений, а другая сконцентрирована на периферии («сыны почвы», по определению Фиарона), находятся на втором месте (после войн, связанных с контрабандным финансированием, см. ниже) по продолжительности (медиана – 23,2 года, среднее арифметическое – 33,7 года) [Fearon, 2004]. Сочетание ресурсов (контрабандное финансирование) и этнических притязаний увеличивает продолжительность этнических войн. В то время как идеологические гражданские войны ведутся с целью получения контроля над государством, этнические войны обычно являются сепаратистскими по природе. Группы стремятся к большей автономии или самоопределению, причем, по мнению А. Доунса, чем длительнее война, тем больше вероятность появления требований политической независимости [Downes, 2006, р. 54].

При рассмотрении этничности как фактора этнических гражданских войн авторы понимают ее как примордиальную характеристику, как необходимый инструмент мобилизации ресурсов и стимулирования политических действий. Следовательно, лишения и дискриминация по этническому признаку провоцируют коллективные действия, для организации которых лидеры подчеркивают этническую принадлежность, что приводит к этническим войнам. Н. Самбанис уверен, что этнические войны характеризуются неизменной идентичностью и распространением историй о вековой вражде и дискриминации, поэтому все члены группы не имеют индивидуального выбора и вынуждены мобилизоваться, так как оппозиционная группа всегда будет видеть в них противников [Sambanis, 2000, р. 438]. Однако с точки зрения рационального выбора любые идеи общего блага, в том числе этнического, вызывают «проблему безбилетника», что усложняет мобилизацию и координацию действий этнических групп в вооруженных конфликтах [Collier, Hoeffer, 2004].

По мнению Л. Кребса, этнические группы определяются на основе общей идентичности, однако объединяющие характеристики не являются примордиальными. По его мнению, исследователям этнических войн свойственны две крайности. Одна воплощается во взгляде, что конфликт является следствием «вековой вражды» между различными этническими группами, другая представлена в утверждении, что стороны этнической войны – «банды мародеров, рекрутированные политическими лидерами под знаменами общей этничности» [Krebs, Vorrath, 2009]. Согласно Ф. Рёдеру, в этнических конфликтах на первом месте стоят политические лишения. В базе конфликтов «Меньшинства на грани риска» все 117 этнических групп поднимали вопросы и экономического, и политического плана, и только одна из 98 групп, выступивших за культурные права, не поставила вопрос о правах политических [Roeder, 2003, р. 512]. Государство находится в центре этнических конфликтов, так как в этнических конфликтах победитель получает власть и, возможно, международное признание. Таким образом, этничность становится инструментом социальной и политической включенности [Cederman, Girardin, 2007, р. 175].

В свою очередь Дж. Фиарон придерживается мнения, что в этнических конфликтах наблюдается переплетение рационального расчета и иррациональных эмоциональных реакций [Fearon, 1994]. Этническая мобилизация зависит от наличия коллективных идентичностей, мотивации и возможностей для совместных действий. Коллективные идентичности определяют границы этнических групп и создают основу для артикулирования и агрегации общих интересов, мотивация определяет стимулы, а возможности зависят от расстановки сил и других структурных факторов [Gurr, 2015]. Таким образом, когнитивный рациональный выбор усиливается аффективными ориентациями, базирующимися на этнической идентичности.

Этнические конфликты можно рассматривать и как следствие определенного пути государствостроительства, когда элиты не в состоянии по каким-то причинам включить и интегрировать население [Cederman, Buhaug, Rød, 2009, р. 499]. Исключение по этническому принципу стимулирует политическую мобилизацию за представительство и включение этнической группы в процесс принятия решений или создание отдельного государства, в котором их этническая группа будет доминировать [ibid., р. 499].

По мнению Дж. Фиарона, этничность является продуктом социальных и политических структур [Fearon, 1994, р. 5], т.е. результатом социализации, поэтому этнические конфликты можно объяснить не через примордиальную вражду, а через так называемую «дилемму безопасности», когда недоверие между этническими группами усиливается вследствие распада государства, что стимулирует внутренние конфликты [Posen, 1993; Fearon, 1994]. Р. Джервис описал дилемму безопасности следующим образом: «Дилемма в чистом виде возникает, когда одной группе противостоят недоверчивая другая и когда действия, направленные на усиление безопасности одной группы, расцениваются в качестве угрозы безопасности другой группы [цит. по.: Sambanis, 2000, р. 438]. Б. Позен считает, что дилемма усиливается, когда группы этнические, а государство ослаблено, либо формируется заново после распада или дезинтеграции [Posen, 1993]. По мнению Ч. Кауфмана, в условиях, когда этнические группы не уверены в том, что непредвзятая центральная власть может предотвратить гражданские конфликты, группы начинают мобилизацию с целью обороны. Такая мобилизация создает угрозу безопасности, так как «сложно принять эффективные оборонительные меры без превентивного наступления», и пока группы наступают и проводят этнические чистки, ни одна из них не может доверить свою безопасность другой [Kaufmann, 1998, р. 122].

Согласно Дж. Фиарону, когда две политические группы оказываются без третьей стороны, которая могла быть гарантом их соглашений, наблюдается всплеск этнического насилия. Независимо от настоящих договоренностей, никто не может дать гарантии соблюдения обязательств, поэтому отделение от слабого государства представляется лучшей альтернативой [подробнее см.: Fearon, 1994, р. 13–14]. Таким образом, дилемма безопасности приводит к превентивным войнам из-за невозможности ни получения гарантий в условиях анархии, ни достижения договоренностей, предотвращающих военные конфликты [Fearon, 1994].

По общепризнанному мнению, цивилизационные различия между сторонами конфликта только усиливают дилемму безопасности, так как они вызывают недоверие, поэтому увеличивается вероятность эскалации конфликта [Roeder, 2003, р. 514]. По его мнению, именно дискриминация в пользу одной цивилизационной или этнолингвистической группы привела к большому числу кон-

фликтов в 1990-е. «Когда государственная религия превращала цивилизационные меньшинства в официальных цивилизационных диссидентов, вероятность конфликта за политические права достигала 63,8%, а вероятность политического насилия – 40,2%. Если цивилизационные меньшинства были этнолингвистическими, вероятность насилия достигала 65,5% и 41,9%, соответственно» [ibid., р. 535].

На примере внутренних этнических конфликтов между группой большинства и группой меньшинства Дж. Фокс эмпирически проверил классическое утверждение С. Хантингтона о наступающем конфликте цивилизаций. Исследовав этнические конфликты в течение двух периодов (233 конфликта в 1945–1989 гг. и 275 конфликтов в 1990–1998 гг.), он пришел к выводу, что цивилизационные конфликты представляют меньшинство (38,2 и 37,8% соответственно). Исламские группы были вовлечены в большинство цивилизационных конфликтов (23,2 и 24,7%), однако только небольшой процент цивилизационных конфликтов происходил между группами исламской и западной цивилизаций (5,6 и 6,9%) [Fox, р. 464]. С. Фиш также проверил тезис о воинствующем исламе и не нашел свидетельств корреляции между преимущественно исламским населением и политическим насилием внутри страны (единственным значимым фактором в моделях Фиша был уровень демократии) [Fish, Jensenius, Michel, 2010].

Политологи, изучающие этнические корреляты гражданских войн, в качестве независимой переменной используют различные индексы этнической фракционализации¹ и приходят к противоречивым результатам. Многие количественные исследования не подтверждают связи между этническим составом и риском конфликтов. Большинство исследователей делают вывод об отсутствии влияния этнического состава на начало гражданской войны [Roeder, Fearon, Laitin, 2003; Fearon, Kasara, Laitin, 2007; Collier, Hoeffler, 2004]. Этническая гетерогенность уменьшает вероятность гражданской войны, так как координация действий усложняется [Collier, Hoeffler, 2004].

¹ Большинство индексов фракционализации основаны на формуле Херфиндаля и измеряют вероятность того, что два случайно выбранных индивида будут принадлежать к разным группам. Индекс этнолингвистической фракционализации (ЭЛФ) имеет значения от 0 (этническая гомогенность) до 100 (крайняя этническая гетерогенность).

По мнению П. Кольера, объективные этнические лишения должны играть определенную роль в провоцировании конфликта, однако их важность была сильно преувеличена, так как никаких эмпирических подтверждений он не нашел [Collier, Hoeffler, 2004; Collier, 2007]. В исследованиях Кольера основные показатели этнического разнообразия не могут объяснить начало гражданских войн: этническая фракционализация значима только на 0,1 уровне, этническая поляризация незначима, и только этническое доминирование увеличивает риск конфликта в два раза [Collier, Hoeffler, 2004].

По мнению Л.-Э. Седермана, только определенные этнические конфигурации приводят к насилию и гражданским войнам, поэтому его команда вводит альтернативный индекс этнического исключения, а также новую переменную «власть у меньшинства» и повторяет модели Фиарона, в результате получив положительные значимые коэффициенты, подтверждающие связь между этничностью и конфликтами на казусах Евразии [Cederman, Girardin, 2007, р. 180]. Дж. Фиарон, в свою очередь, добавил доминирование этнического меньшинства в качестве нового фактора риска, но не смог подтвердить наличие связи между властью меньшинства и гражданской войной [Fearon, Kasara, Laitin, 2007].

В некоторых исследованиях этническая гетерогенность увеличивает вероятность внутреннего вооруженного конфликта или прямо [Sambanis, 2000; Hegre, Sambanis, 2006; Toward a democratic... 2001], или только косвенно через взаимодействие с другими факторами [Blimes, 2006]. Некоторые авторы говорят о наличии нелинейной параболической связи между этнической фракционализацией и риском гражданской войны. Риск будет небольшим при этнической гомогенности и крайней гетерогенности и высоким – при расколе населения на небольшое число отчетливых этнических групп [Elbadawi, Sambanis, 2002]. Т. Эллингсен показывает, что различные аспекты многоэтничного состава (размер большей группы, число групп, размер группы меньшинства, этнические предпочтения) важны для объяснения внутренних вооруженных конфликтов. Конфликтов будет больше в странах, где доминирующая группа составляет менее 80% [Ellingsen, 2000, р. 241]. В ее исследовании связь между числом групп и риском вооруженного конфликта также имеет форму параболы: риск уменьшается при небольшом (1–2) и очень большом (5 и более) числе групп [ibid., р. 241].

М. Рейнал-Кверол считает, что отсутствие статистически значимой связи между этнической гетерогенностью и началом гражданской войны является следствием использования индекса ЭЛФ, поэтому она вводит индекс поляризации и показывает наличие устойчивой связи между поляризацией и риском гражданских войн. Риск войны в поляризованном обществе, разделенном на две равные группы, в шесть раз выше риска войны в гомогенном обществе [Montalvo, Reynal-Querol, 2005]. Дж. Эстебан и Д. Рэй показывают зеркальное влияние фракционализации и поляризации на вооруженные конфликты: конфликты в поляризованных обществах – редкие и сильные, в глубоко разделенных обществах – частые и слабые [Esteban, Ray, 2008].

Противоречивые результаты свидетельствуют о сложности операционализации и измерения этнических характеристик, а также часто являются результатом выбора разных казусов. Исследования, не подтвердившие связи между этническим составом и гражданскими войнами, рассматривали все казусы гражданских войн, не выделяя этнические войны в отдельную категорию. Имеет значение и выбор переменных: географические характеристики (пересеченная местность, удаленность от центра и пр.) предоставляют возможности для ведения войн и будут значимыми для всех типов гражданских войн, в том числе этнических.

Структурные причины гражданских и этнических войн

В 1960-е годы Т. Гурр выдвинул тезис о депривации и фruстрации: чем сильнее депривация, тем больше вероятность политического насилия. По его мнению, «у насилия всегда есть аперитив – эмоциональная база, а масштабы насилия зависят от степени ярости мобилизованных» [Gurr, 2015, р. 14]. Вслед за ним исследователи стали изучать факторы, ведущие к депривации, в основном социально-экономические (бездействие, бедность и неравенство).

При исследовании гражданских войн в качестве зависимых переменных рассматриваются следующие: риск начала гражданской войны, ее продолжительность и риск возобновления конфликтов после завершения (независимо от целей акторов). Результатом таких количественных исследований обычно становится набор объективных независимых условий для зависимой перемен-

ной, круг которых довольно ограничен: уровень экономического развития, наличие ресурсов, состояние соседних государств, состоятельность государства, политический режим, демографические и географические характеристики и др. Большинство исследователей подчеркивают, что в случае отсутствия экономического развития ни политические институты (даже демократические), ни большие расходы на армию, ни этническая и религиозная гомогенность не обезопасят страну от начала конфликта. По мнению Кольера, риск начала вооруженного конфликта возрастает при низком уровне доходов и экономическом неравенстве, а в случае ресурсной экономики усиливается риск длительного конфликта [Collier, Hoeffler, 2004]. Согласно Х. Хегре и Н. Самбанису, риск усиливается при большой численности населения и низком уровне благосостояния (ВВП на душу населения). Авторы обнаруживают устойчивую связь между риском войны и другими переменными, в том числе небольшим численным составом армии, пересеченной местностью, недемократическими и воинствующими соседями [Hegre, Sambanis, 2006].

Наличие ресурсов в бедных странах (алмазы, нефть, древесина, кофе, и т.п.) позволяет финансировать вооруженные группы, увеличивая продолжительность конфликтов. В исследовании Дж. Фиарона самыми продолжительными (медиана – 28 лет, среднее арифметическое – 48 лет) являются конфликты, в основе которых лежит контрабандное финансирование, получаемое от продажи ресурсов, в первую очередь нефти, алмазов и наркотиков [Frearson, 2004]. Продолжительность конфликта будет увеличиваться при концентрации ресурсов в удалении от центра, что облегчает их добычу и захват повстанцами. Соответственно, только общий отказ покупать ресурсы у повстанцев может прекратить конфликты, продолжающиеся на основе их продажи¹.

Авторы, изучающие конфликты и ресурсы, обращаются к проблеме «нефтяного проклятия». Нефтезависимость, по их мнению, приводит к войнам, причем эти войны ставят целью отделение некоторых регионов и отличаются большей интенсивностью и продолжительностью по сравнению с конфликтами в странах, не

¹ Политика запрещения торговли конфликтными ресурсами действует только в отношении алмазов (см.: Kimberley process [Процесс Кимберли]. – Mode of access: <http://www.kimberleyprocess.com/>).

имеющих нефти [Fearon, 2004]. В реальности сложно выделить главную причину конфликта в государстве (например, конфликт в Судане (Север – Юг) представлял собой сочетание расовых и религиозных расколов при наличии ресурсов (нефть). С точки зрения Т. Карл, нефть – важный стратегический ресурс, который может быть мотивом, средством и обоснованием продолжающихся вооруженных конфликтов, поэтому все войны в странах – экспортерах нефти являются нефтяными войнами, вне зависимости от их начала и заявленных требований [Karl, 2008].

В классической работе П. Кольера «Алчность и лишения» были операционализированы возможности (алчность) и мотивы (лишения) повстанцев, которые приводят к началу гражданских войн. Лишения имеют экономический, политический и социальный характер и связаны с исключением определенных групп населения, в том числе этнических, с неравенством и несправедливым распределением, что увеличивает недовольство, поэтому лишения приводят к гражданским конфликтам с целью восстановления справедливости. Факторами, дающими возможности для ведения войн, становятся ресурсы, рассредоточение населения, низкий уровень доходов и низкий уровень образования мужчин (они могут также вести к лишениям, но в модели Кольера мобилизовать необразованных и безработных будет легко и менее затратно, что увеличивает риск войны). Таким образом, бедность одновременно служит индикатором, мотивом и возможностью для вооруженного конфликта: при ВВП \$250 на душу населения риск войны возрастает на 15%, а при ВВП более \$5000 риск войны уменьшается до 1% [Collier, 2004].

Многие авторы демонстрируют устойчивую и значимую связь между географическими и климатическими факторами и началом и продолжительностью гражданских войн. Они объясняют начало войн или их продолжительность через соревнование за ресурсы вследствие климатических изменений [Toward a democratic... 2001]¹, наличием большой территории, гористой и пересеченной местности, обеспечивающей укрытие для повстанцев

¹ Экономисты университета Беркли пришли к выводу, что повышение температуры воздуха на 1 градус Цельсия увеличивает риск гражданской войны на 4,5%, причем для 11% наблюдений (страна/год) риск составит 49% [Warming increases... 2009, p. 1].

[Fearon, Laitin, 2003; Hegre, 2006], войны в соседнем государстве, которая пересекает государственные границы [Fearon, 2004; Cederman, Buhaug, Rød, 2009; Hegre, Sambanis, 2006].

Итак, среди глобальных и региональных сравнительных исследований гражданских войн преобладает структурный подход, в рамках которого рассматриваются различные предпосылки, факторы и условия, способствующие началу гражданских войн и проплывающие их. Статистическая значимость становится главным критерием для оценки влияния независимых переменных, в основном социально-экономических, благодаря их простой операционализации. Однако одни и те же факторы в разных сравнительных исследованиях приводят к разным событиям (гражданские войны, перевороты, реформы и революция), характерным для нестабильных политических режимов, поэтому следует рассмотреть причинно-следственные связи между политическими режимами и гражданскими войнами.

Войны и политические режимы

К политическим переменным, влияющим на риск и продолжительность гражданских войн, относятся распад государства и создание новых независимых государств, смена политического режима, слабость и нелегитимность действующего режима [Fearon, 2004; Hegre, Sambanis, 2006; Cederman, Buhaug, Rød, 2009]. Политические режимы создают определенные институциональные условия для начала гражданских войн, так как гарантируют политические и экономические права, представляют возможности для артикулирования и представительства интересов и вводят ограничения, которые ведут к фрустрации и лишениям определенных, чаще всего этнических, групп населения.

Теоретически демократические режимы должны предотвращать внутренние вооруженные конфликты, однако общепризнанный тезис о демократическом мире не подтверждается количественными исследованиями, так как у большинства авторов уровень демократии является незначимой переменной [Collier, Hoeffler, 2004; Fearon, Laitin, 2003]. У Седермана демократия становится значимой переменной, однако указывает на обратное направление

связи, т.е. способствует началу гражданской войны [Cederman, Girardin, 2007, р. 178–179].

Используя данные проекта Полити¹, исследователи находят подтверждение нелинейной (параболической) зависимости между уровнем демократии и риском гражданских войн [Toward a democratic... 2001; Fearon, Laitin, 2003] и говорят о стабильности консолидированных режимов любого типа. Хегре считает, что сильные авторитарные режимы могут подавить сопротивление лучше, чем смешанные режимы, поэтому авторитарии в среднем сохраняются 7,9 лет, полудемократии – 5,8 лет, демократии – 10 лет [Toward a democratic... 2001, р. 36]. У С. Гейтса стабильные авторитарии в среднем выживают 10 лет, а неустойчивые авторитарии – не более 4–5 лет [Institutional inconsistency... 2006, р. 904]. Таким образом, анонкратии (режимы с рейтингом Полити от –5 до +5), демократии с прилагательными, полудемократии или гибридные режимы, сочетающие демократические институты с недемократическими и непоследовательными практиками, наиболее уязвимы перед гражданскими войнами [Toward a democratic... 2001; Ellingsen, 2000; Gleditsch, 2012; Sambanis, 2000; Gandhi, Vreeland, 2004; Fearon, Laitin, 2003].

Это объясняется тем, что демократические режимы соблюдают гражданские права населения и не подвергают отдельные группы дискриминации, диктатуры же не соблюдают права, но используют репрессии. С точки зрения рационального выбора, граждане будут участвовать в вооруженных конфликтах только при отсутствии других возможностей влияния на власть. При стабильном авторитарном режиме иррационально восставать вследствие высоких затрат и небольших шансов на успех, при демократиях результаты мирных переговоров превысят любой выигрыш от конфликта, в то время как в полудемократиях внутренний конфликт будет оптимальным выбором [Ellingsen, 2000, р. 237]. Согласно Т. Эллингсен, демократии обладают институтами для разрешения конфликтов, а авторитарии подавляют любую оппозицию, анонкратии не могут использовать репрессии для подавления конфликта и не могут примирить стороны конфликта демократическим способом, поэтому они больше подвержены риску граждан-

¹ Polity IV project: Political regime characteristics and transitions, 1800–2013. – Режим доступа: <http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm>

ских войн. По сравнению с демократиями риск внутренних конфликтов в 1,5 раза выше в автократиях и в 3 раза выше в полудемократиях [Ellingsen, 2000, р. 243]. К схожим результатам приходит Гейтс: анонкратии в среднем существуют в 3,8 раз меньше демократий и в 1,7 раз меньше автократий [Institutional inconsistency... 2006, р. 900].

Полудемократии представляют собой сочетание полуоткрытости и частичного подавления. Такое сочетание стимулирует протесты, восстания и другие формы гражданского насилия, в том числе вооруженные конфликты. С одной стороны, репрессии приводят к лишениям и ставят целью ограничение представительства отдельных групп. С другой стороны, полуоткрытость способствует организации протестных действий. Такое институциональное противоречие, согласно Хегре, объясняет связь между гибридными режимами и вооруженными конфликтами [Toward a democratic... 2001, р. 33]. Независимо от институциональных характеристик, режимы с рангом от -5 до +5 неэффективные, слабые и / или нестабильные. По мнению Фиарона, слабым режимам не хватает ресурсов для подавления потенциальных повстанческих движений, поэтому они создают возможности как для сепаратистов, стремящихся к отделению, так и для повстанцев, пытающихся захватить центральную власть [Fearon, Laitin, 2003, р. 81].

Многие авторы считают, что гибридные режимы – переходные режимы, которые возникли после распада демократического или авторитарного режима и не успели консолидироваться. Распады политических режимов независимо от дальнейшего направления политического развития увеличивают вероятность гражданских войн. В исследовании Хегре риск начала гражданской войны на следующий день после смены режима увеличивается в 3,55 раза, через год – в 1,89 раз, и только через 6 лет можно говорить об отсутствии связи [Toward a democratic... 2001, р. 36]. Направление режимных изменений не имеет значения в краткосрочной перспективе. Согласно Хегре, демократизация и авторитаризация одинаково способствуют началу гражданских войн, причем пока полудемократии не перейдут к демократии, уровень насилия не уменьшится [ibid., р. 43–44]. Седерман также подтвердил сильную и позитивную связь между гражданскими (нетерриториальными) войнами и демократизацией и даже с авторитаризацией, хотя эти процессы следуют разной логике. При демократизации необходимо время на мобилизацию граждан для ведения войны, при авто-

кратизации крах демократии приводит к росту политического насилия, особенно в случае переворотов [Cederman, Hug, Krebs, 2010, p. 387].

Находя нелинейную параболическую связь между политическими режимами и гражданскими войнами, большинство исследователей не анализируют сущностные характеристики гибридных режимов. Ранг от -5 до $+5$ по шкале Полити может означать множество разнообразных институциональных сочетаний переменных индекса (рекрутирование, соревновательность, участие), каждая из которых может способствовать или препятствовать началу вооруженных конфликтов. Наиболее устойчива полития с открытыми и соревновательными выборами, максимальными ограничениями исполнительной власти и максимальным уровнем участия (31 год), а наименее устойчива (0,8 лет) полития, в которой выборы и ограничение исполнительной власти сочетаются с низким уровнем участия [Institutional inconsistency... 2006, p. 903].

Согласно Голдстоуну, тип политического режима является главным фактором, объясняющим гражданские войны, операционализировать его нужно не через уровень демократии, а через конфигурацию политического участия и рекрутирования. Голдстоун выделяет два типа анократий: частичные демократии (режимы, в которых элиты избираются в ходе соревновательных выборов и политическое участие не контролируется, но по одному из этих измерений они отстают от полной демократии) и частичные авторатии (режимы, которые либо проводят соревновательные выборы, либо разрешают политическое участие) – и демонстрирует, что последние подвержены большему риску гражданских войн [A global forecasting model... 2005].

Стабильные авторитарные режимы также сильно отличаются друг от друга в плане предоставления возможностей артикулирования интересов и использования репрессий, поэтому некоторые исследователи смотрят на риск гражданских войн через призму типа авторитаризма. Диктаторы в однопартийных режимах используют выборы для легитимизации своей власти, поэтому они зависят от поддержки населения и ограничены в применении насилия больше, чем другие диктаторы. При наличии сильной оппозиции диктатор может согласиться на демократизацию, чтобы избежать войны. В военных режимах при отсутствии политической партии, выборов и институтов для эффективного кооптирования оппозиции гражданская война становится продолжением политики

другими средствами. Х. Фьелде использует усеченную классификацию А. Хадениуса и анализирует риск гражданской войны в военных, однопартийных, многопартийных режимах и монархиях. Исследование демонстрирует, что военные режимы в два раза больше подвержены риску конфликтов, чем гражданские. Вероятность вооруженного конфликта в однопартийных режимах и монархиях составляет 0,7%, в многопартийной электоральной авторатии – 1,5%, в военных режимах – 1,6% [Fjelde, 2010, p. 209]. Таким образом, риск конфликта связан с типом нового политического режима, и направление режимных изменений имеет значение. Дж. Ганди и Дж.Р. Врилэнд в исследовании институциональных факторов, обеспечивающих стабильность авторитарных режимов, показали, что гражданские войны наиболее вероятны в чистых диктатурах без институтов и наименее вероятны в демократиях и анонратиях, или институционализированных диктатурах, т.е. диктатурах с выборами и парламентами. В их исследовании диктатуры с номинально демократичными парламентами менее склонны к гражданским войнам, наличие парламента в диктатурах уменьшает риск войны в два раза [Gandhi, Vreeland, 2004].

Таким образом, на риск развязывания гражданской войны влияют тип политического режима, недемократические институты, способ смены режима и направление политического развития. При либеральной демократии снижается риск гражданской войны, однако на пути демократии постконфликтное общество должно пройти минимум через две фазы транзита: демократизацию и консолидацию. Исследователи выявляют большую предрасположенность к откату в войну среди постконфликтных демократий, так как при жестком авторитаризме риск возобновления конфликта составляет 24,6%, при демократии – 62% [Collier, Hoeffer, Söderbom, 2006, p. 10]. Как показывает Б. Уолтер, уровень демократии демонстрирует значимую связь с началом первой гражданской войны и не связан с риском возобновляющихся войн [Walter, 2004, p. 384], поэтому войны, ранее развязанные и завершенные при авторитаризме, могут возобновиться в условиях новой демократии. В данном контексте необходимо понять, какие постконфликтные институты могут привести к новым конфликтам.

Перспективы постконфликтной демократии для разделенных обществ

Только 20% вооруженных конфликтов заканчиваются соглашением: из 372 завершившихся конфликтов с 1946 по 2005 г. 120 конфликтов закончились победой, 57 – мирным соглашением, 47 – прекращением огня¹ [Zartman, 2009, р. 323]. Переговорное завершение войны является менее стабильным результатом: откат к гражданской войне происходит в два-три раза чаще, чем при убедительной победе. Конфликты возобновляются в 12% случаев, завершившихся победой, и в 29% случаев, завершившихся переговорами, причем все войны, возобновившиеся после перемирия, были этническими, а этнические войны, разрешающиеся переговорным процессом, возобновляются в половине случаев [Downes, 2006, р. 50–51].

Этнические войны приводят к поляризации общества, поэтому этнические группы легко снова мобилизовать при появлении недоверия к новым институтам или акторам из антагонистической группы и неуверенности в соблюдении достигнутых договоренностей (дилемма безопасности). Возобновление этнических войн можно предотвратить через компромиссные договоренности об институциональных изменениях политической системы (разделение власти и ответственности и достижение региональной автономии) либо об отделении. Отделение удовлетворяет националистические стремления к государственности и не требует ни разоружения сторон, ни взаимного сотрудничества бывших противников [Downes, 2006, р. 50], следовательно, не создает причин для появления дилеммы безопасности. Еще Д. Растроу считал, что единственным предварительным условием для развития демократии является наличие национального единства, осознание гражданами общей идентичности или по меньшей мере отсутствия у них «сомнений или мысленных оговорок относительно того, к какому политическому сообществу они принадлежат» [Растроу, 1996, с. 7].

По мнению Растроу, проблемы государственного единства и формирования общей идентичности должны решаться до начала процесса демократизации. Острые этнические расколы и противо-

¹ Остальные 148 завершились в результате миротворческих операций, сепрессии или сочетания нескольких вариантов.

речия препятствуют достижению демократии, так как могут вести к различным формам национализма, подъему националистических движений, продолжающимся вооруженным конфликтам и этническим войнам. Поэтому Растроу заключал: если «линия раскола точно совпадает с региональными границами, результатом, скорее всего, будет не демократия, а сепарация» [Растроу, с. 9]. Горовиц также рекомендовал отделение антагонистических групп, сконцентрированных территориально. «В случае если группы не могут жить вместе в гетерогенном государстве, им будет лучше жить отдельно в нескольких гомогенных государствах», – считал он [цит. по: Sambanis, 2000, р. 437].

Идея территориального разделения враждующих групп с целью урегулирования этнического конфликта продолжает находить поддержку среди политиков и политологов. Как пишет Кауфман, этнические гражданские войны не завершатся, пока противоборствующие группы не потеряют стимулы для борьбы, т.е. не окажутся в «гомогенных этнических анклавах» [Kaufmann, 1998]. Он провел серию гипотез о связи между возобновлением конфликта и разделением и пришел к выводу, что никакие попытки разрешения конфликта не будут эффективными без разделения по этническому принципу, причем «разделение (англ. *partition*) без отделения (англ. *separation*) только усиливает конфликты» [ibid., р. 123]. Кауфман считает, что депатриация беженцев после окончания этнической войны на территории, занятые во время военных действий другой этнической группой, снова вызовет дилемму безопасности и тем самым воссоздаст условия для возобновления войны [ibid., р. 156]. Если Ч. Кауфман пришел к выводу, что отделение уменьшает насилие, предотвращает новые конфликты и приводит к миру [ibid.], то в исследовании Н. Самбаниса отделение не «только не предотвращает возобновление войны, но и не является лучшим решением» [Sambanis, 2000]. В моделях Самбаниса демонстрируется значимая и позитивная корреляция между идентичностными войнами (этническими и религиозными) и отделением, причем вероятность отделения уменьшается при большей этнической гетерогенности и увеличивается с ростом размера этнических групп [ibid., р. 457].

Доунс придерживается более компромиссного подхода, ссылаясь, что отделение предпочтительно только в случае острого этнического конфликта и невозможности достижения соглашения о

едином государстве [Downes, 2006, p. 50]. Однако в исследовании Б. Уолтер территориальные уступки поощряют имитационные действия, когда новые силы начинают требовать отделения от государства, согласившегося на концессию [Walter, 2004, p. 379]. Как показывает посткоммунистическая история, новые территориальные требования и необходимость решения дилеммы безопасности могут появиться и в границах постконфликтных новых независимых государств [см.: Харитонова, 2013].

Кроме отделения существуют и другие способы достижения гражданского мира. А. Степан писал, что при культурном многообразии можно построить нацию-государство и государство-нацию. Нация-государство возникает вследствие создания общей культурной идентичности, политики ассимиляции или использования репрессий. Государство-нация формируется благодаря политico-институциальному подходу, базирующемуся на идее сохранения множества идентичностей и их комплементарности. Все группы получают возможности выражения своих интересов, и общая «мы-идентичность» закрепляется институциональными механизмами, гарантирующими защиту различий, такими как асимметричный федерализм и консociативные процедуры. В теории А. Степана и Х. Линца «подход нации-государства предполагает создание общей культуры внутри государства, подход государства-нации требует большего – уважения к общим институтам и социокультурным различиям», причем «государство-нация является не предустановленной реальностью... а результатом политики и дизайна» [Stepan, Linz, Yadav, 2011, p. 4–5]. Как отмечают И. Кудряшова и Е. Мелешкина, политика государствостроительства приобретает «выраженную страновую специфику, обусловленную историческим прошлым, геополитическим положением и рядом других факторов. Способы такой политики могут быть разными: закрепление одного государственного языка, фальсификация истории, переписывание учебников, введение новых национальных символов, праздников и героев, запрет иноязычного вещания, прямые репрессии и др. Один из действенных механизмов консолидации является создание “анклавов” этнических меньшинств, в большей или меньшей мере исключаемых из политического сообщества страны» [Кудряшова, Мелешкина, 2009, с. 47].

В исследованиях П. Кольера демократия не является эффективным инструментом ни для предотвращения возобновления

войн, ни для сохранения постконфликтного мира [Collier, 2007]. Однако большинство политологов согласны с тем, что демократизация в конечном итоге приведет к демократическому гражданскому миру, так как демократические механизмы смогут разрешить конфликты и перевести их в институциональное русло, тем самым предотвратив эскалацию насилия, репрессии и дискриминацию каких-либо групп. А. Пшеворский писал, что «политические институты регулируют конфликты мирным способом при условии, что организованные политические силы продвигают свои интересы в институциональных рамках и признают любые результаты институционального взаимодействия» [Пшеворский, 2013, с. 400]. По мнению Горовица, «демократические правила работают только в случае неострых этнических расколов, когда нет ни четких политических аффилиаций, ни устойчивого разделения на меньшинство и большинство» [Horowitz, 1993, р. 28], т.е. когда новые политические партии не формируются по этническому принципу.

Проблема строительства демократии в этнически сегментируемых обществах с глубокими противоречиями была в основе выдвинутой А. Лейпхартом концепции сообщественной (консociативной) демократии. По логике данной модели, антагонистические группы в целях достижения демократического мира должны ориентироваться на сотрудничество и компромисс. Данная концепция, как и предлагаемые в ее рамках институты (пропорциональное представительство, право вето, автономия сегментов и большая коалиция), опирается на идею согласования и приспособления различных интересов, обеспечивающую перенос конфликта в институциональные демократические рамки при сохранении государственности. В этом случае именно фрагментация будет способствовать становлению демократии (при условии наличия небольшого числа равновеликих сегментов) [подробнее см.: Лейпхарт, 1997] и готовности элит соблюдать достигнутые договоренности. В противном случае возникает риск возобновления конфликта.

«Мир удается сохранить при таком институциональном дизайне, при котором шанс победы на институциональном поле сравним с шансом преобладания в результате силового способа» – считает Пшеворский [Пшеворский, 2013, с. 401]. Однако, согласно Горовицу, сложно выделить институты, способствующие многоэтничной демократии, так как демократия может привести как к

правлению большинства при исключении меньшинства, так и к правлению меньшинства при исключении большинства [Horowitz, 1993, р. 20], так как «в теории многие институты совместимы с демократией, но не все они способствуют многоэтнической включенности» [ibid., р. 28].

Для обеспечения гражданского мира институты должны предотвращать появление дилеммы безопасности, обеспечив взаимное доверие и возможность артикулирования интересов обеих сторон. Оптимальными институциональными формулами считаются автономия и федерализм, разделение ответственности (англ. *power sharing*), включающее резервирование постов и полномочий за членами определенных групп, пропорциональное представительство и право вето меньшинства. Наибольшим позитивным действием для демократического мира обладает автономия. Так, в исследовании Кольера при отсутствии автономии риск возобновления конфликта составляет 46,2%¹, при наличии автономии – снижается до 12,2% [Collier, Hoeffer, Söderbom, 2006, р. 11]. С точки зрения Горовица, этническая включенность в большую коалицию не решает проблемы, а «ex cathedra советует сторонам этнического конфликта отложить свой конфликт... так как появление включающего многоэтнического правительства приведет к началу новой борьбы за включение и исключение... поэтому такие правила не будут устойчивыми» [Horowitz, 1993, р. 32].

Выбирая между системами правления, многие авторы не рекомендуют вводить президентскую или полупрезидентскую формы, особенно с большими полномочиями всенародно избранных президентов. Наименее подходящей считается президентская форма с единоличным президентом, так как президент и сосредоточенная у него исполнительная власть будет представлять либо большинство, либо меньшинство. Специфические черты президентских систем (фиксированные сроки полномочий президента и парламента, разделение исполнительной и законодательной власти, выражющееся в отсутствии у парламента права выражать недоверие правительству, а у президента – права роспуска парламента) делают кризисы между двумя ветвями власти неразрешимыми и создают ситуации взаимоблокирования [см.: Харитонова,

¹ Переменная «автономия» значима только на уровне 15%.

2012]. В условиях гетерогенных обществ вероятность попыток разрешения таких конфликтов неконституционным путем возрастает.

Стимулом для возобновления этнического конфликта могут стать выборы. По мнению Доунса, постконфликтные выборы играют роль этнической переписи населения, так как конфликт между группами усиливает внутригрупповую солидарность, что не способствуют компромиссам и доверию противоположной группе [Downes, 2006, р. 53]. В таких условиях политические институты, построенные на принципах доверия, консенсуса и аккомодации, зайдут в тупик [ibid., р. 53] и могут распасться. Поэтому важно выбирать электоральные законы, способствующие включенности всех групп населения в процесс выборов и процесс принятия решений, и при наличии избирательного порога сделать его низким [Reynolds, Reilly, 2008, р. 126]. Большинство политологов с этой целью рекомендуют использование системы пропорционального представительства [Carey, Hix, 2011; Reynolds, Reilly, 2008]. Рейнал-Квирол показала эмпирически, что пропорциональное представительство снижает риск гражданской войны [Reynal-Querol, 2002].

Исследование П. Колльера, А. Хоффлер и М. Сёдербома показало, что постконфликтные выборы переносят риск войны от года до выборов на год после выборов, тем самым увеличивая риск конфликтов в будущем¹ [Collier, Hoeffler, Söderbom, 2006]. Авторы считают, что выборы создают только видимость мира и не являются инструментом для системного разрешения конфликтов. Поэтому некоторые политологи рекомендуют начинать с местных выборов и постепенно переходить на вышестоящий уровень [Reynolds, Reilly, 2008, р. 126].

В отличие от стратегии разделения ответственности (англ. *power sharing*), Ф. Рёдер предлагает стратегию разделения власти (англ. *power dividing*) или множественного большинства (англ. *multiple-majorities*), отличительной чертой которой является акцент на гражданское общество (а не государство) и на институты, «ограничивающие привилегированное представительство отдельных культурных общин и поощряющие политическое представительство как можно большего числа культурных и социально-экономических

¹ Проведение выборов уменьшает риск конфликта в год выборов с 6,2% до 3,4%, однако на следующий год после выборов риск возрастает с 5,2% до 10,6% [Collier, Hoeffler, Söderbom, 2006, р. 10–11].

интересов» [Roeder, 2011]. При такой стратегии процесс принятия решений распределяется горизонтально и вертикально, но решения принимаются большинством в каждом органе, имеющем определенную узкую сферу полномочий. В отличие от стратегии разделения ответственности, стратегия разделения власти не дает рекомендаций по отдельным институтам, но стремится увеличить способы представительства. Однако для проведения такой стратегии также будут необходимы государственное единство (в понимании Д. Растроу) и политическая воля акторов политического процесса.

* * *

В настоящий момент сложился консенсус вокруг определения гражданских и этнических войн, однако не достигнуто согласие относительно причин и условий. Структуралисты выявляют причинно-следственные связи между социальными, экономическими, политическими и иными контекстуальными переменными и риском начала гражданских войн. Такие связи понимаются как структурные предпосылки гражданских войн, обусловленные влиянием определенных структур, а не намерениями, действиями и мотивами акторов. Многомерные статистические модели установили значимые эмпирические закономерности и выявили множество факторов, коррелирующих с началом гражданских войн и их возобновлением. Главными проблемами остаются операционализация и измерение ключевых переменных и сложности объяснения причинно-следственных механизмов обнаруженных связей. По мнению некоторых авторов, гетерогенность акторов гражданских и этнических войн, наличие нелинейных механизмов, ответных реакций, неслучайных взаимодействий и тропозависимой динамики не соответствуют результатам, полученным в ходе количественных исследований с большим числом казусов [Bhavnani, Miodownik, 2009, р. 3]. Гражданские и этнические войны могут начинаться при разных сочетаниях структурных факторов, однако стремление разрешить конфликты в институциональных рамках является следствием политической воли акторов конфликта. Таким образом, акторы могут предотвратить вооруженные конфликты, способствовать постконфликтному политическому урегулированию и препятствовать возобновлению конфликтов. Однако, по мнению П. Кольера,

«в странах, в которых плохое правление существует с восстанием, повстанцы обычно не стремятся к хорошему правлению, являясь не менее жестокими и не более компетентными», чем действующие диктаторы [Collier, 2007].

Список литературы

- Кудряшова И.В., Мелешкина Е.Ю.* Этнические меньшинства и национальное строительство на постсоветском пространстве: к постановке исследовательской проблемы // Вестник МГИМО-Университета. – М., 2009. – № 2(5). – С. 45–55.
- Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 286 с.
- Пиеворский А.* Политический институт и политический порядок // Демократия в российском зеркале. – М.: МГИМО, 2013. – С. 398–428.
- Растоу Д.* Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. Политические исследования. – М., 1996. – № 5. – С. 5–15.
- Харитонова О.Г.* Президентство и демократия: состояние дискуссии // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – № 3. – С. 199–213.
- Харитонова О.Г.* СФРЮ: институциональные проблемы этнической федерации // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2013. – № 3. – С. 190–205.
- Bhavnani R., Miodownik D.* Ethnic polarization, ethnic salience, and civil war // Journal of conflict resolution. – Ann Arbor, Mich., 2009. – Vol. 53, N 1. – P. 30–49.
- Blimes R.J.* The indirect effect of ethnic heterogeneity on the likelihood of civil war onset // Journal of conflict resolution. – Ann Arbor, Mich., 2006. – Vol. 50, N 4. – P. 536–547.
- Warming increases the risk of civil war in Africa / Burke M., Miguel E., Satyanath S., Dykemae J.A., Lobell D.B. // PNAS. – Baltimore, 2009. – Vol. 106, N 49. – Mode of access: www.pnas.org/cgi/doi/10.1073/pnas.0907998106 (Дата посещения: 15.09.2013.)
- Cary J.M., Hix S.* The electoral sweet spot: Low-magnitude proportional electoral system // American journal of political science. – Detroit, MI, 2011. – Vol. 55, N 2. – P. 383–397.
- Cederman L.-E., Buhaug H., Rød J.K.* A GIS-based analysis // Journal of conflict resolution. – Ann Arbor, Mich., 2009. – Vol. 53, N 4. – P. 496–525.
- Cederman L.-E., Girardin L.* Beyond fractionalization: Mapping ethnicity onto nationalist insurgencies // American political science review. – Cambridge, 2007. – Vol. 101, N 1. – P. 173–185.
- Cederman L.-E., Hug S., Krebs L.* Democratization and civil war: Empirical evidence // Journal of peace research. – Ann Arbor, Mich., 2010. – Vol. 47, N 4. – P. 377–394.
- Collier P.* Ethnic civil wars. Securing the post-conflict peace // Harvard international review. – Cambridge, Mass., 2007. – Vol. 28, N 4. – P. 56–60.
- Collier P., Hoeffler A.* Greed and grievance in civil war // Oxford economic papers. – Oxford, 2004. – Vol. 56. – P. 563–595.
- Collier P., Hoeffler A., Söderbom M.* Post-conflict risks / Centre for the study of African economies, university of Oxford. – Oxford, 2006. – Mode of access:

<http://www.csae.ox.ac.uk/workingpapers/pdfs/2006-12text.pdf> (Дата посещения: 1.11.2015.)

- Downes A.B.* More borders, less conflict? Partition as a solution to ethnic civil wars // *SAIS Review*. – Washington D.C., 2006. – Vol. 26, N 1. – P. 49–61.
- Elbadawi I., Sambanis N.* How much war will we see? Explaining the prevalence of civil war // *Journal of conflict resolution*. – Ann Arbor, Mich., 2002. – Vol. 46. – P. 307–334.
- Ellingsen T.* Colorful community or ethnic witches' brew?: Multiethnicity and domestic conflict during and after the Cold War // *Journal of conflict resolution*. – Ann Arbor, Mich., 2000. – Vol. 44, N 2. – P. 228–249.
- Esteban J., Ray D.* Polarization, fractionalization and conflict // *Journal of peace research*. – Oslo, 2008. – Vol. 45, N 2. – P. 163–182.
- Fearon J.* Ethnic war as a commitment problem: Paper presented at the 1994 Annual Meetings of the APSA, N.Y., August 30 – September 2. – Из личного архива О.Г. Харитоновой.
- Fearon J.* Why do some civil wars last so much longer than others? // *Journal of peace research*. – Oslo, 2004. – Vol. 41, N 3. – P. 275–301.
- Fearon J., Laitin D.* Ethnicity, insurgency, and civil war // *American political science review*. – Washington, D.C., 2003. – Vol. 97, N 1. – P. 75–90.
- Fearon J., Kasara K., Laitin D.* Ethnic minority rule and civil war onset // *American political science review*. – Washington, D.C., 2007. – Vol. 101, N 1. – P. 187–193.
- Fish S., Jensenius F.R., K. Michel E.* Islam and large-scale political violence: Is there a connection? // *Comparative political studies*. – Thousand Oaks, CA, 2010. – Vol. 43, N 11. – P. 1327–1362.
- Fjelde H.* Generals, dictators, and kings: Authoritarian regimes and civil conflict, 1973–2004 // *Conflict management and peace science*. – Philadelphia, PA, 2010. – Vol. 27, N 3. – P. 195–218.
- Fox J.* Two Civilizations and ethnic conflict: Islam and the west // *Journal of peace research*. – Oslo, 2001. – Vol. 38, N 4. – P. 459–472.
- Gandhi J., Vreeland J.* Political institutions and civil war: Unpacking anocracy. – 2004. – Из личного архива О.Г. Харитоновой.
- Institutional inconsistency and political instability: Persistence and change in political systems revisited, 1800–1998 / Gates S., Hegre H., Jones M.P., Strand H. // *American journal of political science*. – Detroit, MI, 2006. – Vol. 50, N 4. – P. 893–908.
- Gleditsch N.P.* Whither the weather? Climate change and conflict // *Journal of peace research*. – Oslo, 2012. – Vol. 49, N 1. – P. 3–9.
- A global forecasting model of political instability / Goldstone J.A., Bates R.H., Gurr T.R., Lustik M., Marshall M.G., Ulfelder J.: Paper prepared for presentation at the Annual Meeting of the APSA, Washington, DC, September 1–4, 2005. – Из личного архива О.Г. Харитоновой.
- Gurr T.D.* Political rebellion. Causes, outcomes and alternatives. – L.; N.Y.: Routledge, 2015. – 291 p.
- Toward a democratic civil peace? Democracy, political change, and civil war, 1816–1992 / Hegre H., Ellingsen T., Gates S., Gleditsch N.P. // *American political science review*. – Washington, D.C., 2001. – Vol. 95, N 1. – P. 33–48.

- Hegre H., Sambanis N.* Sensitivity analysis of empirical results on civil war onset // *Journal of conflict resolution*. – Ann Arbor, Mich., 2006. – Vol. 50, N 4. – P. 508–535.
- Horowitz D.* Democracy in divided societies // *Journal of democracy*. – Baltimore, MD, 1993. – Vol. 4, N 4. – P. 18–38.
- Karl T.L.* Democracy over a barrel: Oil, regime change and war / Center for the study of democracy, Univ. of California. – Irvine, 2008. – Из личного архива О.Г. Харитоновой.
- Kaufmann C.D.* When all else fails: Ethnic population transfers and partitions in the twentieth century // *International security*. – Cambridge, MA, 1998. – Vol. 23, N 2. – P. 120–156.
- Krebs L.F., Vorrath J.* Democratisation and conflict in ethnically divided societies. // *Living reviews in democracy*. – Zurich, Switzerland: Center for Comparative and International Studies: NCCR Democracy, 2009. – Mode of access: http://www.cis.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/cis-dam/CIS_DAM_2015/Working_Papers/Living_Reviews_Democracy/Vorrath%20Krebs.pdf (Дата посещения: 21.12.2015.)
- Montalvo J., Reynal-Querol M.* Ethnic polarization, potential conflict, and civil wars // *American economic review*. – Nashville, Tenn., 2005. – Vol. 95, N 3. – P. 796–816.
- Posen B.R.* The security dilemma and ethnic conflict // *Survival*. – Oxford, 1993. – Vol. 35, N 1. – P. 27–47.
- Reynal-Quero M.* Ethnicity, political systems, and civil wars // *Journal of conflict resolution*. – Ann Arbor, Mich., 2002. – Vol. 46, N 1. – P. 29–54.
- Reynolds A., Reilly B.* Electoral system design: The new international IDEA Handbook. – Stockholm: International institute for democracy and electoral assistance, 2008. – 223 p.
- Roeder P.G.* Clash of civilizations and escalation of domestic ethnopolitical conflicts // *Comparative political studies*. – Thousand Oaks, CA, 2003. – Vol. 36, N 5. – P. 509–540.
- Sambanis N.* Partition as a solution to ethnic war: An empirical critique of the theoretical literature // *World politics*. – Baltimore, 2000. – Vol. 52, N 4. – P. 437–483.
- Stepan A., Linz J., Yadav Y.* Crafting state-nations. India and other multinational democracies. – Baltimore: The Johns Hopkins univ. press, 2011. – 336 p.
- Walter B.* Does conflict beget conflict? Explaining recurring civil war // *Journal of peace research*. – Oslo, 2004. – Vol. 41, N 3. – P. 371–388.
- Zartman W.I.* Conflict resolution and negotiation // *The SAGE handbook of conflict resolution* / Bercovitch J. et al. ed. – L.: Sage, 2009. – P. 322–339.

КОНТЕКСТ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ В РАЗДЕЛЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ

Г.Г. КОСАЧ*

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ: НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО БЕЗ ПЛЮРАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы развития фрагментированного саудовского общества в контексте его исторической эволюции, начиная с момента создания государства. Особое внимание уделяется вопросам взаимодействия политической элиты и отдельных фрагментов социума, прежде всего не принадлежащих к господствующей ханбалитско-ваххабитской версии ислама. В связи с этим автор обращается к анализу действий государства, направленных на создание элементов представительной власти, а также взаимодействия общества и вновь появляющихся институтов, подчеркивая, что возможность становления в Саудовской Аравии национально ориентированного общества – все еще далекая перспектива.

Ключевые слова: Саудовская Аравия; Ибн Сауд; ислам; суннитский ислам; ваххабитская версия ханбалитской правовой школы; шииты; исмаилиты; модернизация; Консультативный совет; муниципальные выборы; Центр национального диалога.

G.G. Kosach
Saudi Arabia: National unity without pluralization

Abstract. The article analyzes the problems of fragmented Saudi society in the context of its historic evolution from the beginning of the state formation. The main attention is paid to the issues of interaction between political elite and different sectors

* **Косач Григорий Григорьевич**, доктор исторических наук, профессор кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, e-mail: g.kosach@mail.ru

Kosach Grigori, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia), e-mail: g.kosach@mail.ru

of society, first of all, the adepts of different Islamic schools outside the dominating Wahhabi version of Hanbali school. In this regard the author analyzes state policy directed to build elements of representative power, as well as other political institutions. He considers the possibility of national oriented society as a perspective of the future.

Keywords: Saudi Arabia; Ibn Saud; islam, sunni islam; Wahhabi version of Hanbali religious school; shiites; ismailis; modernization; consultative council; municipal elections; Center of national dialogue.

Начало XX в. изменило политический ландшафт Аравийского полуострова. В январе 1902 г. принц Абдель Азиз Аль Сауд (Ибн Сауд) захватил Эр-Рияд. Спустя 30 лет, в 1932 г., возникло Королевство Саудовская Аравия – итог экспансионистской политики короля-основателя, – включившее Неджд со столицей Эр-Риядом, Эль-Хасу на западном побережье Персидского залива (ныне – Восточная провинция), протянувшийся вдоль побережья Красного моря Хиджаз с *Двумя Благородными Святынями* – Меккой и Мединой – и лежащие на юге и юго-западе Неджран и Асир.

Разделенность саудовского общества

Определяя пространство этого государства, саудовский историк в 2011 г. говорил о его «фрагментированности», отмечая «регионализм, многообразие наречий и несходство политической истории составляющих это пространство провинций» [Аль-Хасан, 2011]. Это положение справедливо и для начавшейся после Второй мировой войны «нефтяной эпохи»: модернизация страны носила консервативно-охранительный характер, вводившиеся государством современные институты вписывались в традиционный социум.

Развивая свою мысль, тот же автор сообщал, что разбросанные в пределах этого политического пространства племена и созданные ими союзы формируют «субэтносы» с «собственными наречиями и героическими сказаниями» [Аль-Хасан, 2011]. Официальное издание подчеркивает: «Правители и граждане Королевства – арабы, принадлежащие к ста древним племенам, образующим саудовский народ» [Ламахат ан савабит… 1995, с. 114]. Государство, опираясь на «правительственные постановления, превращало племенные институты в орудие поддержания стабильности» [Аль Сауд, 2000, с. 108–109].

Саудовская статистика игнорирует конфессиональные особенности социума, ограничиваясь указанием на то, что «граждане Королевства – мусульмане». Вероисповедное единство предполагает повсеместную приверженность ваххабитской версии ханбализма. Но в этом социуме присутствуют также приверженцы суфийских *тарикатов* и последователи иных *мазхабов* суннизма, – немногочисленность сторонников *ханифитской* доктрины искупается широким распространением *шафиитской* и *маликитской* правовых школ. Осуществленная предшественником нынешнего монарха зимой 2009 г. реформа Совета высших улемов, в который были введены представители неханбалитских мазхабов, признала присутствие последователей более распространенных в суннитском исламе толкований Божественного закона.

Шииты – часть саудовского «конфессионального пейзажа». Оценки их веса в демографической структуре Восточной провинции условны: в 2010 г. саудовский шиитский клирик Хасан Ас-Саффар определял численность шиитов в пределах от 1,5 до 1,8 млн. Но и шиитское присутствие дифференцировано. В граничащей с Йеменом провинции Неджран, по оценке Х. Ас-Саффара, проживает около 500 тыс. *исмаилитов*, соседство Йемена предопределило присутствие *зейдитов* в Асире [Хивар барнамадж Аль-Минасса, 2014].

Саудовские шииты – компактно сконцентрированное меньшинство, живущее в суннитском окружении и представленное в основном *двунадесятниками*. К 1913 г., времени включения шиитских районов в формирующуюся территориальную политику, абсолютное большинство их населения было занято земледелием. Особенностью положения шиитов выступал не только «статус презираемых земледельцев», но и «незнание родовых генеалогий», что исключало «вхождение в систему племенной иерархии» [Ар-Рашид, 2014, с. 61–62]. Распространяя свое покровительство на новых подданных, власть поначалу была далека от введения ханбалитской доктрины в зоне их расселения.

После того как в 1926 г. возникли централизованные ханбалитские институты, на шиитов была распространена ваххабитская система судопроизводства и норм жизни, диссонирующая на фоне суннитского господства традиция подверглась преследованию. Шиитское богословие (саудовские последователи шиизма ориентировались на Иран) объявлялось «еретическим», разрушение *хусейний*

оправдывалось «изживанием многобожия», проведение *аиуры*, траура по убитому в месяц *мухаррам* Хусейну, запрещалось. Более поздние слова ханбалитского богослова о том, что «шиитская ересь опаснее коммунизма и сионизма», доказывали, что шииты воспринимались как «политико-конфессиональные маргиналы» [Ayad, 2013]. Тому были причины, связанные с политикой, экономикой и безопасностью: в Восточной провинции сосредоточено 98% углеводородного сырья [Eastern province, 2013, p. 8]. В шиитском меньшинстве с его связями с единоверцами соседних стран правящая элита видела «пятую колонну».

Разделенность саудовского общества определялась и исторической памятью регионов. Вплоть до начала Первой мировой войны османское правительство рассматривало Эль-Хасу как часть империи. В течение 1916–1925 гг. Хиджаз был суверенным королевством (ранее – османской провинцией) под *хашимитским* управлением. Это относилось и к *идрисидскому* Асиру, политически самостоятельному до 1923 г. Итогом саудовско-йеменской войны 1934 г. стало поглощение северного Неджрана. До 1921 г. Неджд контролировался эмиратом Джебель-Шаммар.

Строительство государства и попытки культурно-политической гомогенизации

Единство государства с выраженным социальными, экономическими и этнокультурными разломами опирается на силу – эта традиция коренится в истории Аравийского полуострова. Однако сила не была единственным инструментом поддержания статус-кво.

«Религиозное и социокультурное единство» достигалось при опоре «на факторы ваххабизма и Неджда» [Аль-Хасан, 2011]. Предложенная Мухаммедом бен Абдель Ваххабом (и закрепленная его потомками, объединенными в семью Аль Аш-Шейх) ригористичная (отвергавшая *новшества* – введенные в «чистый» ислам *благородных предков* «наслаждения») трактовка ханбалитского мазхаба, «объединяя государство», предлагала инструмент обеспечения общественного единства. В октябре 1926 г. король-основатель ликвидировал существовавшие в Главной мечети Мекки кафедры законоучителей трех юридических школ суннизма (сохранив хан-

балитскую), и «правовые нормы более не разделяли подданных короля» [Таухид аль-джамаа... 2013].

Культурная гегемония Неджда – итог политического господства Аль Сауд. Неджийский бедуинский танец *арда* был трансформирован в национальный: ежегодный фольклорный фестиваль в Эль-Джанадрийе (неподалеку от Эр-Рияда) открывается его исполнением при участии коллективов из всех саудовских регионов. Традиционный неджийский мужской костюм (белая полотняная либо серая шерстяная рубаха и головной убор – поддерживаемый шнуром платок), ставший обязательным для ношения во всех государственных учреждениях, вытеснил его региональные варианты. Это относилось и к женскому черному платью – *абайе*, – дополняемому *хиджабом*.

Центральная власть была выстроена на неджийских племенных принципах. Оправдывая притязания на контролируемые территории, Ибн Сауд заявлял: «Я – араб из лучших арабских семей. Я властвую потому, что так предопределил Господь» [Аль-Мухтар, б.г., с. 10]. Адекватное понимание этого высказывания возможно при условии, что *арабская самоидентификация* монарха должна трактоваться как указание на ведущую роль Аль Сауд в социальной стратификации Неджда. Этот род заключал *соглашение – аль-бейъа* с подданными, оформлявшееся *клятвой верности*, приносившейся монарху и предполагавшей защиту статуса подданных и их жизни.

В настоящее время принцип *аль-бейъа* зафиксирован в статье саудовского конституционного акта – Основного закона правления. Она гласит: «Граждане приносят клятву верности королю на Книге Всевышнего Господа и Сунне Его Пророка, обещая повиновение и покорность в трудностях и радостях, в богатстве и в несчастии» [Бен Баз, 2000, с. 265]. Описывая состоявшийся 24 января 2015 г. процесс заключения соглашения с ныне правящим монархом Сальманом бен Абдель Азизом, саудовское издание сообщало: «Во Дворце власти в Эр-Рияде принесли клятву верности принцы, верховный муфтий, улемы, министры, высшие гражданские и военные сановники, многочисленные граждане. Клятва была принесена на Книге Всевышнего и Сунне Его Пророка в том, что Служитель Двух Благородных Святынь Сальман бен Абдель Азиз становится правителем Королевства Саудовская Аравия» [Хадим Аль-Харамейн ва вали ахдихи, 2015].

В саудовском нарративе события первой трети XX в. представлены как *таухид ад-дауля* – *объединение государства*, «восстановление саудовской власти» и «объединение страны», которые для официального историка выступают синонимами [Аль-Усейман, 1999, с. 53–54]. При этом термин *таухид ад-дауля* религиозно окрашен: его первая часть обозначает и *единобожие* – основной *столп* мусульманской веры. Союз правителя и ханбалитских законоучителей (семьи Аль Аш-Шейх) заложил основы саудовской политической системы. Дань, выплачивавшаяся подданными, привозглашалась *закятом*, столпом мусульманской веры. Государство обрело идеологически мотивированную армию – участников движения *ихванов*¹. Походы короля-основателя перестали быть набегами (*газават*), став войной во имя веры (*джихад*).

Существование нового государства было неотделимо от личности Ибн Сауда и его сыновей, сменявших на троне отца, – разрыв связи между династией и политическим образованием привел бы к потере им легитимности и в итоге – к крушению. Провозглашая незыблемость этой связи, Основной закон правления подчеркивал: «Власть принадлежит сыновьям короля-основателя Абдель Азиза и сыновьям их сыновей» [цит. по: Бен Баз, 2000, с. 265]. Государство обретало религиозно окрашенную миссию и воплощавшие ее символы – флаг, герб и гимн, «связывая народ с правящей семьей, давшей народу название, а не с территорией, населенной человеческим сообществом» [Ар-Рашид, 2003, с. 26]. В Основном законе правления закреплялся образ «идеального» исламского государства: «Конституция Королевства Саудовская Аравия – Книга Всевышнего и Сунна Его Пророка». Оно «хранит веру ислама, претворяет в жизнь шариат, призывает к дозволенному, отвращает от греховного и исполняет долг призыва к Господу» [цит. по: Бен Баз, 2000, с. 264, 268].

Саудовское государство не стало застывшим *цивилизационным* феноменом: уже время правления Ибн Сауда демонстрировало его способность к последовательной (хотя и медленной) трансформации. Обретение флага, герба и гимна проводило грань между этим политическим образованием и расплывчатым «миром ислама». Развитие международных связей после начала «нефтяной

¹ Недждийское религиозно-политическое движение, сыгравшее ведущую роль в походах Ибн Сауда.

эпохи», потребности становления современной экономики и перемен в общественной жизни – все это создавало почву для подключения к принятию политических решений представителей новых социальных страт, порождаемых процессом модернизации.

В 1992 г. Саудовская Аравия обрела свои первые конституционные акты – не только Основной закон правления, но и Закон о Консультативном совете, создававший основу для становления формальной системы представительства – *протопарламента*, а также Закон об управлении провинциями, в значительной мере расширявший полномочия региональной власти. Это было началом движения (все так же консервативно-охранительного) к созданию механизмов реагирования на внутренние, порожденные фрагментированностью социума вызовы и адаптации к воздействию внешних угроз.

Региональный патриотизм и бунтарство как вызовы власти

Разделенность племенного социума не могла быть преодолена быстро. Ее проявления зависели от факторов, определявшихся положением того или иного региона или этноконфессионального сегмента в социально-политической системе.

Достигнутый Хиджазом к моменту его аннексии Ибн Саудом уровень развития позволил этому региону занять особое положение в структуре власти. Там, продолжая институты османского и хашимитского времени, возникли первые правительственные учреждения (Мекка, а не Эр-Рияд до конца 1950-х годов играла роль столицы). Этот регион был центром культурной жизни – в османское время там появились пресса и соответствовавшие эпохе школы. В Джидде появились первые банковско-финансовые организации и объединения купеческих семей, ставшие основой современных торгово-промышленных палат. Саудовский модернизационный процесс опирался на *образованных* хиджазцев. Процесс их «вписывания» во власть придавал местному *патриотизму* особый, ностальгический нюанс.

Описывая Мекку 1940–1960-х годов, родившийся в ней журналист сообщал: «В культурном и социальном отношении Мекка была многолика. Ее настоящая “жемчужина” – Главная мечеть, ограниченная территорией еще османского времени, была не

столько местом молитвы, сколько местом встреч, учебы, общественных контактов, культурных и религиозных дискуссий, в которых участвовали и мужчины, и женщины» [Аднан, 2011, с. 24]. Ныне же, утверждает антрополог из Хиджаза, следы хиджазской идентичности сохранились лишь «в частной жизни» [Ар-Рашид, 2014, с. 271].

Начавшееся во второй половине 1940-х годов ускоренное развитие нефтедобывающей промышленности меняло положение шиитов-двунаадесятников. Прежние земледельцы устремлялись во вновь возникавшие «нефтяные города» – на предприятия Arabian American Oil Company – АРАМКО (с 1988 г. Saudi ARAMCO). АРАМКО создавала школы для рабочих, поощряла местных уроженцев к заключению контрактов на предоставление услуг, содействовала поступлению своих работников в саудовские и зарубежные учебные заведения. В 1980-е годы большинство студентов созданного компанией Колледжа нефти и природных ресурсов (ныне Университет нефти и природных ресурсов) в Дахране составляли шииты, как и большинство студентов открытого в 1975 г. и специализирующегося на преподавании агркультуры, медицины и ветеринарии Университета имени короля Фейсала в Даммаме и Хуффе. Шиитское сообщество обретало современную структуру. Однако его роль в обществе при этом не повышалась – шиитское предпринимательство ограничивалось низшими ступенями бизнеса, в школах и высших учебных заведениях отсутствовали преподаватели-шииты, религиозные обряды оставались запрещенными, перед молодежью были закрыты двери для службы в армии, полиции и органах безопасности. Политические веяния 1960-х годов подталкивали эту молодежь к вступлению в подпольные организации насеристского и баасистского толка: Восточную провинцию охватила волна рабочих волнений, развивавшихся под лозунгами левого панарабизма. Поражение Египта и Сирии в июньской войне 1967 г. изменило ситуацию, место панарабских идей заняла политизированная религия, значение которой усиливал триумф иранской революции.

В 1970-е годы сформировалась группа местных духовных лидеров во главе с шейхом Х. Ас-Саффаром, инспирировавшая в ноябре 1979 г. волнения в районах расселения *двунаадесятников*, где впервые были проведены публичные шествия в день *ашуры*. Участники волнений требовали поддержать иранскую революцию

и прекратить поставки нефти в Соединенные Штаты, выдвигая лозунг создания «Исламской республики Эль-Хаса». Противодействие им было затруднено – формирования службы государственной безопасности были брошены на подавление выступления ваххабитских противников режима, захвативших Главную мечеть Мекки. Завершение операции в «святом городе» позволило «умиротворить» Восточную провинцию.

В 1981 г. возникла руководимая из-за рубежа Исламская революционная организация Аравийского полуострова. Ее противостояние власти продолжалось недолго – демографическое преобладание суннитов не позволяло надеяться на успех революции. Оппозиционеры ограничились достижением религиозного и политического равенства: в первой половине 1980-х годов началась «новая эра» в отношениях между государством и шиитским сообществом. Место прежних администраторов – выходцев из Неджда заняли технократы-шииты, выпускники высших учебных заведений региона. Шииты кооптировались в руководство строившихся промышленных комплексов. Процессы в день *аиуры* (ограниченные рамками городских кварталов) стали частью повседневности. Встретившись в 1993 г. с прибывшими в Саудовскую Аравию единомышленниками Х. Ас-Саффара (в страну вернулся и он сам), король Фахд бен Абдель Азиз объявил об амнистии всех участников ноябрьских волнений и отказе от практики дискриминации. Исламская революционная организация трансформировалась в Исламское движение реформ.

Позиция шейха Х. Ас-Саффара, высказывавшаяся им после возвращения на родину и значительно позже, не претерпела изменений: по его мнению, «где бы ни находились шииты, они – неотъемлемый элемент их родины и народа». Он подчеркивал, что «политический и религиозный деспотизм порождает маргинализацию общины, заставляя ее сплачиваться ради защиты своих интересов», при этом «не существует противоречия между лояльностью родине и преданностью религии». Лидер саудовских *двунадесятников* видел свою задачу в том, чтобы требовать от власти «выработать дискурс единения, диалога и гражданского равенства». Указывая на причины нетерпимости, он обвинял «религиозное [ваххабитское] руководство в мобилизации единоверцев на сохранение своего доминирования» [Хивар мандуб Муассаса, 2012].

В октябре 2011 г. (последствия этих событий ощущались вплоть до 2013 г.) власть столкнулась с новыми волнениями шиитской молодежи, начавшимися в городе Эль-Авамийя после ареста радикального противника Х. Ас-Саффара шейха Нимра Ан-Нимра. Участники выступлений не имели программы действий, нанося удар по «коплотам неправедной власти и ее пособникам» – полицейским участкам, государственным учреждениям и по «собственности частных лиц». Это были самые серьезные после 1979 г. волнения шиитов Эль-Хасы, и против них была вновь применена сила.

Идентичная ситуация складывалась и в исмаилитской среде. В апреле 2000 г. в Неджране произошли массовые волнения, поводом для которых стало вдохновленное местными ханбалитскими улемами закрытие исмаилитских мечетей и аресты духовных лидеров общины. Столкновения с силами государственной безопасности закончились кровопролитием, за которым последовала волна арестов, поддержанных фетвой Совета высших улемов, объявлявшей исмаилитов *неверными*. Опубликованный в 2008 г. доклад Human Rights Watch констатировал, что последователей исмаилизма окружает «враждебность» и «дискриминация» [The Ismailis of Najran, 2008, p. 2–4]. Начавшаяся же в 2014 г. саудовская антихуситская военная операция в Йемене усилила напряженность в Неджране и Асире – необходимость отпора возможным сепаратистским выступлениям заставила власть сохранять значительное армейское присутствие на территории обеих провинций.

Положение в Восточной провинции и в Неджране показывает, что проводимый властью курс «осторожной открытости» в отношении шиитов и исмаилитов, в рамках которого лидеры обеих общин были включены в систему *аль-бейъа*, а в июне 2014 г. исмаилит был введен в состав правительства в качестве министра по делам Консультативного совета [Ас-Сира аз-затийя, 2014], не оказался эффективным. Высший офицерский корпус армии, полиции и службы государственной безопасности закрыт для неханбалитов, антишиитские (и антиисмаилитские) фетвы ваххабитских богословов – реальность, а сопротивление улемов, исключившее назначение шиитского правоведа в Совет высших улемов, оказалось не преодолимо.

Власть и политизированный суннитский ислам: Вызов «заблудшей секты»

22 января 2003 г. в Эр-Рияде произошло столкновение сил государственной безопасности с теми, кого власть (используя заключительные *айяты* первой суры Корана) назвала *заблудшей сектой*. Страна вступила в «годы террора», которые были предвосхищены событиями 1979 г. в Главной мечети Мекки. *Джихадистский салафизм* порождался «расколом корпуса богословов» и «жесткой критикой представителей его второго и третьего эшелонов в отношении королевской семьи, утверждавших, что ее политика противоречит вере, на которой основано государство» [Ибрагим, 2009, с. 72–75]. Это положение подтверждала статистика: противники высшего эшелона религиозной власти были выходцами из депрессивных районов Неджда. В модернизовавшемся государстве эти люди, поступая в университеты, выбирали специализацию «исламские науки», и к середине 2000-х годов доля связанных с этой специализацией безработных составила более 70% [Академий саудий, 2010].

Сторонники *заблудшей секты* – молодые «активисты-законоучители», организуя акции террора, *отлучали от веры* государственных и религиозных сановников [Аль-Мураджаат ли аль-машаих, 2004, с. 3–5]. Связь между Аль Сауд и государством отвергалась, социум должен был сплотиться, чтобы искоренить «новшества» и вернуться в эпоху *благородных предков*. Только в июле 2011 г. предшественник правящего короля заявил об «успехе в отражении террора и разрушении его структур» [Хадим Аль-Харамейн, 2011].

Подавляя вооруженное крыло оппозиции, государство не считало возможным достигать взаимопонимания с той ее группой, которая в середине 2000-х годов назвала себя *просветительским движением* (и ответвлением Движения «Братья-мусульмане»), заявляя о стремлении к союзу с властью. Идеолог этой группы отмечал: «Просветитель стремится преодолеть взгляд на мир как на поле религиозной войны» [Ад-Дейни, 2011, с. 12–14]. Его единомышленница писала: «Просветители, провозглашая свободу мнения, не противоречат шариату» [Аль-Мутавва, 2010]. Точка зрения власти была иной: создается «партия», стремящаяся к «недопустимой вестернизации» [Ад-Дейни, 2011, с. 22].

События «арабской весны» внесли перемены в сложившееся положение – в феврале 2011 г. в Эр-Рияде было обнародовано со-

общение о формировании Партии исламской уммы. Как заявили ее создатели, они являются «мирной народной партией», и только «шариат может быть основой законодательства», а «источником власти – нация». Основатели партии считали, что «гарантируемые шариатом права и свободы, включая свободу мнения, – достояние всех граждан», заявляя о приверженности принципу «свободных выборов, опоры на мнение большинства и ротации власти». Цель партии – «социальная справедливость, равноправие и равные возможности для всех» [Аль-Байян ат-таасисий, 2011].

В начале марта 2011 г. связанное с партией Объединение свободной молодежи призвало «сторонников справедливости» выйти на улицы и «совершить великий джихад на пути Господа, сказав свое слово неправедному правительству» – в стране должна была начаться *желанная революция*. В обращении ее инициаторов говорилось, что «язык демонстраций и массовых собраний – единственный способ заставить осуществить требования граждан» [Саура ханин, б.г.]. *Желанная революция* не произошла: против ее организаторов были мобилизованы армия и государственная безопасность.

Пропитанная «демократизмом» риторика Партии исламской уммы не скрывала устремленности к конструированию общества под руководством богословов и к ослаблению (если не к ликвидации) лояльности Аль Сауд. Власть, обвинившая создателей партии в «красколо единства народа», подвергла их репрессиям. Выраженная в связи с этим точка зрения (в то время) правящего монарха была четкой: «Наш народ – единая партия, а желание создать партию вызывает гнев Господа». Обращаясь к прошлому «просветителей», король заявлял: «Среди них те, кто ранее пытались сбить наших детей с истинного пути» [Хадим Аль-Харамейн юнаввих, 2013]. Использовавшееся им местоимение *наши* относилось не к родителям молодых саудовцев, а к правительству – «единство» власти и подданных должно было остаться непоколебимым.

Меняющееся саудовское общество: Старые и новые проблемы

«Нефтяная эпоха» трансформировала саудовское общество: если ранее оно состояло из «правящего класса» – семейств Аль Сауд и Аль Аш-Шейх, «классов вождей племен, ихванов, торгов-

цев, земледельцев, кочевников и скотоводов, рыбаков, ремесленников и рабов», то последующая эволюция меняла его социальную структуру. «Класс торговцев» обрел черты «предпринимательского класса». «Класс вождей племен» стал орудием государства. В начале 1960-х годов было запрещено рабство. Исчезли «классы ихванов и ремесленников», растворившиеся в Национальной гвардии и страте рабочих-нефтяников. Большую роль стали играть «классы интеллигенции, нового предпринимательства, служащих и лиц с ограниченным доходом» [Аз-Захрани, 2000, с. 129–131].

«Нефтяная эпоха» усложнила и дифференцировала политическую систему. Она ввела новые профессии и стиль жизни, функционально ограничивая роль традиционных общественных страт. В 1990–2000-е годы модернизационный процесс получил более широкую основу – ею стал выпестованный властью «новый образованный класс». По оценкам Саудовского департамента статистики, более 96% работающих саудовцев получили образование: 26,8% обладают дипломами об окончании средней школы, 34,4% – дипломами бакалавров. Образованы как работающие мужчины (96,1%), так и работающие женщины (98,5%). 18,4% работающих мужчин и 55,8% работающих женщин заняты в сфере науки, техники и гуманитарных дисциплин [Аль-Мамляка, 2010]. Ежегодно не менее 90 тыс. молодых саудовцев и саудовок направляются государством в зарубежные университеты. В Саудовской Аравии действуют 25 высших учебных заведений и 52 региональных технических колледжа [Хадим Аль-Харамейн, 2010].

Меняясь, саудовское общество сталкивалось с новыми трудностями – это и углубление диспропорций в развитии провинций, порождавшее официально признаваемую бедность, и разрыв между сложившейся системой образования, где сохраняла позиции религиозная догма, и требованиями времени, заключавшимися в необходимости перехода к «обществу знания и информатики». Превращавшийся благодаря Закону о Консультативном совете в третьего игрока на внутрисаудовской сцене «новый образованный класс» видел во власти инициатора реформ, настаивая на их ускорении.

22 января 2003 г. в Эр-Рияде, когда в столице произошло первое выступление *заблудшей секты*, группа представителей «нового образованного класса», встречаясь с Абдаллой бен Абдель Азизом, вручила ему составленное ею «Видение настоящего и будущего родины». Лейтмотив этого документа – трансформацию

страны в «государство институтов во взаимодействии с монархом» [Руайя... б.г.] – Абдалла бен Абдель Азиз провозгласил содержанием «этапа реформ». Начало 2000-х годов ввело в саудовский дискурс термин *либералы*, которые понимались как поборники «обновления, плюрализма, общественных и личных свобод», но, добавляя сообщавший о них автор, «остававшиеся почвенниками» [Аль-Хабиб, 2011]. Ему не противоречил последователь либерализма, подчеркивавший: «Мы гордимся нашей принадлежностью к исламу, религии справедливости, равенства и свободы, мы против тех, кто искажают Божественное послание, воплотившееся в Королевстве» [Аль-Омани, 2012]. Страна, выпестованная государством, отдавала ему должное.

«Годы террора», ставшие фоном саудовского «этапа реформ», предопределили союз власти и «образованного класса», придав ему форму, отвечавшую интересам государства: реформы могла инициировать только власть, расширение числа участников принятия политического решения обусловливалось лояльностью Аль Сауд. Иная постановка вопроса была нетерпима: политические заключенные в Саудовской Аравии – неотрицаемая реальность.

Казалось бы, «арабская весна» создала условия для пересмотра основ взаимодействия «либералов» и власти. В феврале 2011 г. монарху было обращено «Заявление 23 февраля», подготовленное группой «Молодежь Фейсбука». Оно начиналось словами: «Революции в Тунисе, Египте и Ливии доказывают, что правители не прислушивались к голосу молодежи, оставаясь далекими от ее чаяний. Но эти события несут анархию, кровопролитие, попрание основ правопорядка». Нельзя допустить, продолжали они, «чтобы негативные последствия революций затронули Королевство», поэтому «молодежь призывает Служителя Двух Благородных Святынь провести назревшие реформы». В стране должен был возникнуть «избираемый парламент» и обеспечена «свобода общественных организаций», осуществлена «трансформация монархии в конституционную», легализованы партии и предоставлены политические права женщинам [Тасаъуд, 2011].

К концу лета 2011 г. власть урегулировала отношения с «либералами». Для этого понадобились финансовые инициативы, преследования активистов и частичные уступки – расширение состава Консультативного совета и введение в него женщин. Условный характер союза власти и «либералов» не был поколеблен – высту-

пая 26 сентября 2011 г. с тронной речью в Совете, король Абдалла бен Абдель Азиз был жесток: «Осуществляемая нами модернизация взвешенна и отвечает исламским ценностям». Далее следовало предупреждение: «Вы можете высказывать ваше мнение, давая советы. Тот, кто выйдет за этот предел, понесет ответственность» [Би карарейн, 2011].

Возможно ли «национальное единство»?

1990–2000-е годы демонстрировали устремленность власти к достижению «национального единства» и преобразованию Саудовской Аравии в «отечество всех граждан». Тому были весомые подтверждения.

В стране создавались новые государственные институты. Особая роль в их списке принадлежала назначаемому монархом Консультативному совету, задачи которого определял связанный с его созданием Закон: «Следуя источникам исламского шариата, члены Совета служат общему благу, охраняя единство общества» [Низам Маджлис аш-шура... 2000, с. 319]. Если в момент формирования Консультативного совета (весна 1992 г.) в нем было 60 членов, то после 2005 г. – 150, включая 30 женщин. В 2012 г. Совет обрел право законодательной инициативы. Абсолютное большинство новых лиц (в том числе все женщины), введенных в состав Совета, обладают дипломами о высшем образовании или магистерскими и докторскими степенями. Эти дипломы и степени получены, в первую очередь, по светским специальностям. Новые члены Совета – уроженцы всех регионов страны и представляют все конфессиональные страты (в составе нынешнего *протопарламента* семь уроженцев шиитских районов Восточной провинции и два – Неджрана [Ас-Сияр аз-затийя... 2015]). Многие из них – разночинцы.

Создав Совет, власть лишь расширила сферу применения присяги правящему монарху. Это не снижало его значимости как «мозгового центра», позволившей ему стать каналом влияния на принятие политических решений и трибуной для выражения точек зрения по вопросам внешнего и внутреннего курса, равно как и органом контроля над реализацией утвержденных правительственные решений. Работа в Совете предоставляла представителям «образованного класса» возможность войти в исполнительную

власть: большинство членов сформированного в конце зимы 2015 г. правительства ранее работали в Консультативном совете.

В 2003 г. возник Центр национального диалога как орган, призванный содействовать «укреплению национального единства, базирующегося на неизменных принципах шариата» [Марказ аль-малик... 2004, с. 3]. Открывшая работу Центра первая «общенациональная встреча» объединила законоучителей – последователей ханбалитской доктрины, глав шиитской и исмаилитской общин и руководителей суфийских *тарикатов*. Задача этой встречи определялась как «поиск пути к умеренному исламскому дискурсу» [там же, с. 10]. В дальнейшем же на обсуждение участников «национальных встреч» (включая шиитскую и исмаилитскую интеллигенцию) выносились вопросы, связанные с положением женщин, ситуацией в среде молодежи, в сфере образования и здравоохранения, а также «экстремизм и сохранение национального единства» [Аль-Ликаат аль-ватаний... 2015]. Возникновение Центра внесло новые нюансы в систему власти – создавая этот институт, власть заявляла, что нуждается во мнении общества (при ограничении этого мнения точкой зрения «избранных групп граждан»), опираясь на которое она могла бы продолжать движение по пути реформ. Каждая из прошедших в различных регионах 10 «национальных встреч» разрабатывала рекомендации, направлявшиеся «политическому классу».

В 2005 и 2011 гг. в Саудовской Аравии прошли частичные выборы в муниципальные советы. В конце лета 2015 г. началась третья муниципальная избирательная кампания, в которой участвуют и женщины (происходящие в три этапа выборы завершатся в декабре 2015 г.). При ограниченности сферы деятельности этих советов (из нее изгнана политика) процесс муниципальных выборов показателен: создает конкурентную среду, в ходе которой возникают межплеменные и межконфессиональные «блоковые объединения», способные представить единые списки кандидатов и обеспечить им победу. В районах же расселения неханбалитских меньшинств членство в муниципальных советах – монополия местных уроженцев.

Власть вводила в саудовский дискурс новые термины: *родина – ватан* и производное от этого термина *муватынун – граждане*. В 2005 г. Абдалла бен Абдель Азиз учредил отмечаемый 23 сентября национальный праздник – День объединения. Сооб-

щая в 2015 г. об этом празднике, саудовское издание подчеркивало: «Национальный день воплощает единство родины, развитие всех регионов страны, успешное преодоление вызовов и кризисов» [Ас-Саудийя фи яумиха... 2015]. Приведшая к жертвам террористическая акция (в мае 2015 г.) в шиитской мечети местечка Эль-Кудейх (Восточная провинция) была использована властью для организации кампании «общенациональной солидарности» под лозунгами «исламского суннитско-шиитского братства» [Аль-Малик Сальман... 2015].

Все же саудовское «национальное единство» – не более чем далекая перспектива. Да и возможно ли оно?

В начале 2000-х годов оппозиционный эмигрант-публицист склонялся к пессимистическому ответу: «Лояльность политическому режиму, включенность в единую систему судопроизводства и образования содействуют распространению чувства принадлежности к сообществу. Но, – добавлял он, – правящая семья, не уважающая специфику регионов и человеческих групп, скованная неджийским происхождением и ваххабизмом, претендует на то, чтобы быть единственным выразителем идеи саудовской идентичности» [Ар-Рашид, 2003, с. 28].

Спустя несколько лет живущие в стране авторы иначе нюансировали ответ на тот же вопрос: «Происходящие в государстве реформы, – писали два молодых социолога, – непродолжительны, а их успех во многом зависит от того, как мы определяем себя». По их мнению, «сегодня предпринимаются пока еще робкие попытки создать иную основу идентичности – власть закона, равенство, созидания государства институтов». Еще, добавляли они, «неясно, как будет выглядеть эта основа, поскольку мы как общество не пришли к выводу о том, какой хотим ее видеть» [Ас-Сануси, Бухари, 2012].

Иными словами, «национальное единство» станет реальностью только при условии выхода на арену политической жизни современного общественного слоя, способного обрести независимость от консервативно-патриархальной власти и одновременно позитивно взаимодействовать с ней. Пока еще это далекая перспектива.

Список литературы

Ад-Дейни Ю. Ат-Танвир аль-ислямий фи Ас-Саудийя [Исламское просветительство в Саудовской Аравии] // Кадая аль-ислямийин фи Аль-Халидж [Проблемы исла-

- мистов Залива]. – Дубай: Марказ Аль-Мисбар ли ад-дирасат ва аль-бухус, 2011. – 227 с. – Араб. яз.
- Аднан А. Ас-Сиджин* 32 [Заключенный № 32]. – Бейрут: Аль-Марказ ас-сакафий аль-арабий, 2011. – 471 с. – Араб. яз.
- Аз-Захрани С.Х. Мушкилят ат-танмийя аль-иджтима'ийя фи Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя* [Проблемы социального развития Королевства Саудовская Аравия]. – М.: Прогресс, 2000. – 256 с. – Араб. яз.
- Академий саудий янтакид муариди ислях ат-таалим [Саудовский преподаватель критикует противников реформы образования] // Аш-Шарк Аль-Аусат. – 2010. – 29 мая. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://aawsat.com/details.asp?section=4&article=280468&issueno=9562> (Дата посещения: 29.05.2010.)
- Аль-Байян ат-таасисий ли Хизб аль-умма аль-ислямий [Учредительное заявление Партии исламской уммы]. – 2011. – Февраль. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://www.islamiccommaparty.com/?info=TlRJMUpstjFZbEJoWjJVbU1TWmhjbUk9K3U> (Дата посещения: 10.02.2011.)
- Аль-Ликаат аль-ватанийя [Национальные встречи]. – Араб. яз. – Режим доступа: http://www.kacnd.org/all_national_meetings.asp (Дата посещения: 23.09.2015.)
- Аль-Малик Сальман ятвваад би ат-тасадди ли аль-фикр ад-далль [Король Сальман обещает дать отпор заблудшей идее] // Аш-Шарк Аль-Аусат. – 2015. – 25 мая. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://aawsat.com/home/article/368386> (Дата посещения: 25.05.2015.)
- Аль-Мамляка: 8,6 миллион насама джумля аль-кувва аль-амиля [Королевство: общая численность рабочей силы 8,6 млн человек]. – Араб. яз. // Аль-Хайят. – Бейрут, 2010. – 1 марта. – Режим доступа: <http://ksa.daralhayat.com/ksaarticle/114181> (Дата посещения: 03.03.2010.)
- Аль-Мураджаат ли аль-машаих Али Аль-Худейр, Насер Аль-Фахд ва Ахмед Аль-Халиди [Раскаяния шейхов Али Аль-Худейра, Насера Аль-Фахда и Ахмеда Аль-Халиди]. – Эр-Рияд: Визара аш-шуун аль-ислямийя, 2004. – 104 с. – Араб. яз.
- Аль-Мутавва А. Ат-Танвирийун ас-саудийун* [Саудовские просветители] // Аль-Арабийя. – Дубай, 2010. – 17 октября. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://www.alarabiya.net/views/2010/07/03/112881.html> (Дата посещения: 23.10.2010.)
- Аль-Мухтар С.-Д. Тарих Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя* фи мадыха ва хадыриха [История Королевства Саудовская Аравия в ее прошлом и настоящем]. – Бейрут, б.г. – 518 с. – Араб. яз.
- Аль-Омани Ф.А. Ат-Тайяр аль-либералий ас-саудий* [Саудовское либеральное течение] // Аль-Рияд. – Эр-Рияд, 2012. – 8 января. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://www.alriyadh.com/2012/01/08/article698925> (Дата посещения: 10.01.2012.)
- Аль Сауд Ф. Ат-Таджруба ад-димукратыйя фи Ас-Саудийя ва «аль-маджалис аль-мафтуха»* [Демократический опыт Саудовской Аравии и «открытые совещания»]. – Эр-Рияд: Дар Аль-Хариджи, 2000. – 104 с. – Араб. яз.
- Аль-Усейман А.С. Тарих Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя. Аль-Джуз ас-сани. [История Королевства Саудовская Аравия. Ч. 2.]. – Эр-Рияд: Мактаба аль-малик Фахд аль-ватанийя, 1999. – 414 с. – Араб. яз.

- Аль-Хабиб А.Р.* Ман хувва аль-либералий ас-саудий? [Кто такой саудовский либерал] // Аль-Джазира. – Доха, Катар, 2011. – 10 января. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://www.al-jazirah.com/2011/20110110/ar1.htm> (Дата посещения: 11.01.2011.)
- Аль-Хасан Х. Аль-Харита аль-мазхабийя фи Ас-Саудийя* [Конфессиональная карта Саудовской Аравии] // Аль-Джазира. – Доха, Катар, 2011. – 3 октября. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://www.aljazeera.net/home/787157c4-0c60-402b-b997-1784ea612f0c/c5d7b> (Дата посещения: 05.10.2004.)
- Ар-Рашид М.* Тарих Аль-Арабийя Ас-Саудийя байн аль-кадим ва аль-хадис [История Саудовской Аравии между прошлым и настоящим] – Бейрут: Дар Ас-Саки, 2002. – 343 с. – Араб. яз.
- Ар-Рашид Х.* Халь хунак хуввийя ватаний саудийя [Существует ли саудовская национальная идентичность?] // Шуун саудийя. – 2003. – № 3, апрель. – С. 16–28. – Араб. яз.
- Ас-Сануси Р., Бухари И.* Аль-Хуввийя ас-саудийя аля муфтарак ат-турук [Саудовская Аравия: идентичность на распутье] // Джаваз дипломасий. – 2012. – 3 июля. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://jawazdiblomasy.wordpress.com/2012/07/03> (Дата посещения: 05.06.2014.)
- Ас-Саудийя фи яумиха аль-ватаний [Саудовская Аравия в свой национальный день] // Аш-Шарк Аль-Аусат. – 2015. – 23 сентября. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://aawsat.com/home/article/458926> (Дата посещения: 23.09.2015.)
- Ас-Сира аз-затия ли вазир ли шуун Аш-Шура Мухаммед Абу Сак [Биография министра по делам Консультативного совета Мухаммеда Абу Сака] // Аль-Джазира. – Доха, Катар, 2014. – 28 июня. – Араб. яз. Режим доступа: <http://www.al-jazirahonline.com/news/2014/20140628/22610> (Дата посещения: 29.06.2014.)
- Ас-Силяр аз-затия ли аада Маджлис аш-шура [Биографии членов Консультативного совета]. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://www.shura.gov.sa/wps/wcm/connect/shuraarabic/internet/cv> (Дата посещения: 09.09.2015.)
- Бен Баз А.А.* Аи-Низам ас-сиясий ва ад-дустурий ли Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя [Политико-конституционная система Королевства Саудовская Аравия]. – Эр-Рияд: Дар Аль-Харриджи, 2000. – 284 с. – Араб. яз.
- Би каарейн тарихийейн аль-малик яхджуз макъад аль-маръа би Аш-Шура [Двумя историческими указами король резервирует женщины места в Консультативном совете] // Аш-Шарк Аль-Аусат. – 2011. – 26 сентября. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=642138&issueno=11990> (Дата посещения: 28.09.2011.)
- Ибрагим Ф.* Ас-Саляфийя аль-джихадийя фи Ас-Саудийя [Джихадистский салафизм в Саудовской Аравии]. – Бейрут, Дар Ас-Саки, 2009. – 318 с. – Араб. яз.
- Ламахат ан савабит ас-сияса ас-саудийя [Очерки о константах саудовской политики]. – Эр-Рияд: Дар Аль-Харриджи, 1995. – 120 с. – Араб. яз.
- Марказ аль-малик Абдель Азиз ли аль-хивар аль-ватаний. Далиль таарифий [Центр национального диалога имени короля Абдель Азиза. Ознакомительный справочник]. – Эр-Рияд, 2004. – 48 с. – Араб. яз.
- Руайя ли хадыр аль-ватан ва мустакбилихи [Видение настоящего и будущего родины]. – Араб. яз. – Б.м., Б.г. – С. 1–5. – Личный архив Г.Г. Косача.

Саура ханин. 11 марс [Желанная революция. 11 марта]. – Б.м., Б.г. – С. 1–5. – Личный архив Г.Г. Косача.

Тасаъуд маталиб аль-ислях фи Ас-Саудийя [Рост требований реформ в Саудовской Аравии] // Аль-Джазира. – Доха, Катар, 2011. – 24 февраля. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/7429F239-FAD6-45CF-969C-3547A3C9C78C.htm> (Дата посещения: 25.02.2011.)

Таухид аль-джамаа хальф имам ваҳид фи Аль-Харам аль-маккий [Объединение общин за одним имамом мекканской Святыни] // Аш-Шарк Аль-Аусат. – 2013. – 25 сентября. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://www.aawsat.com/details.asp?section=43&article=744606&issueno=12720> (Дата посещения: 25.09.2013.)

Хадим Аль-Харамейн Аш-Шарифейн: Аль-Мамляка наджахат фи тасадди ли афа аль-ирхаб [Служитель Двух Благородных Святынь: Королевство добилось успеха в отражении гадины террора] // Аш-Шарк Аль-Аусат. – 2011. – 24 июля. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://www.aawsat.com/detail.asp?section=4&article=632544&issueno=11926> (Дата посещения: 25.07.2011.)

Хадим Аль-Харамейн ва вали ахдихи такаббалю аль-бейъа [Служитель Двух Святынь и наследник престола присягу] // Аш-Шарк Аль-Аусат. – 2015. – 25 января. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://aawsat.com/home/article/272566?archive=1&date=01/25/2015> (Дата посещения: 27.01.2015.)

Хадим Аль-Харамейн юнаввих би такатуф аль-муватынин ва ваҳда саффихим [Служитель Двух Святынь призывает граждан к сплочению и единству рядов] // Аль-Хайят. – Бейрут, 2013. – 24 апреля. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://alhayat.com/home/ksa506441> (Дата посещения: 24.04.2013.)

Хивар барнамадж Аль-Минасса ли аш-шейх Ас-Саффар [Беседа программы «Трибуна» с шейхом Ас-Саффаром]. – 2014. – 13 января. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://www.saffar.org/index.php?act=artc&id=3272&hl=> (Дата посещения: 18.02.2014.)

Хивар мандуб Муассаса аль-фикр аль-ислямий маа аш-шейх Хасан Ас-Саффар [Диалог представителя Фонда исламской мысли с шейхом Хасаном Ас-Саффаром]. – 2012. – 24 июля. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://www.saffar.org/?act=artc&id=3016> (Дата посещения: 26.07.2012.)

Ayad C. Chiites – sunnites, guerres ouvertes // Le Monde. – Paris, 2013. – 22 mai. – Mode of access: http://www.lemonde.fr/a-la-une/article/2013/05/22/chiites-sunnites-guerres-ouvertes_3414637_3208.html (Дата посещения: 23.05.2013.)

Eastern province. Facts and figures. – Riyadh, 2013. – 48 p.

The Ismailis of Najran. Second-class Saudi citizens / Human rights watch. – N.Y., 2008. – September. – 18 p.

Е.С. МЕЛКУМЯН*

РАЗДЕЛЕННОЕ ОБЩЕСТВО БАХРЕЙНА И ПЕРЕСПЕКТИВЫ ЕГО КОНСОЛИДАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается история шиитской общины в Королевстве Бахрейн, особенности ее социально-экономического положения и участия в политической жизни на различных этапах развития страны, в том числе в период массовых протестов 2011 г. Особое внимание уделяется государственной политике в отношении шиитского сегмента бахрейнского общества как в период существования британского протектората, так и после обретения независимости. Отмечено, что курс властей вряд ли приведет в ближайшей перспективе к выработке консенсуса и консолидации бахрейнского общества.

Ключевые слова: Бахрейн; шииты; Аль-Вифак; «национальный диалог»; массовые протесты; Али Сальман; парламент; выборы; Иран; «выборное правительство».

E.S. Melkumyan
Divided society of Bahrain and perspectives of its consolidation

Abstract. The article analyses the history of Shiite community in Bahrain, specificity of its socio-economic situation and participation in political process during different periods of country's history including that of mass popular protests in 2011. The main attention was paid to the state policy towards Shiite segment of Bahraini society in the period of protectorate as well as after the declaration of independence. Ac-

* **Мелкумян Елена Суреновна**, доктор политических наук, профессор кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, e-mail: g.kosach@mail.ru

Melkumyan Elena, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia), e-mail: g.kosach@mail.ru

cording to the author, this policy will not ensure consensus and ease the polarization of Bahraini society along sectarian lines in the nearest perspective.

Keywords: Bahrain; Shiites; Al Wifak; «national dialogue»; mass protests; Ali Salman; parliament; elections; Iran; «elected government».

Бахрейнский социум – разделенное общество бинарного типа, где поляризация осуществляется по конфессиональному признаку. Большая часть шиитов этой страны не идентифицирует себя с национальным сообществом, составляя при этом большинство населения. По оценочным данным, их доля в демографической структуре превышает 60% [Katzman, 2008, р. 1]. В переписях населения, проводимых в Бахрейне, как правило, отсутствует графа, указывающая на конфессиональную принадлежность. Эта принадлежность учитывалась только в первой переписи 1941 г. Уже в тот период численность шиитов превышала численность суннитов: шииты составляли 46 тыс. 359 человек, сунниты – 41 тыс. 984 человека [Ар-Румейхи, 1976, с. 50].

Шиитская община Бахрейна недовольна своим социально-экономическим положением, незначительным представительством в структурах государственного управления и сохранением определенных ограничений в религиозной сфере. Протестные выступления шиитов стали основным проявлением «арабской весны» в Бахрейне. В этом контексте процесс преодоления разделенности бахрейнского общества и его перспективы рассмотрены в ракурсе институционализации оппозиционных движений обеих общин и их попыток вступить в диалог с правящей семьей.

Особое положение шиитского сегмента бахрейнского общества

Шииты – жители региона Персидского залива, переселившиеся на острова Бахрейна из южного Ирака. К такому выводу пришли арабские исследователи, опираясь на то, что диалект шиитов Бахрейна идентичен диалекту жителей юга Ирака [Ар-Румейхи, 1976, с. 49]. Шииты селились компактно в сельской местности и занимались сельским хозяйством, рыбной ловлей и добычей жемчуга. Эти виды деятельности не приносили им больших доходов, что ставило их в зависимое положение от суннитов, за-

нимавших ключевые посты в экономике и во властных структурах. Правителями Бахрейна являются выходцы из семьи Аль Халифа, принадлежащей к суннитской ветви ислама и переселившейся в 1782 г. с территории Неджда первоначально на западное побережье Катара, а затем на острова архипелага Бахрейна.

В 1892 г. правитель страны шейх Иса ибн Аль Халифа заключил соглашение с Великобританией, превратившее Бахрейн в британский протекторат. В 1900 г. в Бахрейн был назначен политический агент Великобритании. В 1913 г. по инициативе британского правительства был издан закон, который распространил на Бахрейн уголовный и гражданский кодекс (в то время) Британской Индии. Другой важной реформой, проведенной по инициативе англичан, стали выборы в муниципальные советы, которые состоялись в 1919 г. [The Middle East and North Africa... 1978, p. 241].

В 1926 г. советником правителя Бахрейна стал британец Чарльз Д. Белгрейв, вошедший в историю страны как инициатор первых реформ. Эти реформы положили начало установлению контроля над доходами страны, усовершенствовали систему управления и создали полицейские силы. Однако британские власти не уделяли внимание неравноправному положению шиитской общины.

В начале XX в. в среде крупных торговцев Бахрейна преобладали иностранцы. Открытие в 1932 г. нефти и начало ее промышленной разработки меняло положение дел в стране. По мере развития нефтяной отрасли бахрейнцы-сунниты смогли конкурировать с инонациональными торговцами, поскольку в отношении деятельности иностранных предпринимателей, в первую очередь персов, были введены существенные ограничения. Шииты же получали работу в нефтяных компаниях (прежде всего, в созданной в 1932 г. *Bahrain Petroleum Company* – БАПКО) или в правительственные учреждениях только в качестве мелких служащих.

Государство не заботилось о повышении уровня социального обеспечения шиитов. Первая бахрейнская государственная школа для мальчиков возникла в 1919 г. как школа для суннитских детей. Возникший в рамках реформ Ч. Белгрейва Комитет образования в 1927 г. принял решение об открытии еще двух школ, которые также предназначались суннитам. В 1927 г. была открыта первая школа для шиитов на деньги, собранные членами шиитской общины.

В 1928 г. число бахрейнских школ возросло до семи, пять из них были суннитскими и только две – шиитскими [Rumaihi, 1976, p. 117].

Институциональные пути преодоления конфессиональной разобщенности в период протектората

В 1930-е годы шиитская община приобрела больший политический вес, в силу того что по мере экономического развития, толчок которому дала промышленная разработка нефти, часть шиитов переехали в крупные города, прежде всего в столицу Манаму, и стали заниматься торговлей. 20 декабря 1934 г. восемь наиболее уважаемых членов шиитской общины представили правительству страны шейху Хамаду Аль Халифа и Ч. Белгрейву список выработанных общиной требований. Он включал усовершенствование деятельности судов, пропорциональное численности шиитов представительство в Муниципальном совете и в Правовом совете (*Маджлис аль-урф*), а также в Комитете образования [Rumaihi, 1976, p. 195].

По мере увеличения числа образованных людей уровень политизации бахрейнского общества возрастал. Стали появляться различные клубы и общественные организации – некоторые из них носили ярко выраженный политический характер, другие же были скорее социально-культурными объединениями. Вместе с тем деятельность этих объединений не способствовала консолидации общества.

Первая из этих общественных организаций возникла в 1919 г. Ею стал литературный клуб, созданный группой суннитской молодежи. В 1927 г. появился клуб «Аль-Мунтада аль-исламийя» («Исламская трибуна»), объединивший богатых торговцев-суннитов, симпатизировавших взглядам идеологов арабского единства. Это объединение также было закрыто для шиитов. Только клуб «Аль-Бахрейн» («Бахрейн»), созданный в 1936 г. на острове Мухаррак, принимал в свои ряды шиитов, но их было крайне мало. В середине 1950-х годов его члены играли активную роль в антиправительственных выступлениях. Наконец, в 1939 г. группа состоятельных торговцев и служащих-шиитов создала клуб «Аль-Уруба» («Арабизм»). Его члены разделяли идеи арабского единства [Khuri, 1986, p. 180].

Достичь единства между суннитами и шиитами удавалось лишь на короткий промежуток времени, когда интересы двух общин совпадали. Так случилось в 1938 г., когда шейх Сальман – старший сын правителя страны шейха Хамада, официально не назначенный преемником отца, стал проводить встречи с лидерами суннитской и шиитской общин – главным образом представителями торговой буржуазии, чтобы побудить их к выдвижению требований о проведении реформ и официальном назначении его наследником престола. Результатом этих встреч стало появление требований, включивших формирование Законодательного комитета, реформу департамента полиции, кодификацию бахрейнских законов, отставку руководителя Комитета образования, замену двух шиитских кади в соответствии с пожеланиями членов шиитской общины. Позднее в этот список были добавлены дополнительные положения: прием на работу в БАПКО предпочтительно бахрейнских граждан, назначение членами Законодательного комитета трех шиитов и трех суннитов, а его председателем – шейха Сальмана.

Чтобы удовлетворить требования шиитской общины, три непопулярных шиитских кади были уволены и заменены новыми. В это же время Ч. Белгрейв встретился с лидерами шиитской общины и убедил их снять пункт о создании Законодательного совета. Шиитские лидеры сохранили требования о введении кодекса законов, о пропорциональном представительстве шиитов в муниципальных советах и в правительственные департаментах [Rumaihi, 1976, р. 198].

В ноябре 1938 г. в Манаме стали распространяться слухи о готовящейся забастовке рабочих БАПКО в поддержку выдвинутых политических требований. В этих условиях правительство решило нанести удар по суннитским лидерам и арестовало их. На следующий день были распространены листовки, призывающие к всеобщей забастовке до тех пор, пока не будут освобождены арестованные. Листовки были подписаны: «Общество свободной молодежи» [Rumaihi, 1976, р. 200]. Тогда же Ч. Белгрейв вновь встретился с представителями шиитской общины, убеждая их не вмешиваться в происходящие события, так как арестованные были суннитами.

Забастовка прекратилась, и был сформирован комитет для продолжения борьбы мирными средствами. В него вошли умеренные деятели, представители торговой буржуазии, которые ранее

вырабатывали свои требования вместе с шейхом Сальманом. 12 ноября они представили собственный список условий: сформировать комиссию из восьми членов (четырех суннитов и четырех шиитов) для контроля над образованием, выработать единую школьную образовательную программу, приглашать на работу учителей из-за границы и отправлять бахрейнскую молодежь получать образование за границей. Для совершенствования работы судов предлагалось создать специальный орган, состоящий из трех судей (суннит, шиит и один – по выбору правительства) для каждого суда. Чтобы исключить в будущем «непонимание между народом и правительством», было внесено предложение о создании комитета из шести человек (три суннита и три шиита), которые бы «представляли народ Бахрейна». Некоторое требования власть согласилась выполнить (совершенствование системы здравоохранения, деятельность муниципалитетов), отвергнув остальные [Rumaihi, 1976, p. 201].

Во время Второй мировой войны военное присутствие Великобритании в Бахрейне было усилено, что привело к снижению политической активности. Многие из участников демонстраций и волнений 1938 г. стали служить в британской администрации и на британских предприятиях. В то же время возросло число торговых транзитных операций, что приносило дополнительные доходы Бахрейну, одновременно создавая ситуацию более жесткой конкуренции между выходцами из обеих общин. Эта конкуренция приобретала черты все более усилившейся межконфессиональной вражды.

В сентябре 1953 г. во время проведения шиитами религиозной церемонии в Манаме между ними и суннитами, которые наблюдали за шествием, вспыхнула драка. Сразу же после этого инцидента группа суннитов напала на шиитскую деревню на о. Мухаррак. Начались столкновения и в других районах страны. В июне 1954 г. шиитские рабочие вместе с единоверцами из ближайших деревень напали на рабочих-суннитов. Убийство одного из суннитских участников столкновений вызвало ответную реакцию власти – лидеры шиитов, участвовавших в событиях, подверглись арестам, а затем тюремному заключению. Считая эти аресты несправедливыми, шииты Мухаррака попытались освободить своих единоверцев. Итогом их действий стали вмешательство полиции и гибель нескольких нападавших на тюрьму. Протестуя против действий по-

лиции, шиитские торговцы Манамы объявили забастовку, которая продолжалась неделю [Khuri, 1986, р. 196–198]. Ставший правителем страны шейх Сальман Аль Халифа отдал распоряжение провести расследование и наказать полицейских, непосредственно виновных в расстреле участников волнений [Ар-Румейхи, 1976, с. 340].

В период новой вспышки шиитско-суннитских столкновений впервые в истории страны была предпринята попытка остановить насилие членами клуба «Аль-Уруба» и их коллегами – суннитами из клуба «Аль-Бахрейн». По призыву обоих клубов состоялись встречи между лидерами обеих общин для обсуждения создавшегося положения, которые, однако, не привели к положительным результатам [Khuri, 1986, р. 199].

Суннитско-шиитские столкновения продолжались – стычки между работавшими на нефтеперерабатывающем заводе БАПКО выходцами из обеих общин стали обыденными. В этой ситуации правительство изменило тактику и арестовало некоторых суннитских активистов. Однако в сентябре 1954 г., когда произошла забастовка водителей такси и автобусов, недовольных введенными правительством новыми правилами страхования, ее участниками стали как сунниты, так и шииты. Для политических активистов обеих общин это обстоятельство оказалось поводом для того, чтобы выступить в качестве посредников между забастовщиками и правительством, предложив создать Кооперативную страховую кассу [Khuri, 1986, р. 200].

В начале октября 1954 г. в столичной мечети «Аль-Хамис», которую посещали и сунниты, и шииты, состоялось собрание, принявшее решение о создании «фронта для борьбы с диктатурой Ч. Белгрейва», в то время занимавшего посты начальника полиции, главы судебного ведомства и председателя комиссии по помилованию. 13 октября по призыву участников совещания в мечети в Манаме состоялся массовый суннитско-шиитский митинг, в ходе которого была сформирована Генеральная ассамблея из 120 членов, избравшая Высший исполнительный комитет (ВИК) [Khuri, 1986, р. 201]. ВИК сформулировал основные требования: создание совещательного совета, введение гражданского и уголовного кодекса, предоставление рабочим права создавать профсоюзы, создание высшего кассационного суда [Ар-Румейхи, 1976, с. 343]. В то же время обеспокоенный беспорядками правитель страны шейх Сальман назначил комитет, представлявший обе религиозные

общины. Комитет рекомендовал создать выборные комитеты по делам образования и здравоохранения. ВИК назвал этот комитет незаконным и стал собирать подписи в поддержку своих требований. Кроме того, он объявил о создании федерации рабочих.

В марте 1956 г. период переговоров и поиска компромиссов закончился. 2 марта произошло нападение на представителя министерства иностранных дел Великобритании С. Ллойда, который остановился в Бахрейне по пути на Дальний Восток. ВИК попытался отвести от себя подозрения в организации нападения. В этот же период произошел другой инцидент, связанный с задержанием торговца-шиита за незначительное правонарушение. Попытка его освободить заставила полицию применить оружие, и инцидент завершился жертвами. ВИК призвал к проведению всеобщей забастовки. Забастовка продлилась неделю. В конце марта 1956 г. британский резидент в Бахрейне провел серию переговоров с представителями ВИК, достигнув соглашения о снятии требования о создании совещательного совета и увольнении Ч. Белгрейва, который в скором времени должен был подать в отставку (он покинул Бахрейн в апреле 1957 г.) [Ар-Румейхи, 1976, с. 351].

В середине 1950-х годов ВИК трансформировался в Комитет национального единства (КНЕ), генеральным секретарем которого стал суннит А. Аш-Шамлан. Оппозиция создала еще одну организацию – Национальный пакт, которую возглавил шиит Х. Ар-Раджаб. Переговоры оппозиции с правительством были возобновлены. В них участвовали со стороны КНЕ два суннита и два шиита. Однако эти переговоры были прерваны после того, как в июне 1956 г. начался суд над обвиняемыми в убийстве пяти шиитов. Итогом развития ситуации стало создание военизированных отрядов КНЕ, объявившего себя официальной оппозицией режиму [Khuri, 1986, р. 212].

В 1960-е годы новое поколение бахрейнцев, которые получили образование в арабских странах, стали членами общеарабских политических партий и движений: Движения арабских националистов, Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ). Немалое воздействие на идейную эволюцию молодых бахрейнцев оказал и Г.А. Насер. На политической арене страны стали действовать и коммунисты, объединенные в возникший в 1955 г. Фронт национального освобождения Бахрейна (ФНОБ). Марксистские идеи проникли в Бахрейн в 1953 г. с группой активистов Народной пар-

тии Ирана (Туде), которые бежали в Бахрейн после падения правительства Мосаддыка [Мадан, 1990, с. 78]. Шииты принимали активное участие в деятельности всех этих организаций.

В марте 1965 г. Бахрейн стал ареной мощных антиправительственных волнений и демонстраций с активным участием студентов, поводом для которых стало увольнение бахрейнских рабочих БАПКО в результате автоматизации производства. События в стране подталкивали левые политические силы к координации усилий: баасисты, арабские националисты и коммунисты создали Прогрессивный фронт национальных сил (ПФНС), призвавший начать всеобщую забастовку, объявленную 10 марта 1965 г. Во многих городах прошли демонстрации. Реагируя на развитие ситуации, ПФНС выдвинул свои требования: прекратить увольнения в БАПКО, признать право рабочих на создание профессиональных союзов, освободить политических заключенных и разрешить политическим эмигрантам вернуться в страну [Ар-Румейхи, 1976, с. 362]. Однако правительство проигнорировало эти требования.

С другой стороны, приближение даты обретения политической самостоятельности заставляло правящую семью идти по пути создания общенациональных органов власти. В январе 1970 г. был создан Государственный совет, ставший прообразом будущего правительства. Он состоял из 12 членов, четверо из которых представляли семью Аль Халифа. Главой вновь созданного Совета стал правитель страны шейх Халифа бен Сальман Аль Халифа. Сунниты и шииты были представлены в этом органе в равной пропорции. 14 августа 1971 г. Бахрейн был объявлен независимым государством.

Политическая активность шиитских организаций в период независимости

В 1973 г. в Бахрейне была принята конституция и создан парламент. В парламенте возникли три объединения: Народный блок, Религиозный блок и независимые центристы.

В Народный блок вошли депутаты, связанные с зарубежными политическими партиями: коммунистами, социалистами, арабскими националистами. Большинство участников этого блока принимали участие в забастовке и волнениях рабочих и студентов в 1965 г. За это некоторые из них были арестованы и подверглись

тюремному заключению. За редким исключением все члены этого блока принадлежали к небогатым семьям (суннитским или шиитским), которые жили в Манаме или Мухарраке. Многие из них имели хорошее образование.

Члены Религиозного блока были избраны в шиитских округах. Пять из шести членов фракции получили образование в начальных школах в шиитских деревнях. Кроме того, трое из них получили образование в шиитской семинарии в иракском Эн-Неджефе. Своим избранием в парламент эти депутаты были обязаны поддержке влиятельных религиозных авторитетов, уклонявшихся от открытого участия в политике [Khuri, 1986, p. 225].

Примерно 17 среди избранных в парламент 30 депутатов не вошли в какой-либо блок и считали себя независимыми. Большинство членов этой группы были предпринимателями (14 из 17). Только трое были наемными работниками в государственных учреждениях или частных компаниях [Khuri, 1986, p. 229]. Их конфессиональная принадлежность неизвестна.

В декабре 1974 г. возникла конфликтная ситуация между пришедшим к власти в стране в 1970 г. новым эмиром шейхом Исой Аль Халифа и парламентским большинством – парламентское большинство поставило вопрос о недопустимости принятия правителем новых законодательных актов без предварительных консультаций с парламентом [Khuri, 1986, p. 231]. В течение четырех-пяти месяцев в парламенте шли дебаты по этому поводу, и Народный блок пошел на сотрудничество с Религиозным блоком. Чтобы разрушить создавшийся союз, правительство попыталось перетянуть членов Религиозного блока на свою сторону.

Контактируя с правителем, Религиозный блок выдвигал свои условия: введение запрета на продажу алкогольных напитков, закрытие домов терпимости. Однако правительство не могло пойти на выполнение этих требований, опасаясь вызвать негативную позицию работавших в Бахрейне иностранных предпринимателей. К маю 1975 г. стало понятно, что достичь соглашения с парламентом не удастся. В августе 1975 г. шейх Иса принял решение о его роспуске. Действие конституции было приостановлено. Оппозиция в лице левых организаций, а также шиитских и суннитских объединений продолжала настаивать на необходимости восстановления деятельности парламента.

Среди шиитских организаций выделялось Общество исламского просвещения. Оно начало действовать в конце 1960-х – начале 1970-х годов под влиянием Центра исламского призыва в Эн-Неджефе и по инициативе ряда религиозных деятелей, получивших там образование. Эта группа была связана с шиитской Партией призыва в Ираке. Журнал «Аль-Мавакиф» («Позиция») стал печатным органом Общества, развивавшего свою деятельность в населенных шиитами сельских районах [Мадан, 1990, с. 76].

Исламская революция в Иране оказала огромное воздействие на политическую ситуацию в Бахрейне. На смену организациям, идеологией которых был арабский национализм или марксизм, в шиитское сообщество Бахрейна пришли организации исламистского толка. В 1979 г. был сформирован Исламский фронт освобождения Бахрейна (ИФОБ). Эта организация имела свою предысторию, восходившую к действовавшей в Бахрейне в начале 1970-х годов Ассоциации исламской директивы, трансформировавшейся в 1973 г. в Социальный фонд Хусейна (по имени *мученика Хусейна бен Али*). Активное участие в деятельности Фонда принимал Хади Аль-Мударриси – шиитский богослов, автор многих религиозных произведений, посвященных шиитскому наследию, религиозный проповедник, сотрудничавший с журналом «Аль-Мавакиф». ИФОБ пользовался широкой иранской поддержкой, а Х. Аль-Мударриси стал личным представителем имама Хомейни в Бахрейне [Мадан, 1990, с. 74].

В конце 1981 г. бахрейнские власти объявили о раскрытии антиправительственного заговора – полиция нанесла удар по ИФОБ. Многие члены организации были отданы под суд и приговорены к длительным срокам тюремного заключения. Еще ранее Х. Аль-Мударриси был выслан из страны. Членами Фронта были в основном молодые люди. Из 73 человек, отданных под суд по обвинению в заговоре с целью государственного переворота, только одному был 31 год, еще одному – 30 лет, двоим – 29 лет, 10 человек были моложе 20 [Мадан, 1990, с. 75]. После разгрома организации ее оставшиеся на свободе члены ушли в подполье.

Репрессии, которым подверглись шиитские радикальные группировки после попытки государственного переворота 1981 г., не привели к стабилизации ситуации в стране. В 1984 г. был обнаружен склад оружия в одной из бахрейнских деревень [The Middle East and North Africa... 1994, p. 289]. Опасения в отношении того,

что Иран избрал Бахрейн в качестве объекта реализации «экспорта исламской революции», возобновились. В июне 1985 г. был раскрыт новый заговор по свержению законной власти в Бахрейне. Все общественно-политические и профсоюзные организации были запрещены. Международные правозащитные организации критиковали власть за задержания без суда и следствия и за применение пыток [The Middle East and North Africa... 1994, p. 289].

В январе 1993 г. с целью улучшения политической ситуации в стране был создан Консультативный совет, состоявший из 30 назначенных эмиром членов [*ibid.*, p. 289]. Совет не обладал законодательной инициативой, и его создание не могло удовлетворить чаяния бахрейнского общества, которое требовало возобновления деятельности ранее избранного парламента.

В 1995–1997 гг. выступления шиитов продолжались с разной степенью интенсивности. Проводились демонстрации, использовались взрывные устройства. Полиция разгоняла демонстрантов и арестовывала активистов. В июне 1996 г. была арестована группа из 80 человек (все они были шиитами), которых обвинили в принадлежности к террористической организации Хизбалла-Бахрейн, планировавшей смену власти в стране и установление исламского правления. Иран был официально обвинен в ее поддержке [The Middle East and North Africa... 1994, p. 289].

Летом 1997 г. демонстрации протеста, организовывавшиеся шиитской оппозицией, были продолжены. Насилие применялось как протестующими, так и властью, что накалило обстановку. Одним из новых политических лидеров шиитов стал проживавший в иранском Куме шейх Иса Касем. Антиправительственная оппозиция называла его самым влиятельным шиитским религиозным деятелем Бахрейна. И. Касем выступал с резкими обвинениями в адрес правительства, призывая шиитов Бахрейна начать священную войну против власти, если членов Хизбалла-Бахрейн приговорят к смертной казни [The Middle East and North Africa... 1994, p. 296]. Также шиитская оппозиция обвиняла правительство в том, что оно поощряло приезд семей бедуинов из соседних стран и давало им гражданство, чтобы изменить численное соотношение между общинами в пользу суннитов.

После смерти в 1999 г. эмира Исы бен Сальман на престол вступил его сын Хамад бен Иса Аль Халифа. В течение 1999 г. была освобождена значительная часть политических заключенных и

дано разрешение вернуться в страну ранее высланным из Бахрейна представителям оппозиции.

В ноябре 2000 г. эмир Хамад назначил Высший Национальный комитет, который должен был представить проект политического развития Бахрейна. Комитет подготовил Хартию Национального действия, опубликованную в конце декабря 2000 г. Согласно распоряжению эмира, 14 февраля 2002 г. состоялся референдум, по результатам которого был принят новый текст конституции, провозглашавшей Бахрейн королевством, а его правителя – королем.

Все граждане Бахрейна, согласно статье 17 нового Основного закона, провозглашались равными в своих правах и обязанностях без какой-либо дискриминации по признаку пола, происхождения, языка, религии или убеждений. Согласно конституции, орган законодательной власти – Национальный совет – становился двухпалатным, состоящим из назначаемого королем Консультативного совета и Совета депутатов, избираемым на основе всеобщего, прямого и тайного голосования при участии всех граждан Бахрейна.

Восстановление конституционных норм было частью объявленных королем Хамадом реформ. В рамках нового курса была разрешена деятельность общественных организаций. В октябре 2002 г. прошли выборы в нижнюю палату парламента – Совет депутатов. Из 40 депутатских мест 21 получили независимые и умеренные суннитские кандидаты, 19 – радикальные исламисты [The Middle East and North Africa... 2005, p. 241].

Активизация политической деятельности бахрейнских шиитов выразила себя в том числе в формировании в 2001 г. Исламского общества национального согласия («Аль-Вифак»), ставшего наследником ИФОБ. По численности своих членов эта организация, генеральным секретарем которой был избран Али Сальман, стала крупнейшей среди всех шиитских политических объединений.

Спустя несколько месяцев после начала деятельности нового парламента была оформлена оппозиция, которая включила в свой состав четыре организации, бойкотировавшие, наряду с «Аль-Вифак», парламентские выборы 2002 г. Эти организации заключили Пакт национального альянса, который имел надконфессиональный характер. Оппозиция требовала вернуться к более демократичной конституции 1973 г. и обвиняла власть в том, что гражданство стало политическим инструментом, используемым

для увеличения числа лояльных по отношению к правящим властям суннитских граждан [Katzman, 2008, р. 1].

В ходе состоявшихся в ноябре 2006 г. новых парламентских выборов шиитская оппозиция во главе с «Аль-Вифак» завоевала 18 мест, суннитские организации («Братья-мусульмане» и салафиты) получили восемь мандатов. В верхнюю палату – Консультативный совет – король назначил 17 суннитов, 18 шиитов, иудейку и христианку [Katzman, 2008, р. 3]. Кроме того, король пошел и на увеличение числа шиитов в правительстве – представитель шиитской общины стал одним из заместителей премьер-министра, число министров-шиитов достигло шести человек [ibid., р. 1].

В ноябре 2010 г. прошли очередные выборы в нижнюю палату парламента. «Аль-Вифак» сохранила прежнее число мест в парламенте – 18. Во время предвыборной кампании представители этой организации выдвигали требования отмены «племенных и религиозных привилегий, создания многопартийной демократии и изменения системы, при которой король назначает всех министров» [Q&A: Bahrain elections, 2010].

Участие шиитских организаций в массовых протестах «арабской весны»

Протестные выступления в Бахрейне начались 14 февраля 2011 г. в Манаме. Активное участие в них принимала молодежь, которая, используя социальные сети интернета, обеспечивала их массовость. Но возглавила протесты парламентская оппозиция, представленная главным образом «Аль-Вифак» и Демократическим национальным объединением – левым флангом бахрейнских политических сил. После применения силы для разгона демонстраций оппозиция выдвинула требование отставки правительства и ухода армии с улиц столицы в преддверии объявленного королем «национального диалога» [Аль-Бахрейн: малик Хамад... 2011].

В течение первого месяца протестные выступления были очень интенсивны. Митинги на Жемчужной площади, центральной площади Манамы, проходили ежедневно. Молодежь устроила там палаточный городок, и демонстрации стали еще более массовыми. Для подавления протестов были использованы не только водометы и слезоточивый газ, но и огнестрельное оружие. Итогом

такого развития событий стали новые жертвы [Аль-Бахрейн: малик Хамад... 2011].

Оказавшись перед невозможностью силового разгона протестующих, король пошел на частичное выполнение их требований, отправив в отставку четырех министров [Ат-таадиль аль-визарий... 2011]. Однако ставший бесспорным идеологом «Аль-Вифак» Иса Касем заявил, что отвергает идею «диалога ради диалога». 25 февраля 2011 г. в своей пятничной проповеди он подчеркнул, что «народ поддержит тот диалог, который обеспечит его права, а формальный диалог сегодня никому не нужен» [Малик Аль-Бахрейн, 2011].

День 25 февраля 2011 г. был объявлен королевской канцелярией днем траура по погибшим в ходе беспорядков. Оппозиция также использовала это событие для того, чтобы призвать своих сторонников провести шествие. Во время шествия звучали лозунги: «Братья сунниты и шииты – это страна, к которой мы стремимся!» [Малик Аль-Бахрейн, 2011]. Лидеры оппозиции стремились к тому, чтобы выдвигаемые требования носили политический, а не конфессиональный характер, осознавая опасность раскола оппозиции.

В начале марта 2011 г. на митинге в Манаме семь оппозиционных организаций Бахрейна, представлявших как шиитскую, так и суннитскую общину, выступили с заявлением о недопустимости разжигания розни на конфессиональной основе. Они призвали к единству всех граждан страны. Это стало ответом на столкновения между суннитами и шиитами, которые произошли в г. Хамад к югу от Манамы [Муарада Аль-Бахрейн... 2011].

Вместе с тем радикализировалась и сама оппозиция. На арену политической борьбы выдвинулась новая сила – вновь образованный блок «Коалиция во имя республики», выдвинувшая требование свержения королевской власти и превращения Бахрейна в республику. В этот блок вошли движение «Верный путь», фракция, отколовшаяся в 2005 г. от «Аль-Вифак», движение «Путь верности исламу» и Движение свободных бахрейнцев. Блок был образован после возвращения в конце февраля 2011 г. в Бахрейн из эмиграции в Иране руководителя движения «Верный путь» Хасана Мушайя, получившего образование в иранском Куме. С 1994 г. он принимал участие в акциях протеста и входил в руководство «Аль-Вифак», но в 2005 г. создал свою организацию. Требование о свержении королевского режима и создании республики не нашло

поддержки среди других оппозиционных группировок. По заявлению представителя «Аль-Вифак», «это требование выдвинула незначительная политическая группировка, которая не пользуется каким-либо влиянием в стране» [Муарада Аль-Бахрейн... 2011].

В сложившейся ситуации правительство обратилось за помощью к партнерам Бахрейна по Совету сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ), которые ввели в страну военные формирования из состава совместных войск «Щит полуострова». Власть акцентировала в своих заявлениях мысль, что действия группировок, призывавших к свержению существующего строя, были поддержаны извне. Король Хамад прямо обвинил Иран и Сирию в том, что они «подстрекали граждан» к свержению правящего режима [King of Bahrain... 2011].

Одновременно наследник престола принц Сальман бен Хамад заявил о готовности правительства выполнить ряд требований оппозиции для начала «национального диалога». Оппозиция согласилась на диалог, однако вскоре «Аль-Вифак» отказался поддержать его проведение, настаивая на выполнении собственных требований: «выборное» правительство, независимость суда, однопалатный избранный парламент [Халед бен Али Аль Халифа, 2011].

Пять оппозиционных организаций (шиитские, в том числе «Аль-Вифак», суннитские и светские либеральные группировки, требовавшие проведения демократических реформ) подготовили так называемый Манамский документ. В нем были изложены их основные требования – создание правительства по результатам выборов в парламент, ликвидация верхней палаты парламента и введение конституционной монархии [Kishk, 2015]. Эти требования выходили за рамки той модели реформ, которую инициировал король Хамад. Тем не менее он создал независимую комиссию, которая должна была расследовать все факты нарушений прав человека в Бахрейне во время акций протеста февраля-марта 2011 г.

Комиссия, которую возглавил египетский юрист, представила свой отчет. Он был составлен на основе тысяч проведенных интервью и свидетельств участников событий. По данным, содержащимся в отчете, во время акций протеста, начавшихся 14 февраля 2011 г., из-за неправомерного применения силы погибли 35 человек (30 гражданских лиц и пять представителей сил безопасности). Кроме того, в феврале и марте 2011 г. были убиты еще 11 участников акций протестов. Комиссия подтвердила применение пыток

против арестованных, указав, что они проводились не по приказу министерства внутренних дел [Леджна тахсы... 2011].

2 июля 2011 г. по инициативе наследника престола Сальмана бен Хамада был начат «национальный диалог» с целью выработать единую позицию по ситуации в стране. Через 15 дней после начала переговоров «Аль-Вифак» отказался участвовать в диалоге, назвав его «неэффективным» [Moritz, 2015].

Остальные участники «национального диалога» смогли выработать рекомендации правительству, реализованные властью в качестве поправок к конституции, расширявших полномочия парламента. В мае 2012 г. эти поправки были опубликованы, но были отвергнуты оппозицией. Оппозиция требовала, чтобы правительство формировалось из числа избранных депутатов, а премьер-министром назначался глава парламентской фракции, получившей большинство мест в парламенте. Если бы эти требования были приняты, то правящая семья лишилась бы монополии на власть, так как премьер-министр и ключевые министры традиционно назначались из ее представителей.

10 февраля 2013 г. (после 18 месяцев протестов) «национальный диалог» был возобновлен, но в сентябре того же года участовавшие в нем представители крайней оппозиции заявили о своем уходе. 8 января 2014 г. деятельность этого института была официально прекращена правительством, однако уже 15 января того же года принц Сальман встретился с представителями основных политических объединений, чтобы возобновить «национальный диалог» [Kishk, 2015].

Помимо инициированного властью «национального диалога» усилия по преодолению разделенности бахрейнского общества предпринимались и на общественном уровне. Политики и общественные деятели, представлявшие обе общины, создали площадку для обсуждения насущных проблем, таких как экономические и политические реформы, натурализация, конфессионализм. Они назвали эту неформальную структуру Бахрейнской дискуссионной инициативой. В ней участвовали немногочисленные представители как светских, так и религиозных – суннитских и шиитских кругов. Последнее ее заседание прошло 28 марта 2015 г. в клубе «Аль-Уруба» [Moritz, 2015].

28 декабря 2014 г. был арестован руководитель «Аль-Вифак» Али Сальман. 17 июня 2015 г. суд приговорил его к четырем годам лишения свободы по обвинению в «оскорблении официальных орга-

нов». В своих публичных выступлениях и в интернет-изданиях Али Сальман резко критиковал внутреннюю и внешнюю политику бахрейнского правительства. Его арест вызвал волну протестов в шиитском сообществе Бахрейна, усилившихся после того, как Бахрейн поддержал военную операцию Саудовской Аравии против хуситов в Йемене [Moritz, 2015].

В ноябре 2014 г. в Бахрейне состоялись парламентские выборы. «Аль-Вифак» бойкотировал их проведение, надеясь на активизацию протестного движения, которое, однако, спустя почти три года после его вспышки стало ослабевать.

Заключение

К основным факторам, затруднившим создание в стране консociативных механизмов, следует отнести консервацию традиционных институтов, сохранение сильного влияния духовных авторитетов, особенно в шиитской среде, невозможность выполнить основное требование оппозиции о введении «выборного правительства», поскольку оно подрывает основы политической системы Бахрейна, базирующейся на монополизации власти правящей семьей Аль Халифа.

Преодоление разделенности бахрейнского общества в настоящее время проблематично, так как усилия, предпринимаемые некоторыми политическими организациями, не встречают массовой поддержки. Кроме того, попытки власти найти компромиссное решение существующих проблем не выглядят целенаправленными. Власть в публичном дискурсе делает акцент на провоцирующую роль Ирана, игнорируя внутренние политические факторы, которые в большей степени являются причиной массовых протестов. Региональная ситуация также не способствует национальной консолидации, а усиление таких движений, как «Исламское государство», радикализирует суннитские исламистские организации, превращая их в противников диалога.

Список литературы

Мадан Х.А. Особенности социально-политического развития Бахрейна в период независимости и его место в системе международных отношений: Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. – М., 1990. – 160 с.

- Bahrain opposition leader Ali Salman sentenced to four years in jail // The Guardian. – L., 2015. – June 30. – Mode of access:<http://www.theguardian.com/world/2015/jun/16> (Дата посещения: 19.07.2015.)
- Q&A: Bahrain elections // BBC. – L., 2010. – October 24. – Mode of access: <http://www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-11585289> (Дата посещения: 25.10.2010.)
- Kishk A.* Interaction between the sects, state and region: Bahrain as an example // Derasat. – 2015. – Mode of access: <http://www.derasat.org.bh/publications/interactions-between-the-sect-the-state-and-the-region-bahrain-as-an-example/> (Дата посещения: 29.07.2015.)
- Katzman K.* CRS Report for Congress. Bahrain reform, security and US policy. – 2008. – October 17. – 28 p.
- Khuri F.* Tribe and state in Bahrain. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1980. – 285 p.
- King of Bahrain insists his forces do not indulge in «ethnic cleansing or genocide: as he defends handling of protests» // The Telegraph. – L., 2011. – December 12. – Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/bahrain/8951979.html> (Дата посещения: 16.01.2012.)
- The Middle East and North Africa, 1977–78. – L.: Europe publication, 1979. – 983 p.
- The Middle East and North Africa, 1994. – L.: Europa publications, 1994. – 1028 p.
- The Middle East and North Africa, 2005. – L.: Europa publications, 2005. – 1120 p.
- Moritz J.* Prospect for national reconciliation in Bahrain: Is it realistic? / The Arab Gulf States Institute in Washington. – 2015. – April 16. – Mode of access: http://www.agssi.org/wp-content/uploads/2015/04/Moritz_Bahrain.pdf (Дата посещения: 18.08.2015.)
- Rumaihi M.G.* Bahrain. Social and political change since the First World War. – L.; N.Y.: Bowker in association with the Centre for Middle Eastern and Islamic Studies of the Univ. of Durham, 1976. – 386 p.
- Аль-Бахрейн: малик Хамад юваджих би фатх хивар ватаний [Бахрейн: король Хамад намерен начать национальный диалог] // Аш-Шарк Аль-Аусат. – 2011. – 19 февраля. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://www.aawsat.com/details.asp?section4&article=6089474&issuueno=11771> (Дата посещения: 21.02.2011.)
- Ат-таадиль аль-визарий би Аль-Бахрейн [Изменения в составе правительства Бахрейна] // Аль-Джазира. – Доха, Катар, 2011. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/432727BO-8E8E-457F-B680-9672/28.02.2011> (Дата посещения: 02.03.2011.)
- Ар-Румейхи М.* Кадая ат-тагиий ас-сиясий ва аль-иджтихадий фи Аль-Бахрейн [Проблемы социально-политической трансформации в Бахрейне]. – Эль-Кувейт, 1976. – 392 с. – Араб. яз.
- Халед бен Али Аль Халифа: Аль-Бахрейн кадира аля хафз истикраиха [Халед бен Али Аль Халифа: Бахрейн способен сохранить стабильность]. – Араб. яз. // Аш-Шарк Аль-Аусат. – 2011. – 7 сентября. – Режим доступа: <http://www.aawsat.com/print.asp?did=639214&issuueno=11971> (Дата посещения: 10.09.2011.)
- Леджна тахсы хакаик фи ахдас Ал-Бахрейн [Комиссия по расследованию фактов о событиях в Бахрейне] // Аль-Хайят. – Бейрут, 2011. – 24 ноября. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://international.daralhayat.com/print/332107> (Дата посещения: 28.11.2011.).
- Малик Аль-Бахрейн: ат-таабир ан ар-рай якун би аль-васаиль ас-сильмийя (Король Бахрейна: выражение мнения должно осуществляться мирными средствами) //

Аш-Шарк Аль-Аусат. – 2011. – 17 февраля. – Араб. яз.– Режим доступа: <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=608689&issueno=11769> (Дата посещения: 20.12.2015.)

Муарада Аль-Бахрейн такбуль аль-хивар (Бахрейнская оппозиция принимает диалог) // Аль-Джазира. – Доха, Катар, 2011. – 4 марта. – Араб. яз.– Режим доступа: <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/3B18DF44-7662-4A08-B259-5549> (Дата посещения: 06.03.2011.)

Музахара би Аль-Бахрейн туаккид аль-вахда аль-ватанийя (Демонстрация в Бахрейне подтвердила национальное единство) // Аль-Джазира. – Доха, Катар, 2011. – 2 марта. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/24C880A8-9A99-41DB-BFC3-8E2> (Дата посещения: 05.03.2011.)

А.Н. ЩЕРБАК, Л.С. БОЛЯЧЕВЕЦ, Е.С. ПЛАТОНОВА*

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: КОЛЕБАНИЯ МАЯТНИКА?¹

Аннотация. В статье поставлена задача рассмотреть советскую национальную политику как целостное явление, которое обладает определенной логикой и содержанием. Выделяя несколько основных периодов национальной политики, авторы используют концепцию «маятника» и показывают наличие мягких и жестких волн. Данный аргумент основан на анализе данных советской официальной статистики по трем основным измерениям: административный статус республики, кадровая политика и культурно-языковая политика. Результаты исследования позволяют проследить взаимосвязь между сменой политических курсов и изменениями фокусов в национальной политике. Исследование проливает свет на причины роста национализма в СССР в 1980–1990-е годы.

Ключевые слова: СССР; национальная политика; межнациональные отношения; национализм.

***Щербак Андрей Николаевич**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ, доцент департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ – СПб, e-mail: ascherbak@hse.ru; **Болячевец Лилия Станиславовна**, студентка 4 курса департамента истории НИУ ВШЭ – СПб, лаборант Центра исторических исследований при НИУ ВШЭ, e-mail: sbolyatchevets@hse.ru; **Платонова Евгения Сергеевна**, студентка 3 курса департамента истории НИУ ВШЭ – СПб, e-mail: platosha95@gmail.com

Shcherbak Andrey, Higher School of Economics (Saint-Peterburg), e-mail: ascherbak@hse.ru; **Bolyatchevets Liliya**, Higher School of Economics (Saint-Peterburg), e-mail: sbolyatchevets@hse.ru; **Platonova Evgeniya**, Higher School of Economics (Saint-Peterburg), e-mail: platosha95@gmail.com

¹Статья написана в рамках научного проекта № 15-05-0059, выполненного при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2015 г.

A.N. Shcherbak, L.S. Bolyatchevets, E.S. Platonova
History of the Soviet national policy: Swing of the pendulum

Abstract. The article aims to examine the Soviet nationalities policy as a complex phenomenon with its definite logic and content. Authors identify several main cycles of national policy and apply the «pendulum» concept to reveal its «hard» and «soft» waves. This argument is tested using the data of the official Soviet statistics in three dimensions: republic's administrative status, cadre policy and cultural-linguistic policy. The findings reveal the interrelation between the change of the policy direction and the shift in the focus of the nationalities policy. The study contributes to better understanding of the reasons of political mobilization along ethnic lines in the USSR in the 1980–1990 s.

Keywords: USSR; Soviet national policy; interethnic relations; nationalism.

Всплеск национализма на территории бывшего Советского Союза является одной из наиболее популярных тем для исследователей российской политики и специалистов по этническим конфликтам. В меньшей степени привлекает внимание ученых национальная политика в СССР, понимаемая как политика по вопросу национальностей¹ и межнациональных отношений. Нам кажется, что советская национальная политика незаслуженно оказалась на периферии постсоветских исследований. Изучение ее содержания, логики и результатов поможет лучше понять рост национализма в конце 1980-х – 1990-х годах.

Настоящая работа фокусируется на двух аспектах анализа советской национальной политики: периодизации и логике смены выделенных периодов. Мы применяем довольно популярную концепцию «маятника» [Гельман, 2006], которая отображает значительные колебания в данном политическом курсе – от акцента на развитие национальных окраин до резкого перехода к русификации. С другой стороны, движения «маятника» говорят о неспособности найти точку равновесия между интересами национальных меньшинств и национального большинства. Метафора «маятника» также отчасти улавливает реактивность национальной политики: смена политического курса часто определялась стремлением реагировать на итоги предыдущего периода.

¹ Термин «национальность» использован в статье в двух значениях – этнического меньшинства и этнической принадлежности.

Колебания «маятника» в советской национальной политике просматриваются через шесть выделенных периодов: 1) революция и Гражданская война (1917–1925); 2) политика позитивной дискриминации (1926–1939); 3) великодержавный русский национализм (1940–1955); 4) «коренизация» (1956–1970 гг.); 5) нарастание противоречий (1971–1985); 6) перестройка (1986–1991).

Основная теоретическая парадигма понимания национализма и национальной политики – это модернизм. После образования Советского государства одним из ключевых элементов советской национальной политики было создание новых этнических идентичностей, в связи с чем важную роль начали играть культурно-языковая политика и образование [см., например: Андерсон, 2001; Геллнер, 1991]. Национальные интеллигенции, побочный продукт данной политики, с середины 1980-х годов стали локомотивами национальных движений периода перестройки.

Национальная политика СССР рассматривается с двух сторон: в исторической перспективе и с содержательной точки зрения. В последнем случае мы концентрируем внимание на трех ее элементах: институциональном уровне, кадровой политике и культурно-языковой политике. Безусловно, набор этих элементов не исчерпывает весь репертуар инструментов национальной политики; тем не менее все они довольно показательны. Под институциональным уровнем понимается изменение формального статуса этнических регионов в официальной советской иерархии. Кадровая политика измеряется через национальность первых секретарей республиканских партийных организаций: нас интересует соотношение представителей титульной и нетитульной национальностей (как правило, русских) на этой ключевой политической должности. Культурно-языковую политику мы измеряем через роль родного (титульного) языка в преподавании в школах, тиражи книг и печатной периодики на местном языке.

Первая часть статьи посвящена историческому обзору советской национальной политики, разделенной на шесть периодов; вторая часть представляет собой анализ общих характеристик и трендов политического курса в отношении национальностей. Заключительная часть содержит выводы и итоговые обобщения.

Шесть периодов советской национальной политики

Революция и Гражданская война (1917–1925)

Российская империя имела некоторые черты унитарного государства. В частности, все губернаторы, управлявшие территориями огромного государства, назначались напрямую из Петербурга. Последние два императора – Александр III и Николай II – пытались ограничить права некоторых национальностей. Со второй половины XIX в. некоторые идеи панславизма оказывали влияние на официальную политику властей, хотя Российская Империя объединяла не только славянские народы и православных, но и католиков, протестантов, мусульман, иудеев и буддистов, а также различные этнические меньшинства. Царское правительство недооценивало силу национализма и не смогло принять адекватные меры, направленные на ассимиляцию или по крайней мере на умиротворение недовольных этнических групп. Только Финляндия и Польша обладали некоторой автономией, но с конца XIX в. она постепенно сокращалась. Неудивительно, что Первая мировая война, вызвавшая перенапряжение всех сил государства, привела к его коллапсу.

В период Гражданской войны целый ряд территорий бывшей империи Романовых провозгласили свою независимость¹. Пытаясь привлечь на свою сторону новых союзников, большевики объявили право наций на самоопределение в качестве одного из главных политических принципов.

¹ Эстонская, Литовская, Латышская республики; Украинская Народная Республика, Украинская Держава гетмана Скоропадского, Западно-Украинская Народная Республика, Крымское краевое правительство на Украине; Белорусская Народная Республика; Молдавская Демократическая Республика; Азербайджанская Демократическая Республика; Грузинская Демократическая Республика; Республика Армения; Алаш-Орда в Казахстане; Закаспийское временное правительство в Туркменистане; Туркестанская автономия в Средней Азии; проект Идель-Урал в Татарстане; Башкурдистан в Башкортостане; Горская республика в Дагестане; Северо-Кавказский эмират в Чечне; Ингрия, Северо-Карельское правительство в Карелии; Государство Бурят-Монголия в Бурятии; Каракорумский алтайский округ в Республике Алтай; Временное якутское областное народное управление; Тувинская Народная Республика.

После окончания Гражданской войны был учрежден Союз Советских Социалистических Республик как политический союз равных наций. В самом названии государства подчеркивалось, что СССР не равен государству этнических русских. Более того, все союзные республики получили право на сепарацию.

Ранний советский период – «позитивная дискриминация» (1926–1939)

Во время Гражданской войны большевики были поражены «кровавым уроком 1919 года»: восстанием украинских крестьян против красных, которое носило явный этнический, антирусский характер [Мартин, 2001]. Подавив его, большевики были вынуждены признать, что национализм существует, и его уже нельзя больше игнорировать. Обсуждались два подхода к решению национального вопроса.

«*Ортодоксальный марксистский подход*» основывался на том, что национализм – это ложное сознание, изобретенное буржуазными лидерами для разъединения мирового рабочего класса. Единственная верная классовая идентичность не подразумевает никакого национального самоопределения и никакой национальной или даже культурной автономии [Martin, 2001].

«*Принцип наибольшей опасности*» предполагал, что национализм – это объективная реальность, и его нельзя игнорировать. Отрицание значимости местных культур будет восприниматься местным населением как продолжение великодержавного русского национализма и колониализма и может нести угрозу новых антикоммунистических восстаний. Поэтому большевики должны поддержать национализм меньшинств против великодержавного русского национализма. Русский шовинизм представляет наибольшую опасность по сравнению с местным национализмом [Martin, 2001].

После короткой, но крайне интенсивной дискуссии большевики приняли второй подход к национальной политике. Политическим воплощением данного подхода стало появление оригинальной национальной политики, нацеленной на продвижение местных национальных движений, ускорение социального, экономического, политического и культурного развития «отсталых» этнических групп. Этот период в национальной политике СССР был назван

американским историком Терри Мартином «Империей позитивного действия» [Martin, 2001]. Можно отметить ряд следующих отличительных особенностей политики «позитивной дискриминации».

Коренизация. Все национальности могли получить определенную долю культурной автономии; представителям титульных национальностей были даны политически мотивированные привилегии, например этнические квоты при поступлении в ВУЗы, приеме на работу в правительственные учреждения. Кроме того, «отсталым» народам выделялись средства на развитие этнических институтов. Побочным следствием подобной политики было неявное поощрение антирусских настроений на местах.

Ускоренное государственное национальное строительство. Советская власть создала новые этнические идентичности и присадила их населению; кроме того, для этих групп были сформированы этнические территориальные образования и проведены новые границы. В этнических регионах титульное население получало больше возможностей для карьерного роста. Особое место занимало продвижение родного языка и культуры: создавались школы на родном языке, большими тиражами печатались газеты, книги и журналы на родном языке, получала поддержку местная интеллигенция – писатели, поэты, художники, историки и т.д.

Латинизация алфавитов. Важным элементом национальной политики являлась институциональная поддержка советского правительства в создании письменности для всех народов на территории СССР, даже самых малых. Это совпало с многочисленными предложениями с мест как от лингвистов, так и от интеллектуалов (в основном представителей тюркских этнических групп) перейти на латиницу. Основными причинами были: а) стремление в очередной раз показать нерусификаторскую природу советской национальной политики и б) желание отдалить советские тюркские народы от арабского влияния. К началу 1930-х годов кампания по латинизации была завершена.

Советский Союз оказался не плавильным котлом, а инкубатором новых наций. Советская национальная политика, основанная на поощрении и продвижении этнических меньшинств, привела к появлению новых национальных идентичностей. По всему СССР этнические меньшинства получали право на создание национальных районов в сочетании с правом на управление (документооборот) на своем родном языке. Десятки национальностей

получили свою письменность. Во многих республиках были впервые основаны университеты.

Однако к середине 1930-х годов политика «позитивной дискриминации» достигла своего предела. Поощрение местного национализма привело к значительному росту антисоветских и антирусских настроений на местах. В то же время индустриализация и коллективизация показали, что русские наиболее лояльны к советскому режиму. К середине 1930-х годов Сталин начал радикальную смену национальной политики.

Период великодержавного русского национализма

Новая национальная политика подчеркивала ключевую роль русского народа на идеологическом и культурном уровне. Этот сдвиг имел несколько объяснений. Во-первых, большевики хотели сохранить и приумножить поддержку со стороны русских, которые оказались наиболее лояльной этнической группой в период коллективизации и индустриализации. Недовольство русских антимперской и антирусской кампанией, инициированной национальными меньшинствами, было одним из факторов, повлиявших на изменение национальной политики. Нападки на русскую культуру были остановлены, «прозападные» культурные ориентации запрещены. Официальная позиция теперь гласила, что прорусская культурная ориентация ни в коем случае не могла быть «отсталой» по сравнению с «западными» образцами [Martin, 2001]. Официальная пропаганда подчеркивала историческое мировое значение *русского* пролетариата, который дал всему миру Великую Октябрьскую Социалистическую Революцию [Martin 2001; Branderberger, 2000].

Во-вторых, большевики стали рассматривать русских как своего рода «этнический клей» Советского Союза. «Отсталость» народов стала синонимом предательства и ненадежности, в то время как русские стали гарантом стабильности, бескорыстными представителями империи [Баберовски, 2006, с. 190]. После резкой смены политики союзный центр начал активно поощрять переселение русских на национальные окраины, рассматривая русское население как свою базу поддержки [Brandenberger, 2000].

На политическом уровне Сталин стал проводить политику русификации. После Большого террора новые первые секретари

республиканских партийных организация оказались в большинстве своем этническими русскими. Во время Великой Отечественной войны русские вновь доказали свою лояльность по отношению к действующей власти. Когда Сталин осознал, что национальное чувство способно более эффективно мобилизовать русских на борьбу с немцами, он приказал принять меры для поощрения русского национализма. В 1944 г. отдельные народы были обвинены в сотрудничестве с немцами и насильственно депортированы в Среднюю Азию – чеченцы, ингуши, калмыки, карачаевцы, балкарцы, крымские татары и др.

Послевоенная национальная политика подчеркивала исключительный вклад русского народа в победу в войне. Продвижение политики великорусского национализма способствовало русификации в культурной и образовательной сфере. Роль русских и русского языка в образовании значительно выросла. В ряде автономных республик РСФСР – особенно православных финно-угорских народов – наметился ощутимый спад в использовании родного языка. Советское правительство уже не поощряло в той же степени развитие национальных меньшинств; все национальные языки были переведены на кириллицу.

Официальная точка зрения теперь гласила, что все лучшее в мировой истории было сделано русскими. Распространение коммунизма было приравнено к распространению русского влияния, поэтому роль русских в новом мировом порядке была неоспоримой. Соответственно, роль русской культуры, языка и литературы также не могла вызывать никаких сомнений. Политика великодержавного русского национализма была пересмотрена только после смерти Сталина.

Коренизация, или доверие местным кадрам (1956–1970)

Советская национальная политика после смерти Сталина включала в себя три элемента: антисталинизм, коренизацию и латентную русификацию. Период 1956–1970 гг. наиболее четко представлен антисталинизмом и коренизацией; в последующий период (1971–1985) коренизация была продолжена при одновременном усилении латентной русификации. На волне кампании по ревизии сталинизма, запущенной Н. Хрущевым после XX съез-

да КПСС в 1956 г., была пересмотрена и политика великодержавного русского национализма. Например, Хрущев начал подчеркивать вклад *многогранного* советского народа в победу в Великой Отечественной войне. Более того, в 1957 г. многим репрессированным народам было разрешено вернуться из ссылки на свою родную землю. Осуждение Хрущевым Большого террора означало, что новое политическое руководство отказывалось от массовых репрессий, в том числе по этническому принципу. Декларировался переход к «мирному сосуществованию» не только с остальным миром, но и внутри СССР. Миграция русских в другие союзные республики стала сокращаться.

После смещения Хрущева в 1964 г. к власти пришел Л. Брежnev, правление которого часто обозначается как «корпоратистская сделка»: в обмен на лояльность всех социальных групп правительство обеспечивало эти группы различными материальными благами [Bunce, 1983]. На уровне национальной политики стала продвигаться политика коренизации. Однако теперь коренизация имела несколько иное значение: это была уже не просто языковая политика, а политика «доверия местным кадрам». Ключевой чертой нового курса была идея продвижения представителей титульной национальности в местных партийных организациях и местных органах власти. В то же самое время местные власти брали на себя обязательство демонстрации политической лояльности и поддержки социальной стабильности на вверенных им территориях. Это была своего рода политика компромисса между требованиями центра и местной спецификой.

Хрущевский и особенно брежневский периоды были «золотым веком» развития этнических институтов в национальных регионах всего Советского Союза. Коренизация позволяла тратить много ресурсов на национальное культурное (и государственное) строительство. Появление национальных университетов, научных институтов, учреждений культуры, новых издательств, газет и журналов, расширение доступа в партийные и советские органы создавало большое количество рабочих мест для национальной интеллигенции. Однако, несмотря на достоинства политики коренизации, национальные меньшинства осознавали, что шансы сделять хорошую карьеру за пределами своих регионов у них невелики. Разочарование приводило к росту местного национализма, что стало особенно заметным с начала 1970-х годов.

Период нарастания противоречий (1971–1985)

Следующий период был отмечен усилением противоречий в национальной политике. С одной стороны, наблюдалось продолжение политики коренизации, с другой – усиление политики латентной ассимиляции и более жесткая реакция на проявление местного национализма. Примером последнего является снятие П. Шелеста с поста Первого секретаря украинской партийной организации в 1972 г. за «националистический уклон». В вину Шелесту поставили в том числе написание им книги «Україно моя, Радянська», в которой «излишнее» внимание уделялось прошлому Украины, традициям казачества, украинской культуре [см.: Бонд, 2008]. Показательна история с бывшими немцами Поволжья, в основном проживавшими в Казахстане. В 1972 г. с них были сняты последние ограничения в выборе места жительства, но в 1979 г. им было отказано в создании немецкой автономной области в составе Казахской ССР.

Борьба с проявлениями «буржуазного национализма» идеологически оправдывалась дальнейшим развитием государственного строительства в СССР – формированием советского народа. Вторая половина 1970-х годов характеризовалась обострением дискуссии о национальной политике в свете принятия новой Конституции СССР. Официальная идеология допускала наличие двух подходов при обсуждении национальной политики: а) «слияние» (всех народов в одну советскую нацию, отличную от исходных народов) и б) «сближение» (признание прочности существующих национальных идентичностей, идея «расцвета» наций) [Lapidus, 1984, р. 567]. Приоритет отдавался концепции «сближения», однако без полного отказа от «слияния» в официальном дискурсе. Сам термин «советский народ» набирал политическую и идеологическую популярность. В рамках концепции «сближения» он понимался не как новая этническая нация, а как новая политическая общность, «политический народ». Тем не менее даже в данной трактовке он вызывал определенное отторжение в республиках, особенно среди национальной интеллигенции.

Появившиеся предложения об отказе от этнофедеральной структуры СССР мотивировались несколькими аргументами. Во-первых, тем, что она изжила себя, затрудняет сближение наций. Подчеркивалось, что деление СССР на союзные республики

мешает экономическому развитию, так как создает лишние экономические барьеры внутри страны. Во-вторых, отказ от республик должен был усилить политическую интеграцию СССР. В-третьих, в результате демографических изменений в ряде союзных и автономных республик титульное население оказалось меньшинством [Lapidus, 1984, р. 567]. Эта дискуссия отражала многие проблемы, которые накопились в сфере национальной политики и национальных отношений. К основным можно отнести следующие:

1) обострение экономических противоречий между республиками, фактически вызванное начавшимся распадом брежневского корпоратизма. Когда темпы экономического роста затухают, конкуренция за ресурсы обостряется;

2) нежелательные последствия кадровой политики: с одной стороны, доминирование славянских элит на союзном уровне («стеклянный потолок» для национальных элит), с другой – этническая клановость на местном уровне, национализация республиканских органов власти;

3) изменение демографического баланса между славянскими и среднеазиатскими республиками, породившее со стороны последних требования дополнительных инвестиций в местные экономики с целью абсорбировать растущую рабочую силу;

4) активизация сторонников русского национализма под лозунгом «Русский народ – главная жертва СССР». Даже в официальной печати стали появляться статьи, посвященные эксплуатации РСФСР другими республиками.

Важной составляющей позднесоветской национальной политики была медленная ассимиляция. Об этом свидетельствуют в том числе данные советских переписей. Наиболее подверженными русификации оказались славянские, православные народы с высокой долей городского населения [Silver, 1974 а]. Еще в конце 1950-х годов советское правительство провело образовательную реформу, которая привела к существенному снижению числа школ на родном языке в автономных республиках РСФСР. Например, в 1972 г. только татары и башкиры могли учиться с 1 по 10 класс на родном языке. Во всех остальных автономных республиках РСФСР ученики могли изучать родной язык как отдельный предмет; в качестве языка обучения родной язык обычно использовался только до 4 класса [Silver, 1974]. В мае 1979 г. в Ташкенте прошла конференция «Русский язык – язык дружбы и сотрудничества

народов СССР», в ходе которой были выработаны рекомендации по существенному повышению статуса русского языка, вплоть до полного двуязычия [Salchanyk, 1982]. В 1978–1979 гг. были приняты меры по дальнейшему расширению изучения русского языка в национальных республиках, как правило, за счет местных языков. Эти решения стали причиной роста недовольства, приведшего к массовым демонстрациям [Lapidus, 1984, р. 572; Salchanyk, 1982]. Степень недовольства языковой политикой и размах протестов сильно варьировались по республикам (Прибалтика, Грузия, Белоруссия, Украина). Местное население противилось ассимиляции и старалось ей противодействовать. В росте недовольства по поводу русификации в позднесоветский период можно обнаружить корни национальных движений.

Перестройка и политическая мобилизация (1985–2000)

Спустя несколько лет после прихода к власти в 1985 г. М. Горбачев провел масштабные политические реформы, которые привели к радикальному изменению баланса власти между союзным центром и регионами. Практически везде националистические движения смогли провести своих кандидатов на выборах в республиканские Советы (1990), а в ряде случаев – установить над ними свой контроль. Практически везде националисты принимали схожие политические программы, основанные на требованиях расширения экономической и политической автономии, а также культурного возрождения своих народов. К началу 1991 г. шесть союзных республик де-факто объявили о своей независимости. После провала августовского путча 1991 г. распад СССР оказался неизбежным. В декабре 1991 г. он прекратил свое существование.

Непредвиденным итогом политики коренизации стало постепенное превращение союзных республик в квазисуверенные государства: в них были созданы все необходимые государственные институты, родной язык и своя идентичность. Когда центробежные силы на союзном уровне взяли верх, местные политические элиты оказались готовы к провозглашению своей независимости. Без контроля в виде русских партийных секретарей (а также КГБ, армии и других подобных инструментов) местные элиты осознали, что никто уже не может им помешать заявить о независимости от Москвы.

Рост национализма также происходил и в российских автономных республиках. В одних республиках национальные движения приобрели большое значение в местной политике (например, в Татарии, Башкирии, Чечне, Якутии), в других республиках их влияние оказалось ограниченным (например, в Хакасии, Карелии и Мордовии). Успех националистов объяснялся как их способностью привлекать внимание к экономическим вопросам, в том числе к сохранению рабочих мест для представителей титульной национальности [Giuliano, 2011], так и развитием этнических институтов в позднесоветский период [Gorenburg, 2001; 2003]. Двумя наиболее проблемными регионами были Татарстан и Чечня. В случае Татарстана президент Б. Ельцин смог найти мирное компромиссное решение, подписав двухстороннее соглашение о разделе полномочий. В других регионах этнические движения смогли либо достичь определенных уступок со стороны центра, либо продвинуть своих лидеров во властные структуры. Однако к концу 1990-х годов национальные движения повсеместно растеряли свою поддержку и стали играть маргинальную роль в местной политике. Когда В. Путин пришел к власти и обозначил курс на рецентрализацию российского государства, местные националисты не смогли что-либо ему противопоставить.

Резюмируя, можно сказать, что СССР сделал попытку создать этническую федерацию с равными правами для всех народов. Национализм и национальная политика были важными источниками легитимности советской власти, особенно на раннем этапе. Однако в СССР так и не удалось создать устойчивую надэтническую идентичность. Поощряя создание культурных автономий как решение национального вопроса, советские лидеры в итоге помогали становлению будущих национальных движений. Когда надэтническая – советская – идентичность исчезла, образовавшийся вакuum стал стремительно заполняться националистическими идентичностями.

Основные тренды советской национальной политики

В фокусе данной части статьи находятся три ключевых элемента национальной политики: а) административный статус, б) кадровая политика и в) культурно-языковая политика. Для управления национальностями советское руководство могло манипули-

ровать статусом территории компактного проживания этнической группы, кадровым составом руководящих органов этой территории и правом проводить политику создания этнической идентичности. На примере динамики изменений по этим трем элементам мы можем увидеть маятниковый характер советской национальной политики. Безусловно, выбранные нами элементы не являются исчерпывающими, но тем не менее они весьма показательны.

Под *административным статусом* понимается изменение формально-административного статуса этнических регионов. В СССР существовала четырехступенчатая иерархия территориальных единиц: *союзная республика (ССР)*; *автономная республика (АССР)*; *автономная область (АО)*; *национальный административный округ (НАО)*.

Большинство национальных регионов стремились повысить свой формальный статус в советской иерархии, поскольку это означало лучшие возможности как для самого региона, так и для представителей титульной национальности. Мы отобрали все союзные республики и автономные республики РСФСР (без национальных административных округов) для дальнейшего изучения (всего 35 регионов). Каждому году присваивалось свое значение по шкале от 0 до 1,1 ('0' = нет отдельного региона; '0,25' = округ в неэтническом регионе; '0,5' = национальный округ в автономной республике, автономная область; '0,75' = АССР; '1' = ССР; '1,1' = независимое государство). Следующим шагом был подсчет средних значений по выделенным шести периодам как для всего СССР, так и для АССР и ССР по отдельности (рис. 1).

На основании данного графика можно сделать несколько выводов. Во-первых, важным трендом советской национальной политики было постоянное повышение административного статуса этнических регионов. Самым благоприятным периодом для национальных меньшинств оказался период 1926–1939 гг.: в этот период их статус вырос наиболее сильно. Во-вторых, «сталинский» период, наоборот, был наиболее неблагоприятным для статуса республик: в среднем административный статус национальных республик снизился, причем график показывает, что это произошло за счет АССР. Это своего рода важное свидетельство привлекательности статуса ССР: шанс снижения статуса с этой позиции практически отсутствует. Поэтому неудивительно, что в перестройку многие АССР выдвигали лозунг повышения своего

статуса до ССР. В-третьих, с началом политики десталинизации статус национальных республик неуклонно рос; центр более на него не покушался.

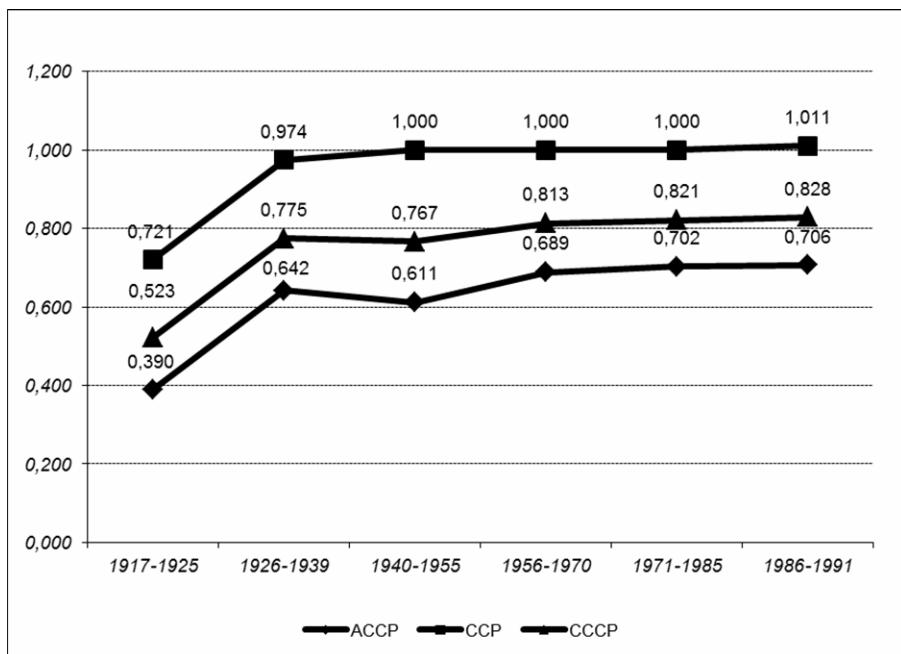

Рис. 1.
Динамика административного статуса национальных республик

Теперь рассмотрим кадровую политику в отношении национальных республик. Для этой цели мы взяли показатель национальности первых секретарей республиканских партийных организаций. Первый секретарь – главная политическая фигура в местной политической иерархии. Мы считаем, что если первый секретарь принадлежит к титульной нации, то это признак доверия к республике со стороны Москвы. Исследователи отмечают важность этого показателя, выделяя несколько моделей управления, как то: первый секретарь – титульной национальности, второй – русский, и наоборот [Miller, 1974; Grybkauskas, 2014]. Например, впервые пост главы Татарской АССР занял татарин только в 1944 г., а в

Чечено-Ингушской АССР – в 1989 г. Для каждой республики мы собрали данные по национальности первых секретарей и провели кодировку по каждому из шести периодов ('1' = все титульной национальности; '0,75' = не менее 75% титульной национальности; '0,5' = не менее 50% титульной национальности; '0,25' – хотя бы один первый секретарь был титульной национальности; '0' = все нетитульной национальности). Результаты динамики изменений неформального статуса республик представлены на рис. 2.

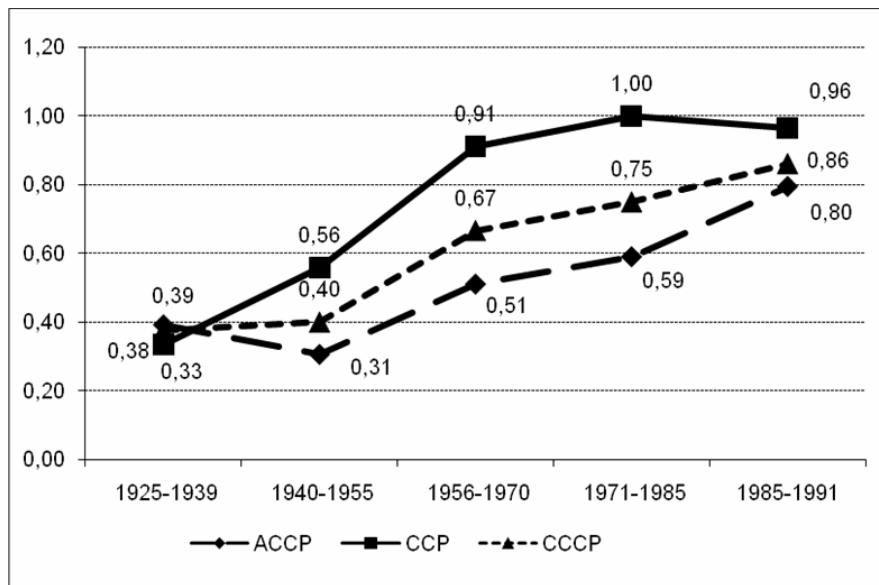

Рис. 2.
Кадровая политика в национальных республиках

Данный график позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, «неформальный статус» национальных республик также постоянно повышался. Во-вторых, статус ССР опять дает значимые преимущества: представители титульной национальности имеют больше шансов встать во главе региона, чем в случае АССР. В-третьих, ССР меньше подвержены русификации в области кадровой политики. В «сталинский» период в АССР доля титульных первых секретарей снизилась, по факту они были замене-

ны русскими. В то же время в ССР эта доля значительно возросла. В-четвертых, политика коренизации проводилась в ССР более высокими темпами, чем в АССР. Последнее означает, что потенциал для коренизации был выше в АССР, что показывает стремительный рост этого показателя в период перестройки.

Третьим элементом советской национальной политики, который мы рассмотрим, является культурно-языковая политика, имеющая множество аспектов, в том числе ассимиляцию (русификацию) [см., напр.: Алпатов 2000]. Американские социологи Б. Андерсон и Б. Сильвер, изучая результаты советских переписей, делали выводы о темпах и направлении демографических изменений в СССР, в частности ассимиляции [Anderson, Silver, 1984; 1989; 1990]. Эти же исследователи рассматривали языковую политику в области образования, сравнивая ее в зависимости от статуса республик. Для оценки данной политики мы выбрали такие показатели, как печать книг и периодики на родном языке, использование родного языка при обучении в школах в национальных республиках за период 1934–1980 гг. [Anderson, Silver, 1984]. Все эти показатели напрямую относятся к сфере формирования этнической идентичности: чтение и печать на родном языке исключительно важны в конструктивистской парадигме национализма [Андерсон, 2001; Геллнер, 1991]. Полученные данные представлены на рис. 3–5. Более того, важный косвенный эффект от культурно-языковой политики заключается в том, что она способствует аккумуляции латентного культурного национализма [Shcherbak, 2015]. Чем активнее проводится культурно-языковая политика, тем больше создается возможностей для трудоустройства (соответственно, и роста численности) национальной интеллигенции. Исследователи отмечали, что национальная интеллигенция играет важнейшую роль в основании национальных движений [Hroch, 2000; Gorenburg, 2001], именно она становится ядром национальных движений периода перестройки [Дерлугьян, 2010].

На рис. 3 по вертикальной оси отображен год обучения в школе, до которого было зафиксировано использование учебников на родном языке как языка обучения.

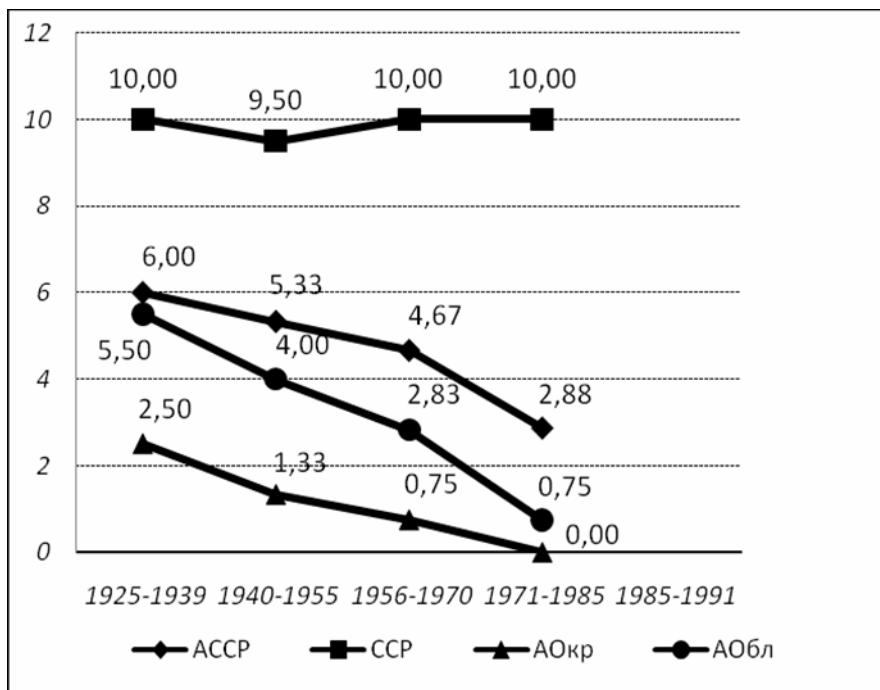

Рис. 3.

Использование родного языка как языка обучения в зависимости от административного статуса

Источник: [Anderson, Silver, 1984].

Данный график показывает, что формальный статус играл большую роль в языковой политике. Во-первых, преподавание в школах на родном языке постоянно сокращалось во всех национальных регионах, кроме союзных республик. Во-вторых, снижение преподавания на родном языке в «сталинский» период не было компенсировано впоследствии. Наоборот, все этнические регионы, кроме союзных республик, еще в большей степени были лишены права использовать родной язык в качестве языка обучения, особенно перед перестройкой.

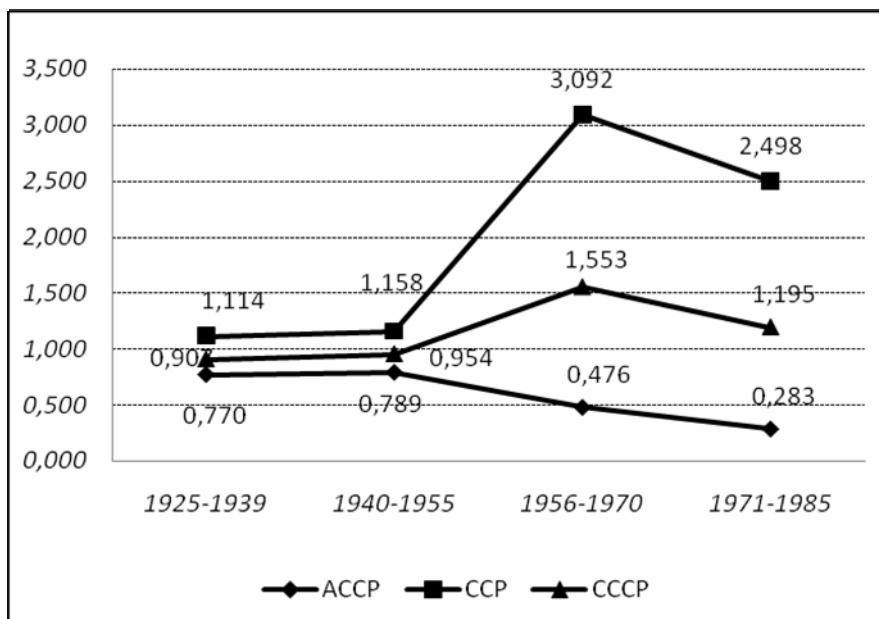

Рис. 4.

Тираж книг на родном языке, на душу населения

Источник: [Народное хозяйство СССР... 1986; Народное хозяйство РСФСР... 1987].

На следующем рисунке показана динамика тиража книг на родном языке по союзным республикам, автономным республикам РСФСР и СССР в целом. В относительных цифрах тиражи имели тенденцию к росту вплоть до 1970-х годов, после чего наблюдается их спад, причем по всем категориям республик.

График динамики тиражей газет и журналов на родном языке показывает примерно такую же картину. Тиражи росли до 1970-х годов, затем началась стагнация: небольшое падение в союзных республиках и некоторый рост в автономных.

В целом эти данные показывают, что политика коренизации на уровне автономных республик (и ниже) не сопровождалась в полной мере возрождением национальных культур. Периоды роста сменялись периодами спада: 1940–1955 гг. (обучение на родном языке) и 1971–1985 гг. (печать книг и периодики). Союзные власти делали ставку на медленную, но неуклонную ассимиляцию.

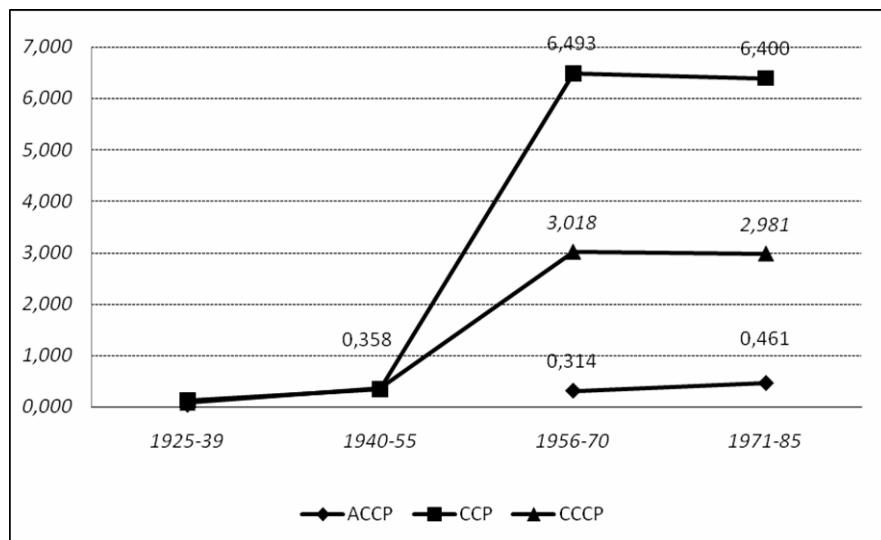

Рис. 5.

Тираж книг и журналов на родном языке, на душу населения

Источник: [Народное хозяйство СССР... 1986; Народное хозяйство РСФСР... 1987].

Хотя данные аспекты не отражают всего многообразия культурно-языковой политики советского руководства, мы считаем, что сокращение использования родного языка в культурной и образовательной сфере демонстрирует одну из «жестких» линий в советской национальной политике. Итог эмпирического анализа мы подводим в табл. 1.

Таблица 1
Элементы и этапы советской национальной политики

	1925–1939	1940–1955	1956–1970	1970–1985	1986–1991
Административный статус	+	–	+	+	+
Кадровая политика	+	–	+	+	+
Культурно-языковая политика	+	+	+	–	+

Примечание: «+» обозначает рост показателя по сравнению с прошлым периодом; «–» – спад.

Совместный анализ всех трех выбранных элементов позволяет предположить наличие чередующихся «мягких» и «жестких» волн в советской национальной политике. Периоды роста – повышение статуса республик, увеличение доли руководителей титульной нации и развитие культурно-языковой политики – чередовались периодами спада, когда республики расформировывались и делалась ставка на политическую и языковую русификацию (табл. 2).

Таблица 2
«Маятник» советской национальной политики

Тип волны	1925–1939 гг.	1940–1955 гг.	1956–1970 гг.	1970–1985 гг.	1986–1991 гг.
Суть политики	Мягкая	Жесткая	Мягкая	Малая жесткая	Мягкая

Как видно из табл. 2, советскую национальную политику можно описать с использованием метафоры маятника: чередование «мягких» и «жестких» волн свидетельствует о том, что ее постоянно бросало из стороны в сторону. Советское правительство пыталось найти «золотую середину» – баланс политических интересов национального большинства и национальных меньшинств – и не смогло. В итоге колебания маятника стали одной из причин массовой политической мобилизации в СССР в период перестройки, этнического насилия и, наконец, распада СССР.

Другой важной чертой советской национальной политики была довольно высокая степень ее реактивности. Политический курс в отношении национальностей являлся второстепенным по отношению к другим политикам (например, экономического развития, безопасности, внешней политики). Во многом эта политика была реакцией либо на другие факторы, либо на результаты (порой неожиданные) предшествующих периодов. Политическая мобилизация

зация в Гражданскую войну привела к принятию «ленинского» компромисса: гибкой этнофедеральной структуры с учетом пожеланий десятков национальностей, но одновременно с появлением жесткой однопартийной политической системы. Сталинскую политику можно отчасти объяснить как реакцию на чрезмерную гибкость этой системы, которая не вписывалась в планы форсированного строительства социализма в отдельно взятой стране. Национальные интересы должны были быть принесены в жертву союзным, на политическом уровне это сопровождалось усилением роли национального большинства – русских. В свою очередь, антисталинизм и политику коренизации можно считать реакцией на сталинский жесткий курс, сопровождавшийся массовыми репрессиями и депортациями целых народов. Инкорпорирование национальных элит в советскую систему приводило к медленному обособлению национальных республик от союзного центра и появлению квазисуверенных квазигосударств. Реакцией на этот процесс стала «малая жесткая» волна 1970-х годов, которая выразилась в попытке форсировать русификацию и начать дискуссию об изменении этнофедеральной структуры СССР. В этом ключе стоит понимать появление национальных движений в период Перестройки – как реакцию на «малую жесткую» волну. В почти сформировавшихся нациях попытки ассимиляции могли вызвать только резко отрицательную реакцию против «имперского» центра.

Возможно, реактивность как черта национальной политики была следствием идеологической установки о решении «национального вопроса» при социализме. Вера в безусловный приоритет классовой идентичности привела к доминированию не совсем корректных установок о характере межнациональных отношений и целей желаемой национальной политики.

* * *

Выбранные элементы для изучения – административный статус, кадровая политика и культурно-языковая политика – хотя и не исчерпывают всего репертуара национальной политики, но тем не менее дают представление о динамике изменений в этой сфере. Колебания маятника не привели к нахождению точки равновесия между интересами большинства и меньшинств.

Уроки советской национальной политики оказались практически забыты в современной России. Изменение национальной структуры – русских в Российской Федерации стало примерно 80% (вместо примерно 52% в СССР в конце 1980-х годов) – ненамного смягчило остроту межнациональных отношений в России. С 1990-х годов национальная политика оказалась практически полностью заменена региональной / федеративной политикой, которая ставила во главу угла отношения центра и регионов. Обострение проблем национализма – от миграции до религиозного фундаментализма – требует поиска новых решений. Ревизия советского наследия в этой сфере, хотя бы на уровне целеполагания и инструментария, способна дать представление о возможных курсах и их приблизительных последствиях.

Список литературы

- Алпатов В.М. 150 языков и политика, 1917–2000: Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. – М.: КРАФТ, 2000. – 224 с.
- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: Канон-пресс-Ц, 2001. – 288 с.
- Геллер Э. Нации и национализм. – М.: Прогресс, 1991. – 126 с.
- Дерлугьян Г.М. Адепт Бурдье на Кавказе. Эскизы к биографии в миросистемной перспективе. – М.: ИД «Территория будущего», 2010. – 560 с.
- Баберовски Й. Сталинизм и нация: Советский Союз как многонациональное государство, 1917–1953 // Ab Imperio. – Казань, 2006. – № 1. – С. 177–196.
- Бонд П. Украинец или 14 февраля 2008 года исполняется 100 лет со дня рождения Петра Шелеста, 1908–1996 гг., первый секретарь ЦК КПУ (1963–1972 гг.) // Общественно-политический еженедельник «Вечерний Луганск». – Луганск, 2008. – 5 марта. – Режим доступа: <http://nl.irtafax.com.ua/2008-03-05-41.html> (Дата обращения: 13.10.2015.)
- Гельман В. От «бесформенного плюрализма» – к «доминирующей власти»? Трансформация российской партийной системы // Общественные науки и современность. – М., 2006. – № 1. – С. 46–58.
- Народное хозяйство СССР в 1985 году: Статистический ежегодник / ЦСУ СССР. – М.: Финансы и статистика, 1986. – 655 с.
- Народное хозяйство РСФСР за 70 лет: Статистический ежегодник / Госкомстат РСФСР. – М.: Финансы и статистика, 1986. – 471 с.
- Anderson B., Silver B. Equality, efficiency, and politics in Soviet bilingual education policy, 1934–1980 // American political science review. – Cambridge, 1984. – Vol. 78, N 4. – P. 1019–1039.

- Brandenberger D.* Proletarian internationalism, Soviet patriotism, and the rise of Russo-centric etatism during the Stalinist 1930s // *Left history*. – N.Y., 2000. – Vol. 6, N 2. – P. 80–100.
- Bunce V.* The political economy of the Brezhnev era: The rise and fall of corporatism // *British journal of political science*. – N.Y., 1983. – Vol. 13, N 2. – P. 129–158.
- Gorenburg D.* Nationalism for masses: Popular support for nationalism in Russia's ethnic republics // *Europe-Asia studies*. – Glasgow, 2001. – Vol. 53, N 1. – P. 73–104.
- Gorenburg D.* Minority ethnic mobilization in the Russian Federation. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2003. – 287 p.
- Grybkauskas S.* Imperializing the Soviet federation?: The institution of the second secretary in the Soviet Republics // *Ab Imperio*. – Kazan, 2014. – Vol. 3. – P. 267–292.
- Guiliano E.* Constructing grievances. Ethnic nationalism in Russia's republics. – L.: Cornell univ. press, 2011. – 248 p.
- Hroch M.* Social preconditions of national revival in Europe: A comparative analysis of the social composition of patriotic groups among the smaller European nations. – N.Y.: Columbia univ. press, 2000. – 220 p.
- Lapidus G.* Ethnonationalism and political stability: The Soviet case // *World politics*. – Baltimore, MD, 1984. – Vol. 36, N 4. – P. 555–580.
- Martin T.* The affirmative action empire: Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. – N.Y.: Cornell univ. press, 2001. – 496 p.
- Miller J.* Cadres policy in nationalities areas. Recruitment of CPSU First and Second secretaries in non-Russian republics of the USSR // *Soviet studies*. – Oxford, 1977. – Vol. 29, N 1. – P. 3–36.
- Silver B.* The status of national minority languages in Soviet education: An assessment of recent changes // *Soviet studies*. – Oxford, 1974. – Vol. 26, N 1. – P. 28–40.
- Silver B.* Social mobilization and the russification of Soviet nationalities // *The American political science review*. – N.Y., 1974. – Vol. 68, N 1. – P. 45–66.
- Solchanyk R.* Russian language and Soviet politics // *Soviet studies*. – Oxford, 1982. – Vol. 34, N 1. – P. 23–42.
- Shcherbak A.* Nationalism in the USSR: A historical and comparative perspective // *Nationalities papers: The journal of nationalism and ethnicity*. – Carleston, Ill., 2015. – Vol. 43, N 6. – P. 866–885.

РАКУРС: ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО РАЗДЕЛЕННЫХ ОБЩЕСТВ

С.М. ХЕНКИН*

«БАСКСКАЯ ПРОБЛЕМА» КАК ФАКТОР РАЗОБЩЕНИЯ ИСПАНСКОЙ ПОЛИТИИ

Аннотация. В статье исследуются истоки, характер и основные участники «баскской проблемы» – противостояния радикальных националистов Страны Басков и другой, умеренно настроенной части ее социума испанскому государству по вопросу о политico-территориальном размежевании. Отдельно изучается положение в Стране Басков после прекращения активной деятельности ЭТА. Констатируется, что хотя «баскская проблема» лишилась террористической составляющей, она по-прежнему разобщает и баскское, и испанское общество.

Ключевые слова: Испания; Страна Басков; сепаратизм; самоопределение; Баскская националистическая партия; терроризм ЭТА.

S.M. Khenkin

The «Basque problem» as a factor of disunity in the Spanish polity

Abstract. The article analyses the origins, nature, and main participants of the «Basque problem» – the Basque Country radical nationalists and moderates' confrontation with the Spanish government about the country's political and territorial structure. The focus is on the state of affairs in the Basque Country after the termination of ETA's

*Хенкин Сергей Маркович, доктор исторических наук, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник ИИОН РАН, e-mail: sergkhenkin@mail.ru

Khenkin Sergey, Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: sergkhenkin@mail.ru

militant activity. It is stated that though the Basque problem has lost its terroristic component, it still separates both the Basque and the Spanish societies.

Keywords: Spain; the Basque Country; separatism; self-determination; the Basque Nationalist party; ETA's terrorism.

Страна Басков в политическом отношении считается одним из самых беспокойных регионов Испании. Это отражает и научный дискурс, где утверждалось понятие «баскская проблема» («баскский конфликт»), в которой можно выделить три грани:

– деятельность террористической, радикально-националистической организации ЭТА, более полувека (образована в 1959 г.) борющейся за отделение этой автономной области от Испании;

– борьбу другой части баскских националистов, добивающихся независимости от Мадрида или установления конфедеративных отношений с ним мирным путем;

– раскол в самом баскском обществе по вопросу отделения от Испании.

«Баскская проблема» представляет собой интересный случай для изучения политической организации и политической практики государств, в которых отношения между центральной властью и отдельными регионами, а также ситуация в самих этих регионах воспроизводят сепаратистские тенденции.

«Баскская проблема»: Мифы и реалии

Баскский сепаратизм имеет глубокие исторические корни и связан с культурно-лингвистическим своеобразием баскских провинций, простирающихся вдоль Бискайского залива и охватывающих территорию по обе стороны Пиренеев¹.

До сих пор не прекращаются споры о том, кто такие баски. Одни исследователи считают их потомками смешанного племени кельтов и иберов, другие находят родство басков и грузин. От остальных народов, населяющих Испанию, баски отличаются харак-

¹ В Испании баски живут в провинциях Гипускоа, Бискайя, Алава, Наварра, во Франции – на территориях Нижняя Наварра, Суль и Лабур. Население баскских провинций насчитывает около 3 млн жителей, из которых примерно три четверти проживают в испанской части.

тером, нравами и обычаями. У них своя устная литература, свой музыкальный фольклор, свои праздники и игры, своя кухня. Со временем римского завоевания (конец III в. до н.э. – начало V в. н.э.), когда племена, населявшие Испанию, подверглись глубокой романизации, баски, проживавшие обособленно в горных районах, в отдалении от крупных торговых путей, сохранили свой самобытный и загадочный язык, эускера. Этот язык, считающийся единственным доиндоевропейским языком, существующим в современной Европе, в давнюю пору стал важнейшим элементом национальной самоидентификации басков [Tovar Llorente, 1980, р. 30].

Принципиально важно уточнить, кого автор статьи понимает под «басками». В отечественной традиции «национальность» («этнос») принято считать этнокультурным образованием, основанным на общем генетическом происхождении его членов. Национальность же «по-испански» – это своеобразный биофизический симбиоз определенной территории и ее населения, это группы населения, объединенные длительным проживанием на какой-то территории, имеющие общие интересы и готовые их отстаивать. Исторически сложилось так, что для испанцев национальность отождествляется с регионом [Кожановский, 2007, с. 210]. Исходя из сказанного понятно, почему многие люди называют себя «басками», хотя их родители не уроженцы Страны Басков, а сами они не знают баскского языка.

С XIII в. у басков существовал специфический режим политico-административного самоуправления. В ведении местных властей находились сбор налогов, таможенная политика. Военная служба басков проходила лишь на территории своей провинции. Их права и обязанности фиксировались так называемыми форальными правами (от понятия «фуэрос» – совокупность льгот, привилегий и обязанностей), во многом определявших взаимоотношения между центром и Страной Басков. Испанские короли, обладавшие огромными полномочиями, приносили клятву верности фуэрос. Этот символический жест служил подтверждением верховенства фуэрос над королевской властью. Фуэрос, выступая в качестве символа национальной самобытности, не означали отказа от норм общеиспанского законодательства, действовавших во многих сферах жизни наряду с форальными правами.

Фуэрос декларировали, в числе прочего, принцип юридического равенства басков. В XV–XVI вв. всем уроженцам баскских

провинций был присвоен благородный статус идальго. С XVI в. местные историки и хронисты изображали басков как предшественников испанцев на Пиренейском полуострове, «исключительный», «богоизбранный» народ, земли которого с древних времен обладают суверенитетом, отличаются демократическим устройством и всеобщим равенством. На протяжении столетий баски с малых лет впитывали иррациональную этническую мифологию собственной исключительности [Согсюера Атиенса, 1980, р. 14].

Между тем факты свидетельствуют о том, что баски, хотя и обладали широкой автономией, никогда не имели единой и устойчивой государственности. Крайне существенно и то, что формально-юридическое равенство басков отнюдь не исключало существования в их среде эксплуатации, социального неравенства, дискриминации. На практике форальная система была олигархической, власть концентрировалась в руках узкого слоя местной знати. До последней четверти XIX в. баскское общество сохраняло аграрный, консервативно-традиционистский характер и отличалось высокой степенью религиозности (баски долгое время считались одним из самых религиозных народов в Европе).

В XIX в. сохранение фуэрос стало ключевой проблемой во взаимоотношениях между центром и баскскими провинциями. В 1876 г. форальные вольности были отменены. На смену фуэрос пришли экономические соглашения (*conciertos económicos*), предусматривавшие, в частности, сохранение за местными властями определенной самостоятельности в распоряжении налогами. Новая формула отношений с центром, кстати, существующая по сей день, в немалой степени поддерживала баскскую исключительность [Euscadi... 2004, р. 82–83].

Тем не менее в баскских провинциях «верхи» и «низы» расценили отмену фуэрос как сильный удар по традициям и вековым устоям своего уклада жизни. Так появилась «баскская проблема», начал формироваться баскский национализм, идеологом которого стал Сабино Арана (1865–1903). В основу его доктрины легла форальная мифология, поэтому баскский этнический национализм возник не в традиционной для Европы лингвистической разновидности, а в расовом, биологическом варианте. Он требовал полной независимости баскских земель путем создания конфедерации четырех испанских и трех французских провинций. Новое государ-

ство должно было быть теократическим и полностью следовать доктрине католической церкви [Documentos... 1998, p. 33].

Сабино Арана и его брат Луис разработали национальную символику, ввели национальные праздники и название своей родины – Эускади. В 1895 г. они основали Баскскую националистическую партию (БНП) – правоцентристскую организацию христианско-демократической ориентации, превратившуюся в ведущую националистическую силу в Стране Басков.

В 1902 г. Арана признал неосуществимость идеи независимости баскских провинций и высказался за создание их лиги в составе Испании, однако скорая гибель прервала его «испанистскую эволюцию». В среде его последователей произошел возврат к сепаратистской ортодоксии «Учителя», которая наряду с форальными мифами об исключительности басков была признана классикой баскской националистической мысли. Идейное наследие Араны, таким образом, отличается двойственностью: сочетание радикально-сепаратистских устремлений с последующей «испанистской эволюцией» наложило огромный отпечаток на все последующее развитие баскского национализма.

В первые десятилетия XX в. идеология и политика БНП существенно смягчились: понятие «раса» перестало отождествляться с чистотой крови и этнической исключительностью басков, а стало связываться с их самобытностью, языком и культурой. Акценты были смешены с достижения независимости Эускади на проблемы возрождения баскской нации, на смену теократическим идеям пришли социально-христианские постулаты [Documentos... 1998, p. 61]. В политических вопросах БНП не вступала в конфронтацию с центром, предпочитая достижение компромиссов, хотя двойственность программно-идеологических установок сохранялась.

В октябре 1936 г., уже после начала гражданской войны, баскские провинции Бискайя, Гипускоа и Алава получили автономию. Кортесы одобрили проект баскского автономного статута, в соответствии с которым было сформировано баскское правительство, обладавшее значительной самостоятельностью в финансовых, социальных и культурных вопросах. Однако в июне 1937 г. под нацистским превосходящим сил франкистов баскское сопротивление было сломлено, а автономный статут, не просуществовав и года, упразднен.

Отношение к Бискайе и Гипускоа, которые воевали на стороне республики (Алава находилась под контролем правых карлистов, поддержавших Франко), основывалось на беспрецедентном в юридической практике декрете (от 23 июня 1937 г.), объявившем их «провинциями-предателями». Эти две провинции Испании рассматривались как враждебные территории [Perez-Agote, 1984, р. 79]. 26 апреля 1937 г. с лица земли была стерта Герника – баскская святыня, на протяжении веков считавшаяся символом национальных свобод.

Оккупировав Страну Басков, франкисты, взявшие курс на создание унитарного государства, отменили ее автономию, распустили партии, профсоюзные и культурные организации (баскское автономное правительство эмигрировало сначала в Барселону, а в феврале 1939 г. – во Францию). Сотни басков были арестованы и расстреляны, многие покинули страну. Баскский язык был запрещен. Делопроизводство и обучение велись лишь на испанском. Населению запрещалось называть баскскими именами своих детей, распевать баскские песни, вывешивать «икуруринью» – баскский флаг.

Однако если в культурной и политической сферах баски подвергались жестокой дискриминации, то в экономическом плане населенные ими провинции были одними из самых процветающих в Испании. В начале 1950-х годов здесь начался промышленный подъем, продолжавшийся на протяжении всего франкистского периода и во многом связанный с экономическими преимуществами, которые предоставлял режим баскской промышленной элиты. Уровень доходов населения здесь заметно превышал среднеиспанские показатели [Heiberg, 1989, р. 94].

В годы демократии централизованное франкистское государство было преобразовано в Государство автономий, ставшее одним из самых децентрализованных государств в мире. Но Испания не превратилась в федерацию, оставшись унитарным государством. Государство автономий исходит из принципа единства и неделимости суверенитета испанской нации, в рамках которого имеют место признание автономий и уступка им части компетенции государства, в то время как федерализм основывается на признании делимости суверенитета и распределении его между федерацией в целом и ее субъектами [Хенкин, 2005, с. 180].

Для Государства автономий характерна асимметрия и юридическая, и фактическая. Страна Басков, ставшая одной из 17 автономных областей Испании и включающая Алаву, Бискайю и Гипускоа, получила широкую автономию. Конституция 1978 г. и конкретизирующий ее положения Статут автономии¹ учитывают исторические особенности взаимоотношения Страны Басков с центром и вместе с тем предоставляют ей такой объем прав и свобод, которого она никогда не имела в своей истории. У нее есть собственный парламент, полиция, радио, два телеканала, двухязычная система образования, своя налоговая система.

Однако предоставленные Стране Басков права и свободы отнюдь не охладили пыл радикальных националистов. Они претендуют на независимость и конструируют баскскую идентичность, манипулируя реальными элементами культурного своеобразия региона. В числе мифов, внедряемых в массовое сознание, находятся и попранные еще в результате отмены фуэрос в 1876 г. права баскского народа, и экономическое угнетение Страны Басков, и «поддержка мировым сообществом права народов на самоопределение», которое на самом деле, согласно нормам международного права, безоговорочно признается только за бывшими колониальными и оккупированными странами. Идеологическая и пропагандистская деятельность такого рода весьма эффективна.

В годы демократии ситуация в Стране Басков принципиально отличалась от положения в Испании в целом. Если на испанской арене между основными политическими силами сформировался консенсус по фундаментальным проблемам жизнедеятельности государства, то в Стране Басков его не было. Здесь представлены несколько крупных течений: радикальные националисты, стремящиеся добиться независимости провинций, населенных басками, путем вооруженной борьбы; националисты, поддерживающие их отделение от Испании, но мирным путем; умеренные националисты, соглашающиеся на широкую автономию Страны Басков в составе Испании; ненационалистические силы, ориентирующиеся на общеиспанские организации и законодательство.

Примечательно, что фрагментированность баскской политики парадоксальным образом сочетается с коллективным самоощуще-

¹ Статут автономии называют также Статутом Герники – по месту принятия в 1979 г.

нием «баскской особости». Уже упоминавшиеся экономические соглашения – для басков не просто формула «налоговых отношений» с центром. Они, как когда-то фуэрос, – символ «специфических отношений» с Испанией. Баски, придерживающиеся самых разных политических ориентаций, практически единодушны в поддержке экономических соглашений, своего рода «зоны вне критики». Чувство «баскской особости» связано с преданностью своему региону, малой «баскской родине».

Многие жители автономии, прежде всего представители националистического лагеря, требуют большей, чем есть сегодня, степени самоуправления, считая ее историческим правом басков. Националисты настаивают, ссылаясь на международные нормы, на том, чтобы в конституцию Испании было внесено положение о праве автономных областей на самоопределение. Большинство их при этом вовсе не собираются отделяться. Их логику выразил один баскский политик: «Я не хочу разводиться со своей женой, с которой прожил всю жизнь. Но и не желаю, чтобы закон не признавал за мной права на развод» [Кобо, 2000]. В 1978 г., когда принималась современная конституция, ни одна партия на таком праве не настаивала, опасаясь, что возможность распада «единой и неделимой Испании» спровоцирует армию, в которой было много консервативно настроенных офицеров, на переворот. Сейчас ситуация в армии изменилась, но правящая Народная партия отказывается рассматривать вопрос о признании за басками права на самоопределение, заявляя, что конституция Испании неприкосновенна. Точно так же правящий класс Испании отказывается внести в законодательные акты бесспорное для националистов положение, что «Страна Басков и баски – это нация» (вместо нынешнего термина «национальность»).

ЭТА и ее союзники против государства

На протяжении нескольких десятилетий главной угрозой безопасности Испании была террористическая группировка ЭТА (Эускади Та Аскатасуна – Страна Басков и свобода). Первоначально определявшая себя как «патриотическая и демократическая организация», ЭТА постепенно открылась левым революционным теориям, взяла на вооружение марксистские идеи. Борьба за на-

циональное и социальное освобождение баскских провинций признавалась составной частью международной пролетарской революции. При всем этом «неверно, что ЭТА была организацией, боровшейся в годы франкизма за демократические свободы. С самого начала ее целью было создание независимого баскского государства», – подчеркивают испанские авторы [Euscadi... 2004, р. 170]. Примечательно, однако, что в общественном мнении она в первую очередь воспринималась как борец с диктатурой.

После крушения франкистской диктатуры, когда Стране Басков была предоставлена широкая автономия, боевики ЭТА не сложили оружие. «Военная» фракция ЭТА считала своим врагом испанское государство независимо от существующего в нем политического режима, поскольку оно «превратило Страну Басков в свою колонию». В идеологической ориентации радикального национализма в годы демократии по-прежнему присутствовали социальная компонента и задача построения «социалистической Страны Басков», однако политические идеалы членов ЭТА были смутными и расплывчатыми. По словам бывшего боевика, социалистический идеал ЭТА в разное время воплощался и в югославском самоуправлении, и в марксизме-ленинизме, и в маоизме, и в израильских кибуцах, и в никарагуанской модели нового общества после победы сандинистской революции. Единственно устойчивой в идеино-политических установках этаровцев была идея террора. «Насилие было своего рода белым экраном, на который каждый мог проецировать свои иллюзии» [Onaindia, 2000, р. 210–211].

В борьбе ЭТА с испанским государством можно выделить четыре этапа. На первом (с 1968 г. – именно тогда началась террористическая активность ЭТА – по 1978 г.) этаровцы взяли курс на развертывание революционного движения против франкизма, а затем зарождавшейся демократии, действуя по схеме «акция – репрессия – акция». Предполагалось, что теракты и ответные репрессии в итоге приведут к революции. Второй этап (1978–1998) террористы определяли как «войну на истощение». Убийства осуществлялись, чтобы заставить власть удовлетворять предъявляемые требования. Третий этап (1998–2003) начался после осознания террористами поражения в «войне на истощение». Однако вместо самороспуска они разыграли последнюю карту – наладили сотрудничество с умеренными националистами из БНП. Единый фронт радикальных и умеренных националистов должен был, по мнению

этаровцев, значительно усилить потенциал давления на испанские власти и увеличить шансы на успех. После начавшегося в 2000 г. охлаждения в отношениях с БНП в деятельности боевиков наступил завершающий четвертый этап, когда организация осталась без четкой программы действий.

На счету ЭТА свыше 830 убитых, примерно 2 тыс. раненых и десятки похищенных. К этому следует добавить целые семьи, вынужденные покинуть Страну Басков, предпринимателей и торговцев, выплачивающих «революционный налог», и множество людей, получающих угрозы от террористов, – политиков, журналистов, судей, профессоров [Sanchez-Cuenca, 2001, р. 9]. Из организации, мужественно боровшейся против франкистской диктатуры и овеянной ореолом романтики в глазах миллионов испанцев, ЭТА выродилась в секту фанатиков.

Надежным союзником ЭТА стала ее молодежная организация Харраи (позже переименована в Сеги), которая «раскачивала» Страну Басков посредством «терроризма малой интенсивности» (по полицейской терминологии), не сопровождавшегося человеческими жертвами, но вызывавшего огромное напряжение здесь и в соседних регионах (так называемая уличная борьба – по-баскски *kale borroka*). Сочетание убийств с постоянными актами вандализма должно было создать кризисную ситуацию и заставить государство «уйти из Страны Басков» [Sanchez-Cuenca, 2001, р. 182].

ЭТА постоянно оправдывала свои террористические действия тем, что в Испании отсутствует подлинная демократия. При общей неправомерности такого утверждения, в одном этаровцы, по мнению ряда экспертов, были недалеки от истины: в силовых структурах Испании – многочисленных видах полиции, гражданской гвардии, спецслужб, унаследованных от Франко, долгое время не было основательной чистки, глубинной демократизации. Деятели силовых структур пренебрегали необходимостью политических методов борьбы против террористов, отдавая предпочтение продолжению войны с ЭТА.

Такая позиция делала их незаменимыми, позволяя требовать от государства увеличения средств, более быстрого продвижения по службе. В развитие этой стратегии в начале 1980-х годов были созданы так называемые антитеррористические освободительные группы, применявшие противозаконные методы и находившиеся вне контроля правоохранительных органов. Эффект их деятельно-

сти был обратным: этаровцы выступили в роли жертв, и их поддержка в обществе возросла.

Вступая время от времени в контакт с властями, ЭТА не думала о действительных переговорах, означающих достижение компромисса. Боевики сорвали три крупные попытки властей урегулировать конфликт посредством переговоров (1989, 1998–1999, 2006 гг.). Стороны стремились к разным целям: власть – к разоружению ЭТА, террористы – к уступкам Мадрида по части создания независимого баскского государства. На основе взаимоисключающих платформ достичь соглашения было невозможно.

ЭТА всегда придавала большое значение тому, чтобы вызвать сочувствие и поддержку за рубежом, донести до международных организаций, зарубежного общественного мнения идею законности своих действий, якобы представляющих собой реакцию на репрессии со стороны испанского и французского государства. Члены ЭТА прекрасно понимали, что недостаточно осведомленных в тонкостях баскской политики людей можно обратить в союзников. Примечательно, что в Европарламенте существует Группа друзей Страны Басков, в которую входят 14 депутатов, в своем большинстве представляющих националистические партии [Pons... 2015].

Вокруг ЭТА сплотился лагерь радикальных баскских националистов – «левых баскских патриотов», как они сами себя называют. Речь идет о так называемом Движении за национальное освобождение басков – полулегальной сетевой структуре, включающей ряд общественных и профсоюзных ассоциаций и групп, а также СМИ и местных радиостанций, центров обучения баскскому языку. Со временем франкизма радикально настроенные националисты видели в ЭТА единственную силу, защищающую их от произвола государства и способную привести к освобождению от «испанского ига».

Политические интересы ЭТА представляла партия Эрри Батасуна (ЭБ) (с 1997 г. Эускал Эрритарок, с 2001 г. Батасуна). Собирая в первое двадцатилетие демократического развития Испании от 13 до 19% голосов избирателей, она превратилась в одну из ведущих политических сил в Стране Басков. Не считая политическую систему Испании легитимной, ЭБ тем не менее участвовала в выборах в центральные и местные органы власти. Участие в выборах использовалось ею для разоблачения «незаконности существующей системы». Кроме того, голоса, полученные этой партией,

равно как и организовавшиеся ю демонстрации сторонников, должны были оправдать «легитимность» террористической практики ЭТА.

Примечательно, что руководство ЭТА запретило партии направлять победивших на выборах депутатов в испанский и баскский парламенты: эти места оставались вакантными. ЭБ работала лишь в муниципалитетах. Представители «левых баскских патриотов» десятилетиями либо контролировали деятельность немалого числа муниципалитетов, либо участвовали в их работе совместно с другими партиями. ЭТА и «левые баскские патриоты» считали эти муниципалитеты своими опорными пунктами, «освобожденными районами». Этаровцы, выпущенные из тюрем, находили здесь работу.

Политическая цель Эрри Батасуны – создание гомогенного государства-нации. Она ориентируется на коммунитарную модель демократии, ставящую во главу угла не отдельного индивида, а баскское сообщество в целом. Для деятелей ЭБ «права и свободы баскского народа важнее прав и свобод отдельных басков», а «отличия баскского народа от остальных важнее различий между самими басками». Программа ЭБ выглядела весьма эклектично: антикапиталистическая фразеология сочеталась в ней с претензией на представительство всех слоев баскского общества [Morenodel Rio, 2000, p. 244].

В 2003 г. Батасуна была запрещена. Однако и потеряв легальный статус, она при поддержке баскских националистов во властных структурах продолжала действовать легально на политической сцене региона и участвовать в выборах под другими названиями – Коммунистическая партия баскских земель, Баскское националистическое движение, «Демократия трех миллионов», Аскатасуна [Benegas, 2005, p. 205]. Позже в разное время эти партии либо были запрещены Верховным судом Испании, либо им было отказано в праве участвовать в выборах.

В целом, однако, отношение испанских властей к радикально-националистическим организациям не отличалось последовательностью. Характерный пример – легализация в апреле 2011 г. коалиции Бильду, входящей в лагерь «левых баскских патриотов» и выступающей за независимость Страны Басков. В преддверии муниципальных выборов, состоявшихся в автономии в мае 2011 г., в политическом мире Испании развернулась острая борьба по вопросу об участии в них Бильду. Первоначально испанское прави-

тельство опротестовало в Верховном суде ее предвыборные списки, основываясь на материалах полиции о связях десятков ее членов с ЭТА и Батасуной. 1 мая Верховный суд, рассмотрев протест правительства, запретил Бильду участвовать в выборах. Однако пять дней спустя вышестоящий Конституционный суд с перевесом в один голос признал возможным включение в избирательные списки кандидатов Бильду [El Constitucional... 2011, р. 15].

Баскская националистическая партия: «Рассчитанная двусмысленность»

Лагерь баскского национализма не ограничивается ЭТА и ее окружением. С конца XIX в. огромное влияние на положение дел в регионе оказывает доминирующая здесь Баскская националистическая партия. В годы демократии она – в одиночку или в коалиции с другими партиями – формировало местное правительство, ее представители преобладали в органах власти провинций и муниципалитетов. По существу, БНП это не партия в строгом смысле слова, а «партия – сообщество» (*«partido – comunidad»*), имеющая собственную прессу, сотни социальных центров и структур по разным видам деятельности, десятки тысяч членов и симпатизирующих, которых она ежегодно мобилизует по случаю баскских праздников. Националисты долгое время политически и идеологически доминируют в баскской политии. Дискриминация людей, не разделяющих их взгляды, ощущалась и ощущается повсеместно – в школьном образовании, на рабочем месте, в деятельности СМИ, в повседневном общении.

В БНП традиционно сосуществуют умеренное и радикальное течения, а ее политической линии свойственен дуализм – сочетание радикальной стратегической цели (независимости) с умеренной практической политикой, легальным политическим участием. Испанские политологи С. де Пабло и Л. Меес называют эту политическую линию «рассчитанной двусмысленностью», колебаниями маятника в диапазоне «умеренность – радикализм», «автономия – независимость Страны Басков» [De Pablo, Mees, 2005, р. 464–465]. Такой курс позволяет БНП быть «партией для всех».

На этапе демократии изменилась позиция БНП по целому спектру важнейших проблем: идее независимости Страны Басков,

отношениям с ЭТА, сотрудничеству с другими политическими силами. Так, в 1986 г., заняв второе место на автономных выборах, БНП сформировала правительство совместно с победителем – Социалистической партией Эускади (СПЭ) – баскским филиалом привившей в то время Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП, 1982–1996). В период коалиционного правления (1986–1998) БНП проводила умеренную прагматическую политику.

На этом этапе отчетливо проявились сложные, неоднозначные отношения БНП и ЭТА, по оценке испанского политолога С. Моран, «отношения любви-ненависти» [Moran, 2004, р. 19]. Умеренных и радикальных националистов объединяла борьба за общую цель – право на самоопределение для Страны Басков. В интерпретации партии суверенитет Страны Басков определялся историческими правами баскского народа и предполагал предоставление самоуправления, необходимого для утверждения баскской национальности. Террористическое насилие рассматривалось БНП в рамках неразрешенного конфликта между Страной Басков и испанским государством и объяснялось недостаточностью прав, предоставленных региону центром.

В то же время БНП и ЭТА шли к достижению общей цели разными путями. В центре внимания БНП находились повседневные проблемы автономной области, вопросы управления, деятельность же террористов вела к делегитимации институтов, расшатыванию общественной стабильности. В ситуациях, когда преступления боевиков вызывали особое общественное негодование, БНП возглавляла демонстрации протеста. Вместе с тем уже с первых лет демократизации в Испании распространилось мнение, что политики из БНП разыгрывают «карту ЭТА», стремясь добиться новых уступок со стороны центрального правительства.

С наибольшей силой неприятие умеренными националистами из БНП экстремизма проявилось в период коалиционного правления с СПЭ. В 1988 г. БНП вместе с социалистами и многими другими региональными и общенациональными объединениями заключила пакт Ахурия Энеа (по названию правительственного здания в г. Витория, столице Страны Басков). Широкое объединение демократических сил ставило своей целью «изолировать и нейтрализовать терроризм (считая легитимными полицейские и судебные меры)» [Moran, 2004, р. 70]. На смену конфронтации

между националистами и ненационалистами пришел водораздел между демократами и сторонниками насилия.

Однако соглашение между демократическими силами не превратилось для БНП в долгосрочную программу действий. Радикальные националисты обвиняли партию в «испанизме», отказе от защиты интересов автономии. Оказывая давление на БНП, ЭТА широко применяла стратегию уличной борьбы, убивала полицейских-басков, подвергала разгрому помещения партии.

В сложившейся обстановке БНП осуществила радикальный поворот в своей политической линии. В начале 1997 г. на ее Национальной ассамблее было заявлено, что пакт Ахуриа Энеа исчерпал себя. Партия взяла курс на достижение сотрудничества с Эрри Батасуна и ЭТА, рассчитанный на обретение Страной Басков суверенитета и прекращение боевиками террористической активности. Весной 1998 г. социалисты вышли из правительства автономной области.

В сентябре 1998 г. БНП вместе с другими националистическими организациями и профсоюзами подписала «пакт Эстелья» (по-баскски «пакт Лисарра» – по названию городка в Наварре). В документе ставилась задача «достижения суверенитета и территориальности (т.е. институционального союза Страны Басков, Наварры и баскских провинций во Франции) как средства решения баскской проблемы» [De Pablo, Mees, 2005, р. 444]. Таким образом, на смену единству демократических сил пришел националистический блок.

«Медовый месяц» в отношениях между БНП и ЭТА оказался недолгим. Уже весной 1999 г. ЭТА обвинила БНП в «равнодушном отношении к делу национального строительства», выдвинув два условия продолжения перемирия: избрание в Стране Басков «суверенного конституционного парламента» и неучастие БНП в национальных парламентских выборах 2000 г. БНП отказалась от выполнения этих требований, а через некоторое время, в ноябре 1999 г., ЭТА заявила о возобновлении вооруженной борьбы [Granja Sainz, 2009, р. 112].

БНП оказалась перед альтернативой: признать провалом свою последнюю попытку покончить с насилием и вернуться к диалогу с общенациональными партиями или продолжать «новый курс» в расчете на то, что ЭТА вновь объявит перемирие. Был избран второй путь, который материализовался в так называемом

«плане Ибарретче». В сентябре 2003 г. лендакари (председатель автономного правительства Страны Басков) Хуан Хосе Ибарретче выступил с проектом создания «особого режима отношений между нею и испанским государством, основанным на свободной ассоциации». Формально оставаясь в составе Испании, это государство (при желании к нему могут присоединиться соседняя провинция Наварра, а также баскские провинции во Франции) должно самостоятельно решать проблемы планирования и организации экономического развития, трудового законодательства и социальных отношений, обладать собственной судебной системой, иметь свои представительства за рубежом. По существу, претворение проекта в жизнь предполагало достижение некоего промежуточного рубежа между полной независимостью Страны Басков и ее автономией [Euscadi... 2004, р. 293–298].

При голосовании в баскском парламенте в декабре 2004 г. сторонникам этого плана удалось добиться его одобрения с небольшим перевесом (39 против 35 голосов). Однако ведущие политические партии Испании – ИСРП и Народная партия – отвергли его как противоречащий Конституции. А в феврале 2005 г. его с подавляющим перевесом голосов отклонили и Кортесы.

«План Ибарретче» обострил отношения между радикалами и умеренными в БНП. В ходе напряженной борьбы радикалы были вынуждены отступить. Переломным событием стали выборы в автономный парламент Страны Басков в марте 2009 г. Хотя БНП завоевала больше мест, чем остальные партии, ее традиционные союзники выступили неудачно. Коалиционное правительство националистических партий сформировать не удалось.

Результаты выборов не только подтвердили поражение «плана Ибарретче», но и привели к переходу БНП в оппозицию – впервые после 29-летнего правления. Ненационалистические силы в лице прежде всего Социалистической партии Эускади – Эуска-дико-Эскера и Народной партии впервые завоевали абсолютное большинство мест в парламенте автономии [Elecciones autonomicas 2009, 2009]. Однако обстановка экономического кризиса не благоприятствовала ненационалистическим партиям. На досрочных парламентских выборах, состоявшихся в Стране Басков в октябре 2012 г., националистические силы во главе с БНП вновь одержали победу, набрав примерно 60% голосов избирателей [Elecciones autonomicas 2012, 2012].

Террористические действия прекратились, «баскская проблема» осталась

В последние годы «баскская проблема» претерпела серьезные изменения. Принципиальное значение имел отказ ЭТА от террористических действий, о котором она объявила 20 октября 2011 г. Этот шаг боевиков был продиктован по крайней мере четырьмя обстоятельствами.

Во-первых, в предшествовавшие годы испанские и французские силы безопасности нанесли по ЭТА ощутимые удары, арестовав многих руководителей и активистов и конфисковав тайники с оружием. В результате ЭТА значительно ослабла.

Во-вторых, в Испании, и в первую очередь в Стране Басков, отношение к терроризму серьезно изменилось. Если в годы франкизма и первые 10–15 лет демократии многие видели в этаровцах окруженных ореолом романтики героев, то в 1990-е годы эти иллюзии стали исчезать. Это выразилось в массовых манифестациях против ЭТА, создании общественных антитеррористических организаций.

В-третьих, принципиально важные сдвиги произошли в лагере «левых баскских патриотов». Батасуна и ряд других организаций впервые проявили «непослушание», призвав ЭТА прекратить вооруженную борьбу.

В-четвертых, сыграло роль давление международного сообщества. Так, с призывами к ЭТА отказаться от террористических действий обращались Европейский парламент, известные в мире политические деятели.

Несмотря на неудачу проектов отделения Страны Басков от Испании, неверно сбрасывать со счета возможность повторения попыток септичессии в будущем. Теоретически претворение в жизнь этого сценария возможно при существовании целого ряда условий, в числе которых сохранение или улучшение уровня благосостояния баскского общества; дальнейшее развитие тенденции к снижению степени интегрированности баскской экономики в экономику остальной Испании (например, энергетическая автономия); изменение позиции ЕС по вопросу об отделении региона, согласие принять его в ряды Сообщества, включив положение о праве Страны Басков на самоопределение в какую-либо международно-правовую декларацию; усиление баскофобии в испанском общест-

ве (и без того существующей и связанной с финансовыми и административными привилегиями этой автономии).

В настоящее время внутренние и международные условия не благоприятствуют развитию такого сценария. Большинство населения автономии не хочет разрыва отношений с Испанией. По имеющимся оценкам, сепатия и выход Страны Басков из ЕС приведут к массовому бегству из региона капиталов, передислокации части предприятий, потере многих десятков тысяч рабочих мест, к большим расходам, связанным с созданием новых государственных структур и новой валюты, общему обнищанию населения, ухудшению отношений басков с остальной частью населения Испании (за исключением националистически настроенных групп) [Economía de secesión, 2004, р. 104–105; Suarez-Zuloaga, 2007, р. 206–208]. Из контраргументов отметим также, что правовые нормы ЕС не предусматривают вступления в него отдельных регионов, которые захотят отделиться от стран-членов. Сам процесс европейской интеграции работает против сепаратизма. Таким образом, с большой долей вероятности можно предположить, что в обозримом будущем «баскская проблема» не нарушит территориальную целостность Испании.

После прекращения действий ЭТА многим казалось, что в Стране Басков наступит время спокойствия и благоденствия. Но этого не произошло. ЭТА, как уже отмечалось, не разоружилась и не распустилась. Уйдя за кулисы, она продолжает влиять на баскскую политику. И делает она это прежде всего через свою гражданскую опору – «левых баскских патриотов». Муниципальные выборы 2011 г. и автономные 2012 г. принесли радикальным националистам самый большой успех за годы демократии. По доле собранных голосов Бильду заняла второе место, а по числу мест, завоеванных в муниципалитетах, обогнала все остальные партии. Во многих небольших городках и селениях автономной области мэрами стали радикальные националисты. В провинции Гипускоа, исторически считающейся их оплотом, они доминируют. По существу, радикальный национализм превратился в важную интегральную часть баскской институциональной структуры.

Потерпев поражение в вооруженной борьбе с государством, радикальные националисты продолжают легальную политическую борьбу. Их дискурс, нацеленный на пропаганду «баскской исключительности» и борьбы за независимость, оказывает большое

влияние на социально-психологический климат в автономии. Ситуация усугубляется морально-политической поддержкой, которую они получают от влиятельных сил в правящей БНП.

На руку ЭТА и ее окружению сыграла и интернационализация конфликта. Участие влиятельных зарубежных посредников в достижении гражданского мира позволило ей представить свое поражение не как результат успешных действий сил безопасности испанского и французского государства, а как уступку международному сообществу [Zarzalejos, 2015, p. 231].

«Левые баскские патриоты» действуют весьма изобретательно. Не прокламируя свою близость к ЭТА, они выступают в тоге «борцов за мир», стараясь урегулировать последствия конфликта (освобождение из тюрем заключенных боевиков, возвращение людей, спасавшихся от ЭТА, вывод с территории автономии испанских войск) с минимальными уступками жертвам терроризма. Характерным примером может служить выступление приглашенного на баскское телевидение Микеля Цубеменди, одного из бывших руководителей ЭТА, который выразил «свое уважение» другому террористу. По словам известного баскского журналиста Х.А. Царцалехоса, «левые баскские патриоты и ЭТА всеми силами стремятся не только уйти от расплаты за свою преступную историю, но и использовать ее для обретения дивидендов и достойного отношения к себе» [Zarzalejos, 2015, p. 245].

Наследием кровавых деяний ЭТА стало деформированное сознание значительной части населения автономной области. Чувство страха, испытанного в период «активной фазы» деятельности ЭТА, заставляет многих людей скрывать свои истинные взгляды и настроения, держаться настороженно и обособленно.

Испанское правосудие явно «не свело счеты» с ЭТА. В 2015 г., спустя четыре года после отказа боевиков от террора, 35–40% преступлений, совершенных ими, оставались нераскрытыми. По данным Национального суда, приговоры боевикам не вынесены по 271 делу (общее число жертв по ним составило 349 человек), причем половина этих дел временно сдана в архив [Zarzalejos, 2015, p. 214].

В истории конфликта «ЭТА – государство» есть и настоящая «черная дыра». Речь идет об отношении испанского правосудия к баскским предпринимателям и управленческим кадрам, в течение нескольких десятилетий платившим ЭТА, которая их шантажировала, так называемый «революционный налог». Эти люди (по

имеющимся оценкам, до 9 тыс. человек) по существу становились пособниками террористов. Изъятые у них средства составляли примерно 9% ВВП Страны Басков [Zarzalejos, 2015, р. 216]. Между тем в системе правосудия не было случаев расследования дел и привлечения к судебной ответственности за подобные действия, поскольку государство не могло гарантировать безопасность лицам, которых шантажировали боевики.

Само баскское общество остается глубоко разобщенным. Одна из острейших проблем – отношение к примерно 400 заключенных ЭТА в тюрьмах Испании и Франции. Радикальные националисты требуют перевода заключенных этаровцев, которые рассеяны сейчас по разным регионам Испании, ближе к дому, смягчения условий пребывания в тюрьмах. Напротив, родственники жертв террористов и масса людей, сочувствующих им, высказываются против, требуя в качестве предварительных условий справедливого суда над оставшимися на свободе террористами, расформирования ЭТА и ее покаяния в совершенных преступлениях. Столь полярные позиции затрудняют примирение.

По данным различных опросов, 25–30% басков на протяжении многих лет высказываются за предоставление автономной области независимости [Eusco barometro, 2013, р. 44]. Это активное и влиятельное меньшинство. В регионе регулярно проходят манифестации «левых баскских патриотов», на которых выдвигаются их требования к центральной и местной власти. Инициаторами шествий нередко становятся радикально-националистически настроенные представители баскской интеллигенции – профессора, адвокаты, писатели. Вместе с тем большинство жителей автономии высказываются за то, чтобы она осталась в составе Испании либо путем сохранения или расширения автономного статуса, либо путем преобразования существующей территориальной структуры в федерацию [ibid.].

В этой обстановке большое значение приобретает позиция правящей в регионе Баскской националистической партии. В отличие от своего предшественника Х.Х. Ибарретче нынешний лендакари И. Уркулью занимает более умеренную позицию. Выступая за расширение самоуправления и независимость Страны Басков, политик высказываетя за разработку нового политического статуса автономии (взамен существующего с 1979 г.) на основе диалога и договоренностей между основными политическими силами.

В отношении же референдума о независимости он приводит в пример Шотландию, где правительствам Великобритании и Шотландии удалось достичь договоренности [El lehendakari... 2014]. По мнению президента БНП А. Ортуцара, «Страна Басков и Каталония движутся, каждая своим путем, в одном и том же направлении» и станут «свободными» [Urcullu pide una consulta ... 2015].

И. Уркулью выступает за разоружение и роспуск ЭТА, которые подтолкнут ее сторонников к тому, чтобы порвать с прошлым. Он высказывается также за совместные действия с правительством правящей в Испании Народной партии по более активному включению отбывших наказание бывших боевиков ЭТА в мирную жизнь [Urcullu se aleja de la via soberanista... 2015].

Резюмируя, можно констатировать, что «баскская проблема», претерпев определенную трансформацию, остается нерешенной. Она в чем-то упростилась, лишившись террористической составляющей, но осталась в форме глубокого политического конфликта, по-прежнему разобщающего и баскское, и испанское общество.

Решение или хотя бы смягчение «баскской проблемы» – не только внутреннее дело баскского общества. В значительной степени это и проблема всей Испании, точнее, испанского Государства автономий как унитарного государства с элементами федERALизма. С течением времени эта модель отношений с Мадридом перестала удовлетворять часть автономных областей, требующих изменить «правила игры» с центром. В ряду предлагаемых формул государственности выделяется идея превращения Испании в подлинную федерацию. Воплощение этой или других альтернатив расширения прав автономий – дело очень непростое, требующее и согласия основных политических сил, которого пока нет, и изменения конституции. Однако медлить здесь нельзя: под вопросом территориальная целостность испанского государства.

Список литературы

Кобо Х. Баскский узел: рубить или развязывать? // Независимая газета. – М., 2000. – 8 декабря. – Режим доступа: http://www.ng.ru/world/2000-12-08/6_uzel.html (Дата посещения: 13.11.2015.)

- Кожановский А.Н. Государственная идентификация по-испански // Испания: анфас и профиль. – М.: Весь мир, 2007. – 474 с.
- Хенкин С.М. Федерализм: опыт российский и зарубежный // Полис. Политические исследования. – М., 2005. – № 2. – С. 179–182.
- Benegas J.M. Elecciones autonomicas vascas, 2005 // Cuadernos de Alzate. – 2005. – N 32. – P. 189–207.
- Corcuera Atienza J. Origenes, ideologia y organizacion del nacionalismo vasco, (1876–1904). – Madrid: Siglo XXI, 1980. – 624 p.
- De Pablo S., Mees L. El Pendulo patriotico. Historia del Partido Nacionalista Vasco, (1895–2005). – Barcelona, 2005. – 480 p.
- Documentos para la historia del nacionalismo vasco: de los Fueros a nuestros dias. – Barcelona: VV.A.A: Ariel, 1998. – 208 p.
- El Constitucional da via libre a Bildu para acudir a las elecciones // El Pais. – Madrid, 2011. – Mode of access: http://elpais.com/elpais/2011/05/05/actualidad/1304583479_850215.html (Дата посещения: 13.11.2015.)
- Economía de secesión. El proyecto nacionalista y el País Vasco. – Madrid: Ministerio de Hacienda: Instituto de Estudios Fiscalkes, 2004. – 354 p.
- Elecciones autonomicas 2009 // El Pais. – Madrid, 2009. – Mode of access: <http://resultados.elpais.com/elecciones/2009/autonomicas/14/> (Дата посещения: 12.04.2013.)
- Elecciones autonomicas 2012 // El Pais. – Madrid, 2012. – Mode of access: <http://resultados.elpais.com/elecciones/2012/autonomicas/14/> (Дата посещения: 8.09.2014.)
- El lehendakari Urkullo optara por la «via Escocia» para buscar la independencia vasca // Diario Critico. – Madrid, 2014. – 31 diciembre. – Mode of access: <http://www.diariocritico.com/noticia/461323/nacional/el-lehendakari-urkullu-optara-por-la-via-escocia-para-buscar-la-independencia-vasca.html> (Дата посещения: 25.08.2015.)
- Euscadi, del sueño a la verguenza. Guia util del drama vasco (Basta Ya! Iniciativa ciudadana). – Barcelona: B.S.A., 2004. – 371 p.
- Eusco barometro. Estudio periodico de la opinion publica vasca / Universidad del Pais Vasco. – Lejona, 2013. – Noviembre. – 74 p.
- Granja Sainz J.L. de la. El nacionalismo vasco: claves de su historia. – Madrid: Anaya, 2009. – 144 p.
- Heiberg M. The making of Basque nation. – Cambridge, Eng.: Cambridge univ. press, 1989. – 266 p.
- Moran S. PNV-ETA: Historia de una relacion imposible. – Madrid: Tecnos, 2004. – 362 p.
- Moreno del Rio C. La comunidad enmascarada. Visiones sobre Euscadi de los partidos politicos vascos, (1986–1996). – Madrid: CIS, 2000. – 400 p.
- Onaïndia M. Guia para orientarse en el laberinto vasco. – Madrid: Temas de hoy, 2000. – 256 p.
- Pablo S. de, Mees L. El pendulo patriotico. Historia del Partido Nacionalista Vasco, (1895–2005). – Barcelona: Critica, 2005. – 420 p.
- Perez-Agote A. La reproduccion del nacionalismo. El caso vasco. – Madrid: CIS, 1984. – 230 p.
- Pons: «No hay terrorismo bueno y terrorismo malo. El terrorismo es todo igual» // Populares. – Madrid, 2015. – 24 marzo. – Mode of access: <http://www.pp.es/>

actualidad-noticia/pons-no-hay-terrorismo-bueno-terrorismo-malo-terrorismo-es-todo-igual
(Дата посещения: 21.05.2015.)

Sanchez-Cuenca I. ETA contra el Estado. Las estrategias del terrorismo. – Barcelona: Tusquets editoriales, 2001. – 280 p.

Suarez-Zuloaga I. Vascos contra vascos. Una explicacion ecuanime de dos siglos de luchas. – Barcelona: Planeta, 2007. – 259 p.

Tovar Llorente A. Mitología e ideología sobre la lengua vasca: historia de los estudios sobre ella. – Madrid: Alianza Editorial, 1980. – 224 p.

Urkullu se aleja de la vía soberanista de Cataluña ante la presión «abertzale» // *El País*. – Madrid, 2015. – 31 marzo. – Mode of access: http://ccaa.elpais.com/ccaa/2015/03/31/paisvasco/1427826639_993323.html (Дата посещения: 23.04.2015.)

Urkullu pide una consulta legal y advierte de que España tiene un problema en Cataluña y en Euskadi // *La Vanguardia*. – Barcelona, 2015. – 27 setiembre. – Mode of access: <http://www.lavanguardia.com/politica/20150927/54437675647/urkullu-pide-consulta-lega-advierte-gobierno-problema-catalunya-euscadi.html> (Дата посещения: 29.09.2015.)

Zarzalejos J.A. Mañana será tarde. – Barcelona: Planeta, 2015. – 319 p.

С.М. КРЕТОВ*

ФЕДЕРАЛИЗМ КАК СПОСОБ ГАРМОНИЗАЦИИ ИНТЕРЕСОВ БОЛИВИЙСКОГО ВОСТОКА И ЗАПАДА

Аннотация. В статье анализируется возможность применения институционального подхода для гармонизации интересов различных слоев общества и строительства единой нации-государства в Боливии. На основе изучения исторического развития, отношений между боливийским Востоком и Западом, а также политики Эво Моралеса – первого президента в истории боливийского государства, признавшего необходимость разрешения острого социального конфликта в обществе, автор делает вывод о возможностях и ограничениях институциональной модели решения этно-социального кризиса как в Боливии, так и в других разделенных обществах в целом.

Ключевые слова: Боливия; Эво Моралес; индейцы; креолы; separatism; федерализм.

**S.M. Kretov
Federalism as a way to harmonize interests
of the Bolivian East and West**

Abstract. This article analyses the possibility to apply the institutional model to harmonize the interests of different social groups and to construct a nation-state in Bolivia. By studying the country's historical development, relationships between its western and eastern parts and the politics of Evo Morales, who was the first president to recognize the need to resolve the ethnic conflict, the author draws the conclusion about the prospects and limitations of the institutionalist model of solving ethno-social conflicts in fragmented societies in general, and in Bolivia in particular.

Keywords: Bolivia; Evo Morales; Indians; Creoles; separatism; federalism.

*Кретов Станислав Михайлович, магистрант МГИМО МИД России по направлению «Зарубежное регионоведение», e-mail: kretovstas@mail.ru

Kretov Stanislav, Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: kretovstas@mail.ru

Траектория исторического развития многих стран не способствовала образованию нации-государства. Эта политическая форма родилась в Европе и с течением времени «натягивалась» на политическое пространство, освобождавшееся после распада колониальных империй, или перенималась в результате культурной диффузии и имитации [Ильин, Кудряшова, 2011, с. 13]. На эффективность освоения новых политических институтов и практик в постколониальных обществах влияли многие факторы, среди которых не последнее место занимают этнокультурные расколы, продуцировавшие постоянную и зачастую открытую социальную конфронтацию. С точки зрения американского политолога Харриса Милонаса, дестабилизация в обществах с нерешенным этническим вопросом рискует обернуться масштабным политическим и социальным кризисом, который будет иметь международное измерение [Mylonas, 2012, р. 9].

Небольшое по размерам и населению государство латиноамериканского континента – Боливия¹ – является собой яркий пример общества с глубокими этнокультурными расколами. Несмотря на то что политический и экономический вес страны в мировом масштабе мал, социально-политические тренды, обозначившиеся за последние два десятилетия в этой отдаленной высокогорной республике, представляют большой интерес для политологов.

В 2005 г. в Боливии к власти пришел первый в истории Латинской Америки президент-индеец. Это событие имело огромное значение не только как выражение региональных политических тенденций, а именно «левого поворота», но и как новый этап в национальном строительстве. Эво Моралес стал первым боливийским лидером, который заявил о необходимости решения острого социального конфликта в обществе², фактически разделенном на две части (индейскую и креольскую)².

В политической теории и практике существуют разнообразные подходы к гармонизации антагонистических интересов этнокультурных сегментов. В поле нашего научного интереса находится

¹ Территория Боливии составляет 10 млн км² (27 место в мире, 5 – в Латинской Америке), а население – 10,4 млн человек (82 место – в мире, 12 – в Латинской Америке).

² По данным переписи населения (2012), индейцы составляют 62% населения Боливии, метисы – 29%, белые – 9%.

институционализм, который предполагает решение проблемы разделенных обществ через внесение изменений в функционирование политических, экономических и социальных институтов. В разработку институционального дизайна разделенных и постконфликтных обществ внесли значительный вклад такие известные исследователи, как Альфред Степан, Арендт Лейпхарт, Дональд Горовиц.

В частности, А. Степан на примере сравнительного анализа взаимоотношений тамильской этнической группы с властями Индии и Шри-Ланки приходит к выводу о том, что экономическая, политическая и культурная децентрализация снижает градус напряженности в обществе. Одним из главных пунктов данной стратегии, по его мнению, является переход к симметричному или асимметричному федерализму [Stepan, 2008]. Сторонником федерализма в многосоставных обществах выступает и А. Лейпхарт [Lijphart, 1977]. Д. Горовиц занимает схожую позицию: по его мнению, многонациональная федерация позволяет стабилизировать взаимоотношения между различными этническими группами [Horowitz, 2007].

Можно ли универсализировать эти теории? Может ли переход к федерализму разрешить латентный социально-политический кризис в Боливии, который рискует обернуться открытым противостоянием между восточными (преимущественно креольскими) и западными (преимущественно индейскими) департаментами страны? Каковы возможности и ограничения внедрения федеративных механизмов в политическую практику этого латиноамериканского государства? Ниже мы попытаемся представить наше видение этих вопросов.

Боливийский раскол: Исторический аспект

Отличительная особенность исторического и социокультурного развития Боливии состоит в том, что примерно за 500 лет существования бок о бок индейской и европейской цивилизаций взаимопонимания между ними достичь так и не удалось. Культурно-цивилизационный раскол в стране дополнен территориальным: поселения коренных народов доколониального происхождения сконцентрированы преимущественно в северо-западной, западной и юго-западной частях страны (департаменты Пандо, Ла-Пас, Оруро, Кочабамба, Чикисака и Пotosí) где они составляют большинство. В свою очередь в восточных провинциях – Бени,

Санта-Круз и Тариха – исторически селились потомки испанских конкистадоров и переселенцев с европейского континента.

Существовали по крайней мере две проблемы, которые не позволяли прийти к национальному консенсусу по вопросам развития и препятствовали строительству нации-государства в Боливии. Первая – это сепаратистские тенденции в восточных департаментах Санта-Крус, Пени, Пандо, Тариха, часто называемых «полумесяцем» из-за своих географических очертаний.

Благоприятные климатические условия, активная индустриализация и высокий уровень образования способствовали бурному развитию восточных регионов, которые стали локомотивом экономического роста страны еще в XIX в., сохранив свои лидирующие позиции до настоящего времени. Активные экономические связи с соседними государствами – Аргентиной, Бразилией и Парагваем – побуждали местные власти этих департаментов бороться за экономическую децентрализацию. Градус оппозиционных настроений и радикализма требований – от претензий на расширение хозяйственной автономии до планов по фактическому отделению восточных областей от государства – напрямую зависел от политической конъюнктуры.

В XIX–XX вв. именно экономика была главным фактором, определявшим характер отношений боливийского центра и восточных регионов. Столица государства располагалась в городе Ла-Пас в западной части страны, которая остро нуждалась в индустриализации. Однако географические условия явились одним из основных препятствий для экономического развития западной части Боливии. Суровый горный климат, в отличие от долин восточных департаментов, не располагал к ведению земледелия, выращиванию различных культур. Как следствие, львиная доля предприятий легкой промышленности находилась на территории восточных земель. Помимо этого, в тот период еще не были внедрены передовые технологии, позволяющие вести геологоразведочные работы в условиях гористой местности, и основная часть объектов добывающих отраслей также находилась в департаментах «восточного полумесяца».

В связи с этим интересно рассмотреть изменение отношений боливийского центра и восточных регионов. В XIX в. противостояние между центральной властью и регионами в Боливии нередко обретало открытую форму (к примеру, восстание Андреса

Ибаньеса¹). В XX в., осознавая свою экономическую слабость и стараясь не потерять политический контроль над провинциями «восточного полумесяца», центр пошел на негласные уступки и фактически предоставил местным властям экономическую автономию взамен на политическую лояльность и обязательства выплачивать определенную часть налогов.

Стоит отметить, что западные провинции не получили подобных послаблений, а в государстве фактически появилась практика совмещения двух типов административно-территориального устройства: формального унитарного и неформального федеративного. Попытки поднять вопрос о федерализации Боливии и институционально зафиксировать сложившийся порядок на протяжении всего XX в. рассматривались как покушение на стабильность политического процесса и хрупкое равновесие между политическими силами.

Вторая проблема – это нерешенный «индейский вопрос», под которым понимается экономическая, политическая и культурная дискриминации представителей индейских сообществ.

Индейцы были самым незащищенным социальным слоем: истребляемые испанскими конкистадорами, после обретения государством независимости они были поставлены в жесткие условия выживания. Индейские сообщества занимали низшую степень в иерархии распределения национального дохода и не имели реального доступа к осуществлению властных полномочий. Более того, консерватизм и реакционность традиционных политических сил, а также политическая нестабильность, выражавшаяся в практике государственных переворотов и правлении военных хунт, препятствовали образованию политической силы, которая отстаивала бы интересы коренных народов, проживающих на территории Боливии.

Вследствие неразвитости демократических институтов и практик в XIX – первой половине XX в. индейцы были вынуждены бороться за свои права, прибегая преимущественно к насилийственным методам – восстаниям, народным волнениям. С развитием

¹ Андрес Ибаньес (Andrés Ibáñez) – боливийский политик, адвокат. Активная гражданская позиция и лидерские качества способствовали тому, что Андрес возглавил восстание против центральной власти в восточных департаментах Боливии в 1877–1878 гг. Поводом к восстанию стали сбои в выплате денежного содержания военнослужащим сразу нескольких гарнизонов. Восстание было жестоко подавлено официальным Ла-Пас, а сам Ибаньес был казнен.

демократических институтов индейские сообщества перешли к тактике оказания давления в рамках правового поля.

Длительное и упорное противостояние индейцев и боливийских властей включало в себя период политических репрессий, выпавший на двадцатилетнее правление военных хунт (1964–1982), когда практически все политические объединения, отстаивавшие интересы индейцев, вынуждены были уйти в подполье. С началом «демократической оттепели» этносоциальная и этнополитическая ситуация в стране не претерпела существенных изменений. Политическая система, сложившаяся после принятия Конституции 1982 г., не отражала интересов всех групп боливийского общества.

Боливия была объявлена унитарным государством с президентской формой правления, в которой глава государства выполнял функции в том числе и главы правительства. Президент и парламент избирались по мажоритарной системе абсолютного большинства, а в случае если ни один из кандидатов не мог набрать необходимое количество голосов (более 50%), парламент на совместном заседании обеих палат должен был избирать нового президента из двух кандидатов, получивших простое большинство голосов.

Как показала политическая практика 1990-х годов, это обстоятельство обеспечило привилегированное положение оформившихся в конце 1980-х политических партий – Националистического революционного движения и Социально-демократической силы, которые в составе коалиции контролировали парламент и имели простое большинство голосов. Эти политические объединения отражали интересы восточных департаментов государства, а в их состав вошли многие боливийские государственные деятели, которые занимали высокие посты при военных хунтах и были настроены против организации широкого общественного диалога для решения проблемы раскола общества.

Тем не менее стоит отметить, что либерализация общественного дискурса и политической сферы дала возможность коренным народам создавать общественные объединения и партии и постепенно включаться в политический процесс, борясь с существовавшей дискриминацией в различных сферах общественной жизни. Одной из самых заметных политических сил, возникших на этой волне, было Движение к социализму, возглавляемое этническим индейцем-аймара. Оно смогло максимально выгодно использовать

острейший политический и экономический кризис на рубеже XX–XXI вв. и добиться значительных успехов на политической арене. Главным итогом многолетнего противостояния боливийского Востока и Запада стала победа кандидата Движения на президентских выборах 2005 г.

Федерализм в Боливии: Возможности и ограничения

Новые боливийские власти осознавали, что одной из главных причин существования центробежных тенденций в боливийском государстве является разнородность культурного и экономического развития боливийского Востока и Запада. Именно поэтому Эво Моралес и его сторонники сконцентрировались на работе по следующим направлениям:

- меры широкой социальной поддержки, нацеленные на улучшение условий жизни беднейших слоев населения – преимущественно индейцев;
- внедрение принципа культурного плюрализма, т.е. представление языкам коренных народов официального статуса, активное участие государства в проектах по сохранению культурного наследия доколумбовых цивилизаций;
- комплексная политическая реформа, закрепляющая равные политические и социальные права индейского и креольского населения;
- индустриализация боливийского Запада.

К 2005 г. боливийское общество подошло в удручающем социально-экономическом состоянии. К примеру, коэффициент Джини всего за несколько лет (1998–2002) поднялся с 0,579 до 0,606, процент официально зарегистрированных безработных увеличился с 4,33% (1998) до 5,4% (2002). Согласно миссии Программы развития ООН, в 1990–2002 гг. в среднем 62,7% населения Боливии жили за чертой бедности, из них 37% находились в ужасающих экономических условиях. В 2002 г. 14,4% населения Боливии жили меньше чем на 1 долл. в день, а 34,3% довольствовались всего двумя долларами в день. 58% населения страны не обладало необходимыми средствами ежедневной гигиены и доступом к чистой питьевой воде, 48% боливийских домашних хозяйств не имели достаточного доступа к электроэнергии. В 2000 г.

13,3% боливийцев оставались неграмотными, а уровень младенческой смертности достигал показателя 75 младенцев на 1000 [Interculturalismo y globalización, 2004]. Если рассмотреть географическое распределение этих данных, то можно заключить, что в самых неблагоприятных условиях находились жители сельских труднодоступных районов Боливии, преимущественно индейские сообщества.

По словам вице-президента Боливии и ближайшего соратника Эво Моралеса – Альваро Гарсии Линеры, в конце 1990-х – в начале 2000-х годов индейское население занимало 67% самых низкооплачиваемых и социально не защищенных рабочих мест. Индейцы получали всего 30% заработка рабочих, имевших другое этническое происхождение [García Linera, 2005]. Эксперт Ноттингемского университета приходит к выводу о том, что маргинализация индейцев, нежелание властей решать вопрос отчуждения коренных народов от активного участия в политике и экономике государства как минимум на четверть ухудшают экономическое положение всего боливийского общества [Garcí-Falces, 2006].

Центральным пунктом предвыборной программы боливийского лидера было обещание провести комплексную социальную реформу. В соответствии с этой инициативой в феврале 2006 г. был принят План национального развития, реализация которого принесла следующие благоприятные результаты:

- сократилось количество людей, живущих в крайней бедности (менее 1,25 долл. в день) и за чертой бедности (2 долл. в день) с 9,8% (2005) до 3,1% (2011) [Poverty gap at \$1.25 a day (PPP) (%)] и с 14,8% (2005) до 5,5% (2011) [Poverty gap at \$2 ... б.г.] соответственно;

- детская смертность снизилась с 75 до 63 на 1000 человек, что стало одним из самых серьезных улучшений с 80-х годов XX в. [Weisbrot, Ray, Johnston, 2009];

- коэффициент Джини всего за первые три года нахождения у власти Эво Моралеса снизился с 0,61 до 0,56 [ibid.].

Разворачивание широких социальных программ, а также необходимость выравнивания уровней экономического развития боливийских регионов потребовали увеличения бюджетных расходов. К примеру, согласно макроэкономическим исследованиям, траты из бюджета на выполнение социальных обязательств за период с 2005 по 2013 г. возросли в 2,5 раза [Bolivia – gastopúblico, 2014]. Для получения значительного количества бюджетных

средств правительство разработало и осуществило программу национализации основных добывающих отраслей боливийской промышленности, телекоммуникационной отрасли, транспортной инфраструктуры, которые находились ранее под контролем ТНК, имевших дочерние боливийские компании в восточных областях страны. Подобные меры позволили государству увеличить поступления в бюджет, доля которых на конец второго президентского срока Моралеса (2014) составляла треть всего ВВП [Bolivia oscula... 2014].

В 2013 г. боливийское правительство отчиталось об основных достижениях в социальной и экономической сферах, опубликовав доклад, посвященный данной тематике [Principales logros... 2014]. Интересно обратить внимание на показатели развития промышленного потенциала страны. Благодаря внедрению новых технологий по геологоразведке в гористой местности количество рудников по добыче полезных ископаемых, находящихся в государственной собственности, увеличилось в 67 раз, в кооперативной – в два раза. Подавляющее большинство из них были построены и освоены в западных провинциях Боливии. Меры по поддержке сельского хозяйства, а именно безвозмездная передача сельскохозяйственного оборудования 114 тысячам бедных хозяйств, разработка инновационных способов обработки земли в труднодоступных районах, явились предпосылкой для активизации ведения сельского хозяйства в западных провинциях.

Анализируя данные экономического развития Боливии, стоит отметить, что рост хозяйственной активности в бедных западных регионах, населенных индейцами, осуществлялся за счет средств и ресурсов, аккумулируемых преимущественно в восточных областях страны. Подобная ситуация не могла не вызвать недовольства как влиятельной бизнес-элиты департаментов «восточного полумесяца», так и местных органов власти. Значительная часть первой лишилась основных экономических ресурсов вследствие их экспроприации, а вторые – негласных привилегий в виде послаблений фискального режима, а также вынуждены были отдавать значительное количество налогов центральным властям.

Общие интересы представителей политических и экономических элит восточных департаментов побудили их выработать единую позицию по отношению к экономическим инициативам правительства. За неимением практики существования региональных политических партий они приняли решение выступить в под-

держку традиционных консервативных политических партий общегосударственного масштаба, которые находились у власти в 1990-е годы, – Националистического революционного движения и Социал-демократической силы. Этот шаг был обусловлен прежде всего близостью политических позиций и необходимостью с ходу включиться в политический процесс в новых условиях, когда впервые в истории к власти пришла партия, отстаивающая интересы индейцев.

С самого начала первого президентского срока Моралеса имела место подготовка к созыву, а затем и созыв Учредительного собрания, главная задача которого заключалась в разработке нового Основного Закона государства с целью закрепления существующего политического, экономического и социального курса. Оппозиционные силы были полны решимости предотвратить его принятие.

Проект, предложенный властями, предполагал:

- закрепление равенства прав и свобод индейского и креольского населения;
- предоставление индейскому сообществу культурной автономии, в связи с чем языки индейцев должны обрести статус государственных, а само название страны изменено на «Многонациональная Республика Боливия»;
- закрепление унитарного типа административно-территориального устройства и наделение индейского сообщества привилегиями в части местного самоуправления и судопроизводства, признание традиционных судебных и политических практик индейского сообщества.

Совокупность предложений, выдвинутых боливийской оппозицией, сводилась преимущественно к политической и экономической децентрализации именно восточных регионов.

Сторонники Эво Моралеса видели в независимой позиции регионов «восточного полумесяца» опасность для самого конституционного строя республики. В своих многочисленных выступлениях сам Моралес неоднократно подчеркивал, что Боливия является единой, унитарной и неделимой страной, а сторонников автономизации обвинял в предательстве национальных интересов и в пособничестве недружественным внешним силам. В свою очередь, местные власти восточных регионов рассматривали президентскую политику как «индихенистский (т.е.aborигенный) реваншизм», нацеленный

на строительство государства, где индейское сообщество будет доминировать, а креольское – подчиняться.

Учредительное собрание так и не стало площадкой для широких политических дискуссий. Центральные власти использовали административный ресурс для продвижения своего проекта, отвергая поправки, предлагаемые Востоком, и нарушая регламент работы ассамблеи. Как следствие, позиция восточных регионов не нашла своего отражения в новой Конституции. Образовавшийся раскол подтвердили результаты конституционного референдума, состоявшегося в феврале 2009 г., где большинство (61,5%) высказалось «за», но значительное количество боливийцев (38,5%) отвергло данный проект [Referendum constituyente, 2009]. Эти данные коррелируют с этническим составом населения страны.

Кроме того, надо отметить, что новый Основной Закон не предполагал внесения институциональных изменений в политическую систему вследствие того, что боливийским властям не было необходимо менять существующие «правила игры», которые благоприятствовали доминированию индейских сил. Совокупность объективных (62% населения страны имеют индейское происхождение) и субъективных (активные мероприятия, направленные на политическую мобилизацию индейского населения) факторов обусловили рекордный результат Эво Моралеса и Движения к социализму на выборах в 2009 и 2014 гг. – 64,2 [Resultados elecciones generales 2009, 2009] и 59,7% [Elecciones generales Bolivia... 2014] соответственно. Политическая практика доминирования исполнительной власти, характерная для многих стран Латинской Америки в целом и для Боливии в частности, позволяет харизматичному лидеру активно осуществлять намеченный экономический, политический и социальный курс, фактически не принимая во внимание интересы более чем трети граждан страны. А отсутствие традиций переговорных практик, характерных для консociативных и парламентских демократий, крайне затрудняет сотрудничество между политическими силами, отстаивающими прямо противоположные интересы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что боливийские власти, поддерживаемые индейским населением, совершили ту же самую ошибку, что их предшественники, которые игнорировали требования коренных народов. В политической системе Боливии сложилась ситуация, которую Х. Милонас называет «пере-

меной слагаемых в расстановке этнополитических сил», когда до селе дискриминируемая часть общества, прийдя к власти, не учитывает мнение другой части общества, которая ранее находилась на главенствующих позициях [Mylonas, 2012]. Стремясь осуществить свой собственный экономический (развитие западных регионов), политический (предоставление всем группам населения равных прав и свобод) и социокультурный (наделение коренных народов правом на культурную автономию) проект, Эво Моралес пренебрег мнением граждан, проживающих в восточных департаментах.

Наиболее приемлемой моделью институционального закрепления отношений между центром и регионами в Боливии стало бы внедрение практики симметричного федерализма. В контексте острых противоречий между двумя частями страны крайне важно зафиксировать принцип симметричности федерации, т.е. равенства всех субъектов, входящих в нее. Симметричный федерализм с предоставлением боливийским регионам широких полномочий смог бы примирить прямо противоположные точки зрения регионов по поводу экономического, социального и политического развития, не прибегая к дискриминации какого-либо региона.

Кроме того, эта практика положительно сказалась бы на экономической активности восточных регионов, учитывая их возможность активно развивать связи с соседними государствами, обладающими схожими хозяйственными моделями. Вкупе с культурным развитием индейских племен, ростом политического самосознания коренных народов, комплексными мерами социальной поддержки и индустриализацией западных регионов такая политика не только привела бы к стабилизации политического процесса, но и заложила базу для прочного развития всей национальной экономики.

В результате анализа политического курса боливийских властей по решению национального вопроса в стране в 2005–2015 гг. можно назвать причины, препятствовавшие комплексным институциональным изменениям в политической сфере боливийского общества, а именно переходу к федеративному государственному устройству. Главной из них стало стремление боливийского центра решить экономические проблемы западных провинций страны мобилизационным способом и провести комплексные социальные реформы за счет интересов развития департаментов «восточного полумесяца». Эта стратегия делает сегодня невозможным предоставление восточным и западным регионам широкой политической

и экономической автономии, что, в свою очередь, влечет за собой консервацию острого социально-политического конфликта. Существующие неразрешенные противоречия между боливийским Востоком и Западом могут обостриться в любой момент при возникновении нестабильности политического (уход Моралеса с поста президента страны) или экономического (ухудшение макроэкономической обстановки, замедление темпов роста экономики) управления.

Список литературы

- Ильин М.В., Кудряшова И.В.* «Кризисы суверенитета» в современную эпоху // Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности / Под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. – М.: МГИМО-Университет, 2011. – С. 4–19.
- Bolivia – gasto público // El periodico la expansión. – La Paz, 2014. – Mode of access: <http://www.datosmacro.com/estado/gasto/bolivia> (Дата посещения: 10.08.2015.)
- Bolivia ocupa el cuarto lugar en las tasas de recaudación tributaria de América Latina // Impuestos nacionales. – La Paz, 2014. – Mode of access: http://impuestos.gob.bo/index.php?option=com_content&view=article&id=1211:bolivia-ocupa-el-cuarto-lugar-en-las-tasas-de-recaudaci%C3%B3n-tributaria-de-am%C3%A9rica-latina&catid=100&Itemid=435 (Дата посещения: 12.08.2015.)
- Elecciones generales Bolivia 2014, resultados, crónicas y hechos del 12 octubre // Eabolivia.com. – La Paz, 2014. – Mode of access: <http://www.eabolivia.com/elecciones-generales-bolivia-2014.html> (Дата посещения: 27.05.2015.)
- García Linera A.* Estado multinacional: Una lectura de la descentralización regional a partir de las identidades culturales // Barataria: revista castellano-manchega de ciencias sociales. – 2005. – N 3. – Архив С.М. Кретова.
- Garcí-Falces Z.N.* Emergencia y pobreza indígena // Pueblos Indígenas y derechos humanos / Coord. Lopez M.B. – Bilbao: Univ. de Deusto, 2006. – P. 645–662.
- Horowitz D.L.* The many uses of federalism // Drake law review. – Des Moines, Iowa, 2007. – N 4, Vol. 55. – P. 953–966.
- Interculturalismo y globalización. La Bolivia posible: Informe Nacional de desarrollo humano 2004. – La Paz, 278 p. – Mode of access: http://hdr.undp.org/sites/default/files/bolivia_2004_sp.pdf (Дата посещения: 02.08.2015.)
- Lijphart A.* Democracy in plural societies: A comparative exploration // New Haven: Yale univ. press, 1977. – 248 p.
- Mylonas H. The politics of nation-building: Making co-nationals, refugees, and minorities. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2012. – 280 p.
- Poverty gap at \$1.25 a day (PPP) (%) // World Bank data. – Mode of access: <http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GAPS> (Дата посещения: 07.08.2015.)

- Poverty gap at \$2 a day (PPP) (%) // World Bank data. – Mode of access: <http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GAP2> (Дата посещения: 07.08.2015.)
- Principales logros económicos 2006–2013 // Banco Central de Bolivia. – La Paz, 2014. – Mode of access: <https://www.bcb.gob.bo/webdocs/2014/SalaDePrensa/CARTILLALOGROS.pdf> (Дата посещения: 20.12.2015.)
- Referendum constituyente. Resultados finales corte nacional electoral. – La Paz, 2009. – 30 p. – Mode of access: http://www.vicepresidencia.gob.bo/IMG/pdf/referendum_constituyente.pdf (Дата посещения: 08.08.2015.)
- Resultados elecciones generales 2009 // Los tiempos. – La Paz, 2009. – Mode of access: <http://www.lostiemplos.com/resultados-elecciones-bolivia-2009.php> (Дата посещения: 10.08.2015.)
- Stepan A.* Comparative theory and political practice: Do we need a ‘state-nation’ model as well as a ‘nation-state’ model // Government and opposition. – L., 2008. – Vol. 43, N 1. – P. 1–25.
- Weisbrot M., Ray R., Johnston J.* Bolivia: The economy during the Morales administration / Center for economic and policy research. – Washington, D.C., 2009. – 33 p.

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

А.О. БЛОХИНА*

«ФЕРГАНСКИЙ ФАКТОР» И РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ РАЗМЕЖЕВАНИЙ В КИРГИЗИИ

Аннотация. В статье рассматривается влияние «ферганского фактора» на состояние политических и социокультурных границ в Киргизии, дважды за период независимости пережившей насильственную смену власти, а также межэтнические столкновения. Отмечено, что после революции 2010 г. правящие элиты взяли курс на укрепление формальных политических институтов и развитие легальной конкуренции. Представлен анализ эффективности проведенных институциональных реформ в контексте государственного и национального строительства.

Ключевые слова: Киргизия; этнокультурные размежевания; национальное строительство; государственное строительство; политические институты.

A.O. Blokhina
**«The Ferghana factor» and the accommodation
of ethno-cultural cleavages in Kyrgyzstan**

Annotation. The article examines the «Ferghana factor» impact on the consolidation of political and socio-cultural borders in Kyrgyzstan, the only post-Soviet country that has experienced two forceful changes of power and a significant outflow of inter-ethnic clashes. It is stated that after the revolution of 2010 the ruling elites have embarked on strengthening the formal political institutions and development of legal

***Блохина Алена Олеговна**, соискатель кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, преподаватель кафедры английского языка № 7 МГИМО МИД России, e-mail: blokhina.alena@gmail.com

Blokhina Alena, Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: blokhina.alena@gmail.com

competition. In this regard the author analyzes the outcome of institutional reforms and their influence on national- and state-building.

Keywords: Kyrgyzstan; ethnic and cultural cleavages; nation-building; state-building; political institutions.

Киргизию, если следовать логике Д. Горовица, можно отнести к разделенным обществам: в ней аскриптивные расколы заметно отражаются на политическом процессе, несколько элитных групп ведут борьбу за центральную власть и существует история межсекторальной вражды [Ногowitz, 2014, р. 7]. В результате соперничества между основными клановыми группами республика пережила две революции (в 2005 и в 2010 г.). Политическое регулирование противоречий осложняют значительное совмещение клановых и региональных расколов («север» – «юг»), а также межэтническая напряженность на юге, где проживает абсолютное большинство узбеков страны и где дважды, в 1990 и в 2010 г., вспыхивали беспорядки.

За годы, прошедшие со времени последней, «пасхальной» революции 2010 г., элитам страны удалось найти и реализовать институциональные решения, которые позволили повысить политическую стабильность. Вместе с тем Киргизия, как и Узбекистан, и Таджикистан, является «ферганским» государством, т.е. имеет в своем составе часть Ферганской долины. Многие исследователи считают ее взрывоопасным регионом, где любой социально-политический конфликт угрожает стабильности всей постсоветской Центральной Азии [см., напр.: Артыкбаев, 2014; Crosston, 2013; Малышева, 2010]. Полиэтничность Ферганской долины, наличие этнических эксклавов, исламский радикализм, историческая память населяющих ее народов, межгосударственные споры негативно влияют на консолидацию границ всех трех государств. В связи с этим представляется актуальным рассмотреть вопрос о контроле над этнокультурными размежеваниями в Киргизии с учетом влияния «ферганского фактора».

Историческая государственность и советское национальное строительство

Ферганскую долину называют сердцем Центральной Азии и часто выделяют как отдельную геополитическую зону. Производ-

ство шелка и выгодное географическое положение на Великом шелковом пути, благоприятный для земледелия климат обеспечивали там рост городов и развитие торговли. В XVIII–XIX вв. Фергана стала ядром Кокандского ханства, которое в 1876 г. потеряло независимость и вошло в состав Российской империи как часть Туркестанского генерал-губернаторства (Ферганской область). Для Туркестана были характерны слабость центральной власти и разделение населения на множество племен и родов, между которыми не было устойчивых экономических отношений и единства, что вело к многочисленным междуусобным распрям.

После нескольких антироссийских восстаний для укрепления влияния империи было принято решение переселять в регион группы этнических русских и казаков и наделять их землей. В Ферганской долине под руководством русских инженеров были осуществлены ирригационные проекты и развернуто производство хлопка. Новое производство связало регион с имперским центром, а железнодорожная дорога открыла прямое сообщение с границами Афганистана, Персии, Китая и Индии [Rashid, 2002].

Как и в Российской империи, в СССР этническая группа оказалась субъектом политики и государственного права [Маркедонов, 2006, с. 18]. После восстаний басмачей (с 1918 г. главным центром басмачества считалась Фергана) границы Узбекистана, Киргизии и Таджикистана были проложены по долине таким образом, что образовались многочисленные этнические эксклавы. Такое решение было обосновано необходимостью ослабить панисламские и пантюркские движения [Fierman, 1991, р. 19].

На сегодняшний день отсутствуют сведения о подготовительной работе соответствующих советских органов относительно определения территориальных границ, численного состава и расположения этнических групп, подлежащих объединению в автономные республики и области [Масов, 1988, с. 185]. Национальное строительство в Средней Азии было основано на принципах, чуждых историческому развитию народов, проживающих в регионе [Бартольд, б.г.]. В определенной степени насилиственная консолидация в границах одного государства обострила борьбу клановых групп за власть.

В.В. Бартольд приводит примеры географических «противоречий» традиционному укладу: после размежевания административным центром Восточной Бухары стал Душанбе (до 1929 г. Дю-

шанбе), притом что на протяжении веков главным городом здесь был Гиссар, политическая единица древнейшего региона Хорезма была окончательно уничтожена (в 1097–1231 гг. он представлял центр государства Хорезмшахов, которое впоследствии захватил Чингисхан). Несмотря на то что хорезмийский язык и национальность со временем размылись и исчезли, политическое влияние и обособленность Хорезма сохранялись вплоть до начала действий советских властей по разделению региона [Бартольд, б.г.].

В результате советского государственного строительства Узбекистан получил большую часть территории долины с такими крупными историческими центрами, как Андижан, Коканд, Асса́ке, Кувасай, Намаган и Фергана. Джелалабад, Ош и Узген отошли к Киргизии. Западная часть долины с Исфарой и Канибадамом стала частью Таджикистана (Согдийской области, ранее – Ленинабадской). Границы, как и статус советских республик (союзная – автономная), неоднократно менялись. Противоречивость административно-территориальной и культурной политики Советского Союза, выразившаяся после его распада в несовпадении административно-политических, экономических, этнолингвистических, культурных и прочих границ новых государств, во многом определила будущие проблемы консолидации наций [Кудряшова, Мелешкина, 2009, с. 51].

По данным на 1999 г., около 6,8 млн из 11 млн населения Ферганской долины проживало в Узбекистане, при этом более 700 тыс. узбеков жили в южной Киргизии, 300 тыс. киргизов – в Узбекистане, 1,4 млн узбеков – в Таджикистане [Tabyshalieva, 1999, р. 23]. В результате несовпадения границ одни и те же группы получили либо статус титульной нации на своей территории либо статус меньшинства на территории другого государства. Общественно-политическая активность меньшинств зачастую объясняется подстрекательством к сепаратизму со стороны заинтересованных государств. Помимо этого, в долине насчитывается семь этнических эксклавов. Это киргизское село Барак, окруженнное узбекской территорией, и четыре узбекских и два таджикских эксклава в Киргизии [Baker, 2011]. Фактически границы до сих пор до конца «не поделены» и остаются объектом межгосударственных споров.

Также в Ферганской долине проживают казахи, турки-месхетинцы, татары, каракалпаки, уйгуры, украинцы, русские и другие этнические сообщества. Необходимо отметить, что послед-

няя перепись населения в Ферганской долине проходила в 1926 г., но и эта информация не достоверна в полной мере, так как при наличии института титульности и статуса меньшинства респонденты могли сознательно искажать данные о своей этнической принадлежности, чтобы получить доступ к привилегиям титульной группы [Абашин, 2004, с. 26].

Важной социальной характеристикой ферганского региона является его перенаселенность: плотность населения, по одним данным, достигает 450 человек на кв. м [Lubin, Martin, Rubin, 1999, р. 60], по другим – 350 [Данков, 2007, с. 132]. Это вызывает земельный и водный голод. Уровень безработицы в регионе в постсоветский период эксперты оценивают в 80% [Рашид, 2005].

Ослабление, а затем и крах советской власти привели, с одной стороны, к возникновению очагов конфликтности (в частности, в 1989 и 1990 г. произошли два крупных межэтнических столкновения – между узбеками и турками-месхетинцами и между киргизами и узбеками), а с другой – к восстановлению кланово-иерархической системы [Годы, которые изменили Центральную Азию, 2009, с. 103].

Политическое измерение исламской традиции

Страны ферганского кластера исторически имели сильную связь с исламом, и, как свидетельствуют эксперты, «вплоть до 1921 г. местное население Туркестанской республики на вопрос о национальности отвечало: "мусульманин"» [Олимов, 1991]. Советская политика официального атеизма привела к гонениям на религию по всей стране. В 1937–1938 гг. были репрессированы тысячи улемов и имамов, система исламского образования была практически упразднена, хотя по данным переписи 1937 г. абсолютное большинство граждан в регионах с мусульманским населением оставались верующими. Только с началом Великой Отечественной войны отношение власти к религии и религиозным организациям стало меняться. В частности, в 1943 г. было учреждено Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ), и в республиках появился «официальный ислам». В каждой из них было создано представительство САДУМ с казиями (старейшинами) [Образование ДУМ Средней Азии]. На народном уровне свои

позиции удерживал суфизм; мусульманские общины региона, ориентировавшиеся по традиции на своих шейхов, были децентрализованы и слабо связаны между собой.

Кроме того, в Ферганской долине, с ее традиционными духовными центрами, нелегально обучали «истинному» (неофициальному) исламу, что формировало базу для появления религиозной и политической оппозиции. С приближением распада СССР, когда начался общесоюзный процесс религиозного возрождения, в регионе появились исламские политические (исламистские) организации. Особенности ислама как религиозной системы [см.: Кудряшова, 2012, с. 158] способствовали взаимовлиянию религии и политики. Все основные формы политического присутствия ислама, на которые обращают внимание исследователи, проявились и в молодых центральноазиатских государствах (выступления мусульман, бросающих вызов «несправедливым правителям»; использование ислама государством в целях легитимации власти и консолидации общества; обращение к исламу в различных конфликтах для артикуляции интересов и идентичности групп) [Кудряшова, 2003, с. 89–91].

Среди основных факторов роста радикальных настроений исследователи называют сложную экономическую и социально-политическую ситуацию и соседство нестабильных стран [Абишева, Шаймергенов, 2006, с. 53]; саму радикализацию ислама они связывают с религиозными репрессиями и запретами, разрушением системы религиозного просвещения населения [Хаким, 2005, с. 33]. В 1990 г. представители мусульманских активистов Средней Азии участвовали в создании всесоюзной Исламской партии возрождения, которая после 1991 г. трансформировалась в Таджикистане в Партию исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) (позднее она стала единственной легальной исламской политической партией на постсоветском пространстве).

В 1991 г. в самом центре Ферганской долины, в Намангане, зародилось движение за мусульманское самоуправление под руководством Т. Юлдашева, которое привело к формированию ряда исламистских организаций и параллельных властных структур. В 1996 г. Юлдашев и Дж. Намангани организовали Исламское движение Узбекистана (ИДУ), выступавшее за создание исламского государства на территории Ферганской долины. В 1999 г. Юлдашев руководил вторжением боевиков с территории Афганистана

через Таджикистан в Баткенскую область Киргизии, намереваясь пройти в Узбекистан.

Еще одна радикальная религиозная группировка в регионе – «Хизб-ут-Тахрир» (Партия освобождения) сосредоточивает свою деятельность в основном на Узбекистане, но также действует на территории Киргизии и Таджикистана. Она имеет транснациональный характер и нацелена на осуществление всемирной исламской революции и создание халифата. В 2005 г. в Андижане произошло крупное выступление исламистского движения «Акромия», которое было подавлено силовыми методами. Проект создания «нового халифата» в Фергане подпитывают исторический опыт государственности и объективные трудности национального строительства. Как отмечают эксперты, буквализация священного, когда символ «уже не передает священного опыта, но сам становится опытом», позволяет подчинить священный текст различным политическим целям [Международная безопасность и проблемы терроризма, с. 59].

Существование социальной базы для подобных движений (в конце 1990-х годов, по мнению З. Тодуа, молитвы в отдельных мечетях Ферганской долины скорее напоминали политические собрания с обсуждением острых социальных проблем – клановости, коррупции, бедности [Тодуа, 2002]) предполагает их долговременность, а конфликты на Ближнем Востоке и в Афганистане усиливают радикальные настроения у части мусульман. ИДУ уже объявило о том, что присоединяется к запрещенной в РФ террористической организации «Исламское государство» [СНБ Узбекистана... 2015].

Этнокультурные размежевания в Киргизии

По официальным данным, киргизы составляют 72,8% населения страны (общее число жителей около 5,9 млн человек), узбеки – 14,5, русские – 6,2 (2015 г.) [Численность населения Кыргызской Республики]. Большая часть славянского населения сосредоточена в Бишкеке и Чуйской области (18–20% от общего числа жителей), узбекского – в Оше, Ошской, Джелал-Абадской и Баткенской областях (соответственно 43,7, 28,5, 25 и 14,7%) (2014 г.) [подсчитано по: Демографический ежегодник Кыргызской Республики, б.г. с. 101].

Определяющую роль в политической борьбе элитных групп играет клановая принадлежность. Жители страны традиционно

причисляют себя к одной из трех клановых групп, называемых «крыльями» [Годы, которые изменили Центральную Азию, 2009, с. 102]: правое крыло – «онг», левое крыло – «сол» и группировка «ичкилик», которая объединяет кланы кипчакского происхождения [Сариев, 2010]. Исторически северные и западные кланы складываются в левое крыло «сол», объединяя семь кланов. По мнению экспертов, историю Киргизии можно проследить по периодам правления кланов: например, клан бугу управлял в первые годы советского периода, после сталинских чисток 1930 г. ведущую роль перехватил другой северный клан – сары багыш, из которого впоследствии вышла команда Акаева и он сам [Годы, которые изменили Центральную Азию, 2009, с. 103]. Правое крыло «онг» замыкается на одном клане – адыгине, происходящем из южной части страны. Ичкилик также имеет сильную поддержку на юге.

Клановые расколы в значительной степени дополнены региональными различиями. Нахождение органов власти и крупных промышленных предприятий в Бишкеке делает его политическим и экономическим ядром, в то время как Ош, второй по величине город страны, ее «южная столица», испытывает значительные экономические трудности. Так, доли Бишкека, Чуйской области, Ошской области и города Ош в «промышленной части» ВВП достигали, соответственно, 37, 16, 9 и 3%. При национальном уровне бедности в 33,7% этот показатель для Бишкека составлял 8%, а для Ошской области – 42% [Regional socio-economic disparities... 2011]. Во многом это обусловлено тем, что киргизско-узбекская государственная граница отрезала от Оша его «внутренние районы», нарушив сложившиеся торгово-экономические связи.

Устойчивость клановых связей объясняется тем, что при слабых официальных институтах неформальные связи и договоренности на клановой основе представляются единственным доступным средством политической и социально-экономической коммуникации, что снижает транзакционные издержки при отсутствии стабильных ожиданий [Jonson, 2006, р. 131]. С другой стороны, политизация примордиальных идентичностей затрудняет достижение компромиссов.

Рассредоточение политизированных клановых группировок свидетельствует о том, что властный центр остается неконсолидированным. Смена представителей кланов во власти прямо отражается на политической стабильности. Например, в 2002 г. А. Бекназаров, в

то время председатель парламентского Комитета по судебно-правовым вопросам и законности, был арестован после критических замечаний в сторону власти. Его арест вызвал волну протестов в Джалал-Абадской области. Политическим результатом стала отставка правительства по решению тогдашнего президента А. Акаева.

В 2005 г. формальным поводом для «тюльпановой» революции стало недовольство оппозиции результатами выборов в парламент (Жогорку Кенеш) по нескольким одномандатным округам. После объявления результатов второго тура беспорядки охватили всю страну. На юге (в Ошской и Джалал-Абадской областях) стали возникать «народные советы». В этих условиях южанин К. Бакиев, занимавший в 2000–2002 гг. и в 2005 г. пост премьер-министра, был назначен исполняющим обязанности президента и премьера, а затем избран президентом Киргизии, набрав около 90% голосов.

Постоянное внесение Бакиевым поправок в Конституцию для расширения президентских полномочий, а также невыполнение обещаний, данных во время «тюльпановой» революции, привели к очередному витку общественно-политического недовольства. На парламентских выборах в 2007 г., в ходе которых были зафиксированы серьезные нарушения, пропрезидентская партия «Ак Жол» получила полный контроль над законодательной властью. Оппозиционные партии оказались не представленными. В 2009 г. Бакиев получил на выборах 76% голосов и вновь занял кресло президента.

В 2010 г. сложная социально-экономическая обстановка, недовольство семейственностью, непотизмом и коррупцией во власти, а также арестами ряда оппозиционных лидеров привели к массовым протестам, вооруженным столкновениям и в итоге к «пасхальной» революции. Беспорядки и вакуум власти спровоцировали новое обострение этнополитических противоречий, закончившееся кровавым конфликтом между узбеками и киргизами, прежде всего сторонниками Бакиева, в Джалал-Абадской области [см.: Rezvani, 2013, р. 68–69].

После второй революции правительство попыталось ослабить проявления межклановой борьбы и противоречия между этническими сегментами. Парламент рассмотрел и принял к действию новый рамочный документ по управлению этническим многообразием Киргизии при поддержке ОБСЕ [ОБСЕ оказывает содействие... 2011]. Помимо создания специального отдела межэтнического развития и религиозной политики в рамках аппарата

президента правительство озабочилось консолидацией общества: проект документа об укреплении национального единства был подготовлен с участием депутатов парламента и представителей общественных организаций и принят в 2013 г. под названием «Концепция укрепления единства народа и межэтнических отношений в Кыргызской Республике». Концепция сосредотачивает внимание на гражданском и политическом участии, языковой политике, поликультурном и полиязычном образовании, СМИ, а также на управлении межэтническими отношениями на уровне местных сообществ. В конце 2013 г. Совету Ассамблеи народа Кыргызстана, в которую входят различные общественные объединения, был придан статус консультативно-совещательного органа по взаимодействию государственных органов и этнокультурных центров в вопросах укрепления народного единства. В 2013–2014 гг. были изданы президентские указы по развитию государственного языка. Узбекский язык официального статуса не имеет.

В соответствии с новой конституцией (2010) в Киргизской Республике принята премьер-президентская система, в которой законодательную власть осуществляет однопалатный 120-местный Жогорку Кенеш. Премьер-министра номинирует партия (или коалиция), получившая 50% мест в парламенте. Ни одна партия не может, однако, получить в нем более 65 мандатов [Конституция Кыргызской Республики, 2010].

Парламент также принял поправки в Кодекс о выборах: «О выборах в органы местного самоуправления» и «Об избирательных комиссиях по проведению выборов и референдумов». Нововведениями стали система составления списков избирателей и возможность голосовать на любом избирательном участке вне зависимости от места прописки. Предусмотрены система предварительного ознакомления со списками и новая форма выпусков бюллетеней. В контексте контроля над этнокультурными расколами особенно важны следующие нововведения:

- кандидаты в президенты должны пройти специальную комиссию на знание государственного языка;
- увеличение представительства в парламенте граждан, представляющих различные этнические группы, до 30% (ранее 15%) [Кодекс Кыргызской Республики о выборах в Кыргызской Республике, 1999].

В конституции также прописано, что запрещаются «создание политических партий на религиозной, этнической основе, преследование религиозными объединениями политических целей» (ст. 4, п. 3). Для прохода в парламент установлен не только республиканский порог (7%), но и региональный (0,7%).

По результатам парламентских выборов 2010 г. правящая парламентская коалиция включала Социал-демократическую партию (СДПК) (26 мандатов), «Ар-Намыс» (25) и «Ата-Мекен» (28). В оппозиции находились партии «Ата-Журт» (18 мандатов) и «Республика» (23). В октябре 2014 г. произошло объединение двух оппозиционных партий. Новая структура получила название «Республика – Ата-Журт», в 2015 г. в нее вошла партия «За реформы». Лидером СДПК выступает действующий президент А. Атамбаев.

Анализ программ и позиций партий в регионах позволяет заключить, что законодательная власть в стране относительно диверсифицирована, однако только «Республика» концентрировала внимание на необходимости преодоления кланового формата политики. Преобладающее влияние партии имеют в основном либо на севере, либо на юге.

На момент написания статьи в Киргизии проходили очередные парламентские выборы (октябрь 2015 г.). Избирательная система осталась пропорциональной, голосование проводилось по закрытым партийным спискам в едином избирательном округе с двойным (см. выше) порогом [Промежуточный отчет, 2015]. ЦИК Киргизии зарегистрировал списки кандидатов 14 партий, состав которых соответствует требованиям о гендерной (не менее 30% женщин) и этнической квотах. Нововведением на предстоящих выборах стала биометрическая регистрация населения для снижения возможности манипуляций. По результатам выборов избирательный порог преодолели шесть партий: три прежних – СДПК (38 мандатов), «Республика – Ата-Журт» (28), «Ата-Мекен» (11) и три новых – «Кыргызстан» (18), «Онугуу-Прогресс» (13), «Бир-Бол» (12). Вариант списочного пропорционального представительства оказался оптимальным для политических реалий Киргизии. Преимущество системы заключается в увеличении возможности для этнокультурных групп быть представленными в парламенте за счет сбалансированных списков кандидатов. Неформальное закрепление кандидатов за участками позволяет преодолевать такую

серьезную проблему республики, как разрыв связи между избира-телями и депутатами.

Заключение

После революции 2010 г. правящие элиты Киргизии признали проблему этнокультурных расколов и продемонстрировали наличие политической воли, чтобы разработать и принять документы, направленные на предотвращение очередных межклановых и межэтнических конфликтов. Премьер-президентская система (такие системы менее подвержены кризисам, вызванным противостоянием законодательной и исполнительной ветвей власти [Харитонова, 2012, с. 207]), пропорциональная избирательная система с национальным и региональным порогами для партий, достаточно высокий избирательный порог, стимулирующий укрупнение партий, гендерные и этнические квоты в списках кандидатов способствуют политической консолидации общества. В политическом процессе не наблюдается однопартийное доминирование, но партии продолжают ориентироваться не на программы, а на лидеров. Курс на развитие киргизского языка и культуры (при статусе русского языка как официального и отсутствии статуса узбекского языка) можно рассматривать как гражданско-территориальный подход к национальному строительству с подключением этнокультурных меньшинств к общенациональным партиям через выделенные квоты.

Многие социально-экономические проблемы Киргизии (и через них – политические) способно решить ее участие в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). Это касается и модернизации экономики, и решения энергетической проблемы, и упорядочения трудовой миграции, и делимитации и демаркации границ с Таджикистаном и Узбекистаном.

Список литературы

Абашин С.Н. Население Ферганской долины (К становлению этнографической номенклатуры в конце XIX – начале XX века) // Ферганская долина: Этничность, этнические процессы, этнические конфликты / Отв. ред. С.Н. Абашин, В.И. Бушков. – М.: Наука, 2004. – С. 38–101.

- Абшиева М., Шаймергенов Т. Религиозно-политический экстремизм в странах Центральной Азии: анализ причин распространения // Центральная Азия и Кавказ. – Лулео, 2006. – № 6. – С. 50–64.
- Артыкбаев А.М. Геополитические процессы в Центральной Азии в эпоху глобализации. – Saarbrücken: LAP Lambert academic publishing, 2014. – 136 с.
- Бартольд В.В. Записка по вопросу об исторических взаимоотношениях турецких и иранских народностей Средней Азии. – Архив РАН, ф. 68. оп. 1, ед. хр. 85.
- Годы, которые изменили Центральную Азию / Центр стратегических и политических исследований Института востоковедения РАН. – М., 2009. – 332 с. – Режим доступа: http://old.iran.ru/attachments/122_central_asia_2009.pdf (Дата посещения: 12.09.2015.)
- Данков А. Ферганская долина: Проблемы обеспечения экономической стабильности // Центральная Азия и Кавказ. – Лулео, 2007. – № 2 (50). – С. 130–142.
- Демографический ежегодник Кыргызской Республики, 2009–2013. – Бишкек: Нацстатком Кырг. Респ., 2014. – 320 с. – Режим доступа: <http://www.stat.kg/media/publicationarchive/81ef7693-ab21-4b1d-b189-32679e693e15.pdf> (Дата посещения: 22.09.2015.)
- Кодекс Кыргызской Республики о выборах в Кыргызской Республике. – Бишкек, 1999. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/7?cl=ru-ru> (Дата посещения: 07.09.2015.)
- Конституция Кыргызской Республики. – Бишкек, 2010. – Режим доступа: <http://www.president.kg/ru/konstitutsija/> (Дата посещения: 03.09.2015.)
- Кудряшова И.В. Исламская цивилизационная доминанта и современное развитие мусульманских политий // Политическая наука / РАН. ИИОН. – М., 2003. – № 2. – С. 87–117.
- Кудряшова И.В. Политические изменения и трансформация идентичности в странах мусульманского Востока // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. – Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / Отв. ред. И.С. Семененко. – М.: РОССПЭН, 2012. – С. 155–184.
- Кудряшова И.В., Мелешикина Е.Ю. Этнические меньшинства и национальное строительство на постсоветском пространстве: к постановке исследовательской проблемы // Вестник МГИМО-Университета. – М., 2009. – № 2(5). – С. 45–55.
- Маркедонов С. Defacto государства постсоветского пространства // Научные тетради института Восточной Европы. – М., 2006. – Вып. 1: Непризнанные государства. – С. 13–27.
- Малышева Д.Б. Центральноазиатский узел мировой политики / РАН. ИМЭМО. – М., 2010. – 100 с.
- Масов Р.М. История исторической науки и историография социалистического строительства в Таджикистане. – Душанбе: Дониш, 1988. – 318 с.
- Международная безопасность и проблемы терроризма: Учеб. пособие / Отв. ред. А.Г. Володин, В.Н. Коновалов. – Ростов н/Д; М.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. – 144 с.
- Образование ДУМ Средней Азии (САДУМ) / ИД «Медина». – Нижний Новгород, 2009. – 30 марта. – Режим доступа: <http://www.idmedina.ru/ussr/?1113> (Дата посещения: 03.09.2015.)

Промежуточный отчет, 25 августа – 14 сентября 2015 / Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ. – 2015. – Режим доступа: <http://www.osce.org/ru/odihr/elections/kyrgyzstan/183071?download=true> (Дата посещения: 26.09.2015.)

Олимов М.В. Бартольд о национальном размежевании в Средней Азии // Восток. – М., 1991. – № 5. – С. 97–110.

ОБСЕ оказывает содействие разработке национальной стратегии по межэтническим отношениям Кыргызстана / ОБСЕ. – 2011. – 28 марта. – Режим доступа: <http://www.osce.org/ru/bishkek/76225> (Дата посещения: 10.09.2015.)

Рашид А. ИДУ постепенно развивается в движение, охватывающее всю Среднюю Азию // Eurasianet.org. – 2015. – 6 января. – Режим доступа: <http://russian.eurasianet.org/departments/insight/articles/eav040901ru.shtml> (Дата посещения: 07.09.2015.)

Сарiev M. Киргизия: Род или племя? // Русский репортер. – М., 2010. – № 14. – Режим доступа: http://www.rusrep.ru/2010/14/qa_sariev/ (Дата посещения: 12.09.2015.)

СНБ Узбекистана: Присоединиться к ИГИЛ «Исламское движение Узбекистана» вынудили финансовые проблемы // ИА Regnum. – Ташкент, 2015. – 19 февраля. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1897424.html> (Дата посещения: 23.08.2015.)

Тодуа З.Б. Исламская оппозиция в Узбекистане до и после начала антитеррористической операции в Афганистане // Институт социальных систем МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2002. – Апрель. – Режим доступа: http://niiss.ru/s_doc1_todua6.shtml (Дата посещения: 26.08.2015.)

Хаким А. Особенности религиозного мышления в Центральной Азии: необходимость комплексной модернизации // Центральная Азия и Кавказ. – Лулео, 2005. – № 1. – С. 30–40.

Харитонова О.Г. Президентство и демократия: Состояние дискуссии // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – № 3. – С. 199–213.

Численность населения Кыргызской Республики по национальностям, 2009–2015 гг. / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – Режим доступа: <http://www.stat.kg/ru/statistics/naselenie/> (Дата посещения: 28.09.2015.)

Baker N. The Ferghana Valley: A Soviet legacy faced with climate change: Type of habitat // ICE case studies. – 2011. – N 252, December. – Mode of access: <http://www1.american.edu/ted/ICE/ferghana.html> (Дата посещения: 02.09.2015.)

Crosston M. Fostering fundamentalism: Terrorism, democracy and American engagement in Central Asia. – Aldershot: Ashgate publishing, 2013. – 194 p.

Fierman W. The Soviet ‘transformation’ of Central Asia // Soviet Central Asia: The failed transformation / Ed. W. Fierman. – Boulder, CO: Westview press, 1991. – P. 11–35.

Horowitz D. Ethnic power-sharing: Three big problems // Journal of democracy. – Baltimore, MD, 2014. – Vol. 25, N 2. – P. 5–20.

Jonson L. Tajikistan in the new Central Asia: geopolitics, great power rivalry and radical Islam. – L.: I.B. Tauris, 2006. – 252 p.

Lubin N., Martin K., Rubin B. Calming the Ferghana Valley: Development and dialogue in the heart of Central Asia. – N.Y.: The Century foundation press, 1999. – 196 p.

Rashid A. They're only sleeping // The New Yorker. – N.Y., 2012. – Vol. 77, January 14. – P. 34–42.

Regional socio-economic disparities in Kyrgyzstan: Are they shrinking? // UNDP in Europe and Central Asia. – Bishkek, 2011. – 9 p. – Mode of access: http://europeandcis.undp.org/uploads/public1/files/vulnerability/Data%20bases/Fast%20facts/Kyrgyzstan%20regional%20fast%20facts_5_12_2011.pdf (Дата посещения: 20.03.2013.)

Rezvani B. Understanding and explaining the Kyrgyz–Uzbek interethnic conflict in Southern Kyrgyzstan // Anthropology of the Middle East. – N.Y., 2013. – Vol. 8, N 2. – P. 60–81.

Tabyshalieva A. The challenge of regional cooperation in Central Asia. – Washington, DC: U.S. Institute of peace, 1999. – 48 p.

А.В. ПОРОШИН*

**РОЛЬ ДОМИНАНТНОЙ ПАРТИИ
В РЕГУЛИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ:
ПРИМЕР МАЛАЙЗИИ**

Аннотация. В статье представлен анализ роли доминантной партии в регулировании этнических конфликтов в Малайзии. Руководствуясь теорией формирования режимов с доминантной партией в условиях гетерогенного общества, автор рассматривает случай этнической фрагментации и однопартийного доминирования в этой стране. Показано, что создание широкой политической коалиции с участием партий этнических меньшинств и включение их представителей в состав правительства удовлетворяют политические и экономические интересы последних, обеспечивая их лояльность режиму. Анализ сфокусирован на особенностях партийной системы и коалиционной политики, включая отношения власти и оппозиции.

Ключевые слова: этническая гетерогенность; режим с доминантной партией; доминантная партия; этнический конфликт; Малайзия.

**A.V. Poroshin
Dominant party's role in ethnic conflict management:
The case of Malaysia**

Abstract. The article analyzes the dominant party's role in ethnic conflict management in Malaysia. Guided by the theory of dominant party regime formation in conditions of high social heterogeneity, the author examines the case of ethnic fragmentation and single-party dominance in Malaysia. The article shows that the creation of a broad coalition with the participation of political parties of ethnic minorities and the inclusion of their representatives in the government meets the political and economic

* Порошин Александр Васильевич, аспирант департамента политической науки факультета социальных наук НИУ ВШЭ, e-mail: caunte@gmail.com

Poroshin Alexander, Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: caunte@gmail.com

interests of the latter, ensuring their loyalty to the regime. The analysis focuses on the characteristics of the party system and coalition politics, including the relations between government and opposition.

Keywords: ethnic heterogeneity; dominant party regime; dominant party; ethnic conflict; Malaysia.

Однопартийное доминирование получило распространение во многих странах в результате перехода к формированию власти на альтернативных выборах. Там, где одна и та же политическая сила систематически получает электоральное превосходство, происходит становление и воспроизведение однопартийного доминирования и формирование режима с доминантной партией¹.

Среди исследователей ведутся споры, является ли режим с доминантной партией в большей степени демократическим или авторитарным. Признаком демократии в данном случае выступает формирование власти в результате регулярных выборов на альтернативной основе, а авторитарной характеристикой – ослабление реальной политической конкуренции и отсутствие сменяемости власти на протяжении длительного времени.

В государствах с высоким уровнем этнической гетерогенности перед политической элитой встает необходимость консолидировать представителей разных этнических групп и обеспечить политическую целостность общества. Элиты, не справляющиеся с этими задачами, повышают риски утраты государственной состоятельности, подвергают государство опасности этнических конфликтов и распада.

Разделенность общества как основа формирования однопартийного доминирования

В разных странах применяются разнообразные механизмы для решения проблемы выраженной этнической гетерогенности и политической разобщенности. Один из таких механизмов – одно-

¹ В разное время режимы с доминантной партией функционировали или продолжают функционировать в Италии, Гамбии, Кении, Мексике, Сенегале, Японии, Либерии, Танзании, Малайзии, Южно-Африканской Республике, Тайване, Парагвае, Мозамбике, Швеции, Ботсване и других странах.

партийное доминирование, позволяющее предпринимать шаги, направленные на достижение национального единства: сглаживание межэтнических противоречий, предупреждение конфликтов между представителями различных этнических групп и обеспечение устойчивого согласия в обществе.

Условия формирования однопартийного доминирования в разных странах имеют национальную специфику. Вместе с тем исследователи полагают, что особенности генезиса режимов с доминантной партией во многом объясняются социальной структурой общества. Так, согласно теории С.М. Липсета и С. Рокканы, однопартийное доминирование проистекает из отсутствия значимых социальных расколов в обществе. В условиях существенного преобладания избирателей с одинаковыми социальными характеристиками и отсутствия сопоставимых с ними по численности представителей других социальных групп партия, отражающая интересы доминирующей части общества, регулярно побеждает на выборах, а другие партии не могут быть в полной мере конкурентоспособными в силу недостаточности своей социальной базы. Данная теория выглядит особенно достоверной в отношении режимов с доминантной партией в Африке [Липсет, Роккан, 2004].

Однако тот факт, что однопартийное доминирование существует в том числе в ряде стран с высоким уровнем этнической дифференциации, позволяет усомниться в этой теории. На объяснение подобных случаев однопартийного доминирования направлена теория, в рамках которой режим с доминантной партией основывается как раз на этническом многообразии общества. В этом случае доминантная партия помогает обеспечить консолидацию различных этнических групп и сгладить центробежные тенденции гетерогенного общества [Huntington, 1970, р. 10]. Данную теорию хорошо подтверждает практика режимов с доминантной партией в Малайзии и других мультиэтнических государствах.

Высокий уровень этнической дифференциации предполагает в обществе наличие выраженных расколов. Доминантная партия способна предложить и обеспечить устойчивое функционирование определенных политических механизмов, которые позволяют ослабить противоречия между конфликтующими группами. Такими механизмами могут быть варианты объединения представителей этнических групп в партийной структуре, либо в рамках фракций, либо в рамках включения партий, представляющих различные общности, в широ-

кую правящую коалицию. В случае Малайзии реализуется второй механизм, что позволяет снижать остроту этнических конфликтов.

Стратегия расширения возможностей участия в политическом процессе и управлении государством для представителей различных групп может реализовываться путем равномерного распределения благ между этническими общностями и поддержки их внутренней самооценки на приемлемом уровне. В итоге она должна приводить к формированию устойчивых стимулов к эффективному развитию экономики страны в рамках стабильной, устраивающей подавляющее большинство населения политической ситуации [Порошин, 2014, с. 240].

В связи с этим, как полагает Д. Горовиц [Horowitz, 1993, р. 25–27], именно умелая игра на стирании этнических противоречий через создание селективных стимулов для разных групп к совместному управлению в различных сферах жизни общества обеспечивает доминирующей партии широкое поле для маневра и предоставляет значительные возможности оставаться у власти на протяжении длительного времени в условиях функционирования демократических политических институтов. Другим политическим механизмом, направленным на сглаживание межэтнических противоречий, может выступать консociативная демократия [Лейпхарт, 1997], для применения которой необходимо относительное равенство групп по своей численности.

Политический процесс в Малайзии в условиях высокого уровня этнической фрагментации

Для Малайзии характерен достаточно высокий уровень этнической и религиозной дифференциации. В этническом разрезе малайцы составляют около 50,1% населения, китайцы – 22,6%,aborигены – 11,8%, индийцы – 6,7%. С точки зрения религиозной принадлежности мусульманами являются 61,3% населения, буддистами – 19,8%, христианами – 9,2%, индуистами – 6,3% [Malaysia, б.г.]. Исповедующие ислам малайцы – основная этническая группа в Малайзии¹.

¹ Согласно Конституции, ислам является государственной религией; иные религии могут практиковаться «в мире и согласии» в любой части страны.

Вместе с тем большая доля представителей других этносов свидетельствует о значительном уровне этнической гетерогенности. При этом представители этнических меньшинств не концентрируются в пределах определенных территорий, а достаточно равномерно рассеяны по разным штатам страны. Особенно высокий уровень этнического многообразия наблюдается в штатах Саравак и Сабах, где сопоставимую с преобладающим этносом численность имеют еще несколько этнических групп.

Высокий уровень этнической гетерогенности в Малайзии оказывает значительное влияние на политический процесс. Объединенная малайская национальная организация (ОМНО) является доминирующей политической силой в Малайзии на протяжении длительного времени. Созданная во время борьбы малайцев за независимость ОМНО во многом отражала национальные мотивы и имела прежде всего этнические корни формирования [Reid, 2010, р. 104].

Для внутриполитического процесса Малайзии характерны устойчивые размежевания по этническому признаку. Партии Малайзии этнически ориентированы и в первую очередь выражают интересы определенных этнических групп [Hicken, 2008, р. 83].

Применение мажоритарной избирательной системы регулярно приводит к формированию парламентского большинства ОМНО, при этом партия не правит в одиночку. Получая на выборах устойчивое большинство голосов, она вступает в коалицию с другими партиями. Ее главными союзниками выступают две партии, представляющие интересы двух других крупнейших этнических групп, – Малайзийская китайская ассоциация (МКА) и Малайский индийский конгресс (МИК). Также в коалицию регулярно включаются еще несколько партий.

Альянс партий, регулярно получающий устойчивое большинство мест в парламенте и удерживающий власть в стране на протяжении длительного времени, получил название «Национальный фронт». Это достаточно прочная структура, поэтому можно говорить не столько о коалиции независимых политических сил, сколько о протопартии, в которую входят разные фракции. Партии, входящие в правящую коалицию и на протяжении длительного времени удерживающие власть в стране, ведут скоординированные избирательные кампании и получают представительство в правительстве [Hicken, 2008, р. 75]. Хотя в коалицию входит дос-

таточно много партий, главной политической силой альянса остается ОМНО, а другие партии выступают ее младшими партнерами.

Хотя были случаи периодических изменений состава младших партнеров ОМНО, структура коалиции оставалась неизменной: центральная роль ОМНО как представителя малайцев при участии других партий. В последние десятилетия ее партнерами по мультиэтнической правящей коалиции выступали Китайская партия демократического действия и мусульманская Панмалайзийская исламская партия (ПИП).

При этом важно отметить, что традиция многопартийного правления достаточно устойчива и призвана сгладить межэтнические противоречия, в первую очередь между малайцами и китайцами (опыт столкновений между данными группами имел место в 1969 г., когда представительство МКА существенно уменьшилось).

Вместе с тем тот факт, что длительное время удерживающая власть в стране ОМНО не способна вырасти из этнически-ориентированной партии малайцев в общенациональную, т.е. стать привлекательной в том числе и для представителей других этнических групп, позволяет многим специалистам делать выводы о неудаче процесса формирования национального государства в Малайзии и о сохранении решающей роли фактора этнического национализма [Reid, 2010, р. 106]. Включение в правящую коалицию партий, представляющих интересы этнических меньшинств, во многом свидетельствует о сохранении достаточно высокой напряженности в отношениях между этническими группами.

Отчасти для снижения уровня межэтнической конфликтности в Малайзии установлена система ограниченного федерализма в отношениях между центром и штатами. Прежде всего, это помогает правящей коалиции эффективно использовать стратегию патронажа для завоевания поддержки со стороны избирателей на выборах, обеспечения удержания власти и укрепления легитимности режима [Case, 2007, р. 141]. Также этот механизм эффективен в условиях мультиэтничности правящей коалиции и необходимости поддержания межэтнического спокойствия. В этом контексте федеративные отношения между центральным правительством и правительствами штатов позволяют предоставить определенную автономию территориям, в то время как невысокий уровень самостоятельности штатов позволяет ОМНО обеспечивать политическую управляемость и сохранять устойчивое большинство в парла-

менте, а региональным элитам и ориентированным на этнические меньшинства партиям – иметь представительство в парламенте, входить в правительство, получать политические и экономические выгоды, сохранять лояльность к действующей власти и способствовать поддержанию низкого уровня конфликтности в обществе.

Стремление поддерживать социальную стабильность в условиях высокой этнической фрагментации находит отражение в официальных нормативных и стратегических документах. Например, во время пребывания М. Махатхира на посту премьер-министра (1981–2001) была разработана программа долгосрочного развития страны до 2020 г. В рамках этого документа в качестве одной из главных целей указывалось сохранение и укрепление национального единства. Принципами, которые должны обеспечить реализацию этой цели, выступали уважение к чужому мнению, политический плюрализм и политический климат, характеризующийся свободой выражения несогласия и критических оценок.

Одной из важных мер по обеспечению устойчивости режима и сохранению межэтнического спокойствия было принятие и реализация Акта внутренней безопасности 1960 г. Его утверждение обосновывалось стремлением воспрепятствовать подрывной деятельности и поддержать общественный порядок. В 1994 г. этот закон был использован для нейтрализации политической угрозы со стороны исламской организации «Darul Aqam», представлявшей собой массовое общественное движение со своей религиозно-просветительской и экономической инфраструктурой. Она была запрещена, а ее руководители арестованы. Эти действия носили репрессивный характер против оппозиции, но представители правящей коалиции оправдывали их необходимостью сохранения общественной сплоченности и предотвращения межэтнических конфликтов. В 2012 г. Акт был отменен, а вместо него был принят Закон о преступлениях против безопасности (Специальные меры), который должен применяться вместе с Уголовным кодексом. Практика превентивных задержаний без постановления суда была прекращена.

Стремление обеспечить устойчивую поддержку режима со стороны представителей разных этнических групп проявляется в том, что руководители партий, одновременно занимающие высшие государственные посты, в публичном пространстве выстраивают имидж не ортодоксальных сторонников традиционного ислама, а

более умеренных и прогрессивных исламских лидеров. К ним, например, относят бывшего премьер-министра и председателя ОМНО (до 2003 г.) М. Махатхира, а также заместителя премьер-министра с 1993 по 1998 г. А. Ибрагима [Othman, 2005, р. 126]. Первый критически высказывался о традиционалистском исламе, а второй помешал тему ислама в широкие рамки борьбы за экономическое развитие, овладение информацией и справедливость для женщин.

Правящая партия успешно использует случаи насилия в отношении китайцев в соседней Индонезии и формирует у этнических меньшинств страх межэтнического насилия в случае образования правительства без участия партий, представляющих интересы китайцев и индийцев [Neguanto, Mandal, 2005, р. 9]. Государственные каналы Малайзии подчеркивают контраст между политической стабильностью и гражданским согласием в своей стране и хаосом, восстаниями и убийствами в Индонезии.

Обеспечение устойчивости режима

На протяжении длительного времени Национальный фронт сохраняет власть в стране. ОМНО и другие партии, являющиеся постоянными участниками правящей коалиции, регулярно завоевывают большинство мест в парламенте и формируют правительство.

Ведущей оппозиционной политической силой является Панмалайзийская исламская партия. В условиях привлечения в правящую коалицию партий этнических меньшинств, которые удерживают симпатии большинства избирателей из числа представителей немалайских этносов, достаточно ожидаемым является тот факт, что оппозиция существующему режиму возникает прежде всего со стороны этнического большинства страны. Во многом это объясняется многочисленностью избирателей-малайцев по сравнению с этническими меньшинствами, а также более высоким уровнем недовольства политикой Национального фронта со стороны малайцев.

Формат широкой мультиэтнической правящей коалиции в первую очередь выгоден этническим меньшинствам, поскольку обеспечивает им постоянное участие в принятии политических решений и экономические выгоды. Удовлетворение интересов младших партнеров ОМНО служит сохранению их лояльности существующему режиму и предотвращению перехода на сторону

оппозиции. В связи с этим ПИП привлекает голоса малайцев, недовольных слишком большими уступками правящей партии по отношению к этническим меньшинствам и выступающих за первоочередное удовлетворение интересов этнического большинства.

На примере А. Ибрагима, ставшего заместителем М. Махатхира в правительстве, можно отметить еще один инструмент, применяемый ОМНО для поддержания устойчивости существующего режима. А. Ибрагим был одним из наиболее влиятельных религиозных и общественных деятелей в Малайзии, он занимался политикой и успешно конкурировал на выборах с представителями правящей коалиции. Его позиция по разным вопросам была авторитетной для большого числа граждан, в особенности для представителей исламского большинства, недовольных привилегиями меньшинств и выступающих против формирования правительства на основе широкой мультиэтнической коалиции.

М. Махатхир, осознавая потенциальную опасность пребывания А. Ибрагима вне правящей коалиции, добился его кооптации в структуру ОМНО и обеспечил его лояльность к существующему режиму [Milne, Mauzy, 2002, p. 85]. Этим он одновременно снизил оппозиционный потенциал ПИП, неформальным сторонником которой фактически являлся А. Ибрагим. В результате организация «Исламское молодежное движение Малайзии», президентом которой являлся А. Ибрагим, после вступления ее лидера в ОМНО получила больше возможностей оказывать влияние на принятие решений, однако вместе с тем утратила значительную часть своей самостоятельности, оказавшись вынужденной согласовывать свои позиции с другими участниками правящей коалиции.

Включение в правящую коалицию партий, представляющих интересы этнических меньшинств, значительно ограничивает возможности оппозиции и способствует сохранению авторитарных тенденций. Будучи не вовлеченными в правящий альянс, партии этнических меньшинств могли бы представлять значимую угрозу политической стабильности, однако их участие в Национальном фронте в качестве младших партнеров ОМНО удовлетворяет интересы китайских и индийских политических элит и представляемых ими избирателей и не обеспечивает им значимых стимулов для перехода на сторону оппозиции. Эти действия соответствуют общей логике выживания недемократических режимов с доминантной партией в том смысле, что для обеспечения устойчивости

режима и поддержания политического равновесия необходима кооптация потенциальной оппозиции [Харитонова, 2012, с. 12].

Таким образом, существование широкой правящей коалиции имеет своей целью не только ослабление межэтнической напряженности, но и воспроизведение политического доминирования Национального фронта.

Список литературы

- Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 287 с.
- Липсет С.М., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2004. – № 4. – С. 204–234.
- Порошин А.В. Режим с доминантной партией как перспектива политической трансформации посткоммунистических государств // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2014. – № 3. – С. 232–248.
- Харитонова О.Г. Недемократические политические режимы // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – № 3. – С. 9–30.
- Case W. Semi-democracy and minimalist federalism in Malaysia // Federalism in Asia / He B., Galligan B., Inoguchi T. (eds.). – Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing, 2007. – P. 124–143.
- Heryanto A., Mandal S.K. Challenges to authoritarianism in Indonesia and Malaysia // Challenging authoritarianism in Southeast Asia: Comparing Indonesia and Malaysia / Heryanto A., Mandal S.K. (eds.). – N.Y.: Routledge, 2005. – P. 1–23.
- Hicken A. Political engineering and party regulation in Southeast Asia // Political parties in conflict-prone societies: Regulation, engineering and democratic development / Reilly B., Nordlund P. (eds.). – Tokyo: United nations univ. press, 2008. – P. 69–94.
- Horowitz D.L. Democracy in divided societies // Journal of democracy. – Baltimore, MD, 1993. – Vol. 4, N 4. – P. 18–38.
- Huntington S.P. Social and institutional dynamics of one-party systems // Authoritarian politics in modern society: The dynamics of established one-party systems / Huntington S.P., Moore C.H. (eds.). – N.Y.: Basic Books, 1970. – P. 3–47.
- Malaysia // CIA World factbook. – Washington, D.C. – Mode of access: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/my.html> (Дата посещения: 06.09.2015.)
- Milne R.S., Mauzy D.K. Malaysian politics under Mahathir. – N.Y.: Routledge, 2002. – 225 p.
- Othman N. Islamization and democratization in Malaysia in regional and global contexts // Challenging authoritarianism in Southeast Asia: Comparing Indonesia and Malaysia / Heryanto A., Mandal S.K. (eds.). – N.Y.: Routledge, 2005. – P. 117–143.
- Reid A. Imperial alchemy: Nationalism and political identity in Southeast Asia. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2010. – 248 p.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

Е.А. ДЕМЕНТЬЕВ, А.В. ГРИШИН*

ОБЗОР ЖУРНАЛА «JOURNAL OF PEACE RESEARCH»

Journal of peace research. – Oslo, 2015. – Vol. 52, N 1–5.

«Journal of peace research» – один из старейших научных междисциплинарных журналов, посвященных исследованию вопросов мира. Основанный в 1964 г. норвежским социологом Юханом Галтунгом, «Журнал исследования проблем мира» в 2014 г. отпраздновал свой полувековой юбилей. По данным Web of science journal citation reports, журнал занял пятое место среди журналов, посвященных международным отношениям, и шестое – среди политологических журналов, а в списке SCImago Journal Rank (SJR) и вовсе стал первым среди 380 журналов по политологии и международным отношениям. С 1998 г. журнал издается раз в два месяца. Главным редактором на сегодняшний день является Хенрик Урдал, старший научный сотрудник норвежского Института исследования проблем мира в Осло.

Первая статья январского номера (*Colgan J.D. Oil, domestic conflict, and opportunities for democratization*) посвящена изучению «ресурсного проклятия». Автор указывает на противоречие, кото-

* **Дементьев Егор Александрович**, магистрант программы «Политическая экспертиза и GR-стратегии» МГИМО МИД России, e-mail: dementiev.egor@mail.ru; **Гришин Антон Владимирович**, магистрант программы «Политическая экспертиза и GR-стратегии» МГИМО МИД России, e-mail: avgri511@gmail.com

Dementev Egor, Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: dementiev.egor@mail.ru; **GrishinAnton**, Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: avgri511@gmail.com

рое существует в литературе: с одной стороны, в богатых ресурсами странах чаще случаются гражданские войны, с другой – там более устойчивы авторитарные режимы. На основе анализа недемократических режимов в период с 1946 по 2004 г. авторы не подтверждают широко распространенное мнение о том, что большие запасы нефти в стране препятствуют ее демократизации. Они приходят к выводу, что доходы от нефти тормозят развитие демократии только в случае внутренних вооруженных конфликтов.

Следующая статья также содержит анализ недемократических режимов (*Soest C. Not all dictators are equal: Coups, fraudulent elections, and the selective targeting of democratic sanctions*). Изучая санкции США и ЕС против авторитарных режимов (1990–2010), автор отмечает, что причиной их введения в большинстве случаев стало значимое событие – к примеру, государственный переворот, свидетельствующий о нарушении демократических прав и прав человека. Как правило, санкции нацелены на более уязвимые страны, нежели на стабильные авторитарные режимы, менее интегрированные в глобальную экономику и проводящие политику, идущую вразрез с целями западных стран.

Линдсей Хегер (*Heger L. Votes and violence: Pursuing terrorism while navigating politics*) исследует связь между насилием и политическим участием. Автор проанализировал деятельность вооруженных группировок и пришел к выводу, что повстанцы менее склонны к насилию против мирного населения, если сами принимают участие в политическом процессе, в частности участвуют в демократических выборах.

Статья Т. Кригера и Д. Мейирикса (*Krieger T., Meierrieks D. The rise of capitalism and the roots of anti-American terrorism*) посвящена изучению влияния капитализма на антиамериканский терроризм. Гипотеза о том, что подъем капитализма в стране приводит к антиамериканским настроениям, верна только в том случае, если под капитализмом понимается его социально-рыночная составляющая. Если же капитализм понимается в классическом стиле (внешняя экономическая открытость и минимальное регулирование экономики), данная гипотеза подтверждения не находит. Поэтому источником антиамериканского терроризма не становятся страны со схожей с американской рыночной экономикой.

Б. Филлипс (*Phillips B.J. Enemies with benefits? Violent rivalry and terrorist group longevity*) ставит под сомнение целесообраз-

ность стратегии правительства, намеренно стремящихся столкнуть между собой различные террористические группы. Изучив деятельность террористических организаций с 1987 по 2005 г., автор приходит к выводу, что такие вооруженные противоборства лишь увеличивают стойкость этих группировок и продолжительность их существования.

С. Гиллесунд (*Hillesund S. A dangerous discrepancy: Testing the micro-dynamics of horizont aline quality on Palestinian support for armed resistance*) задается вопросом о том, какие факторы приводят к увеличению поддержки жителями насилиственных действий. Политолог исследует поддержку палестинцами вооруженного сопротивления в Газе и на Западном берегу реки Иордан и обнаруживает прямо пропорциональную связь между степенью горизонтального неравенства и уровнем поддержки, оказываемой повстанцам.

А. Де Жуан и А. Бэнк (*De Juan A., Bank A. The Ba'athist black-out? Selective goods provision and political violence in the Syrian civil war*) рассматривают роль патрон-клиентских связей в развитии конфликтов. Изучая сирийский конфликт, они приходят к выводу, что избирательное распределение ресурсов, в частности доступ к электроэнергии в определенных районах, приводит к уменьшению поддержки жителями привилегированных районов сопротивления режиму.

Статья И. Салехяна (*Salehyan I. Best practices in the collection of conflict data*) представляет собой методическую инструкцию по сбору и обработке данных по конфликтам, которая включает шесть правил: 1) прозрачность и систематичность в выборе источников информации; 2) внимательное отношение к пропущенным фактам; 3) учет возможной предвзятости источников; 4) точность при переводе данных в числовые показатели; 5) использование компьютерных методов при обработке больших массивов данных; 6) открытие доступа к первичной информации.

Авторы следующей статьи (*Socially relevant ethnic groups, ethnic structure, and AMAR / Birnir J.K., Wilkenfeld J., Fearon J.D., Laitin D.D., Gurr T.R., Brancati D., Saideman S.M., Pate A., Hultquist A.S.*) изучают этнические конфликты. Указывая на ограниченность и определенную необъективность выборки в существующих проектах, в частности в проекте «Меньшинства на стадии риска», политологи предпринимают попытку разработать собственный список «общественно значимых» этнических групп.

Авторы пяти следующих статей анализируют методические проблемы сбора и анализа данных о вооруженных конфликтах. Пол Хенсел и Сара Мак Лафлин Митчелл (*Hensel P.R., Mc Laughlin Mitchell S. Lessons from the Issue Correlates of War (ICOW) project*) на основе проекта «Корреляты войны» показывают необходимость обращения к широкому кругу источников при сборе данных о конфликтах. Ж. Крётц (*Kreutz J. The war that wasn't there: Managing unclear cases in conflict data*) обращается к проблемам выбора негативных казусов, не приведших к конфликтам. Авторы следующей статьи (*Weidmann N.B., Rød E.G. Making uncertainty explicit: Separating reports and events in the coding of violence and contention*) показывают, что первичная информация из репортажей СМИ может быть противоречивой. Д. Дей, Д. Пинкни и Э. Ченовет (*Day J., Pinckney J., Chenoweth E. Collecting data on nonviolent action: Lessons learned and ways forward*) рассказывают о проблемах сбора информации о ненасильственном сопротивлении. Исследователю необходимо различать отсутствие насилия и ненасильственное поведение и понимать, что СМИ уделяют больше внимания действиям с применением насилия. Авторы следующей статьи (*Asal V., Cousins K., Gleditsch K.S. Making ends meet: Combining organizational data in contentious politics*) обращаются к проблеме эффективного сочетания данных из различных баз данных и предлагают создать новую базу данных, включающую ненасильственные действия.

Мартовский номер журнала открывает статья К. Хендрикса и С. Хаггарда (*Hendrix C.S., Haggard S. Global food prices, regime type, and urban unrest in the developing world*). Авторы исследуют связь между ростом цен на продукты питания и числом массовых выступлений против властей, отмечая, что при демократиях корреляция между ними в городах выше, чем при автократиях.

В статье А. Йелеса (*Yeeles A. Weathering unrest: The ecology of urban social disturbances in Africa and Asia*) рассматривается связь между погодными явлениями и протестным потенциалом. Автор приходит к выводу, что между жаркими температурами и массовыми выступлениями обнаруживается связь, но в большей степени нелинейная.

В следующей статье (*Butcher C. 'Capital punishment': Bargaining and the geography of civil war*) Ч. Бутчер заключает, что при асимметричных конфликтах столкновения происходят на удалении от столицы государства, при биполярных конфликтах – относительно

недалеко от нее, при мультиполлярных конфликтах – совсем близко к столичным городам.

В исследовании С. Мак Лафлин Митчелл и Н. Завахри (*McLaughlin Mitchell S., Zawahri N.A. The effectiveness of treaty design in addressing water disputes*) рассматриваются положения договоров о международных реках и проверяется эффективность договоров о разрешении водных конфликтов. Эмпирический анализ показал, что при обмене информацией и включении в договор положений, обеспечивающих его соблюдение, можно решить вопрос об использовании международных рек с помощью переговоров, избежав тем самым милитаризации претензий.

Следующая статья (*Rapport A. Military power and political objectives in armed interventions*) посвящена влиянию преследуемых целей на уровень насилия в конфликтах. Изучив 170 вооруженных конфликтов с 1945 по 2001 г. автор пришел к выводу, что уровень насилия будет ниже, во-первых, в политических конфликтах (по сравнению с территориальными), а во-вторых, в конфликтах со слабыми участниками.

Предметом исследования Э. Кисангани и Д. Пикеринга (*Kisangani E.F., Pickering J. Soldiers and development aid: Military intervention and foreign aid flows*) является связь между военными интервенциями и иностранной финансовой помощью. Изучив данные по 120 странам-реципиентам в период с 1960 по 2004 г., авторы пришли к выводу, что объемы помощи от стран-доноров, входящих в Комитет по содействию развитию ОЭСР, значительно возрастают, если хотя бы одна или несколько стран отправляют свой военный контингент для поддержки правительства страны-реципиента, и снижаются при выводе войск.

Авторы следующей работы (*Stojek S.M., Chacha M. Adding trade to the equation: Multilevel modeling of biased civil war interventions*) изучают причины, побуждающие третью сторону вмешаться в гражданскую войну в другом государстве. Используя метод многоуровневого моделирования, политологи заключают, что торговые связи, подобно ситуациям со стратегическими альянсами, способствуют вмешательству именно на стороне правительства, а не оппозиции.

Завершающая выпуск статья (*Ruhe C. Anticipating mediated talks: Predicting the timing of mediation with disaggregated conflict dynamics*) посвящена изучению возможности урегулирования кон-

фликта посредническим путем. Автор отмечает, что главным индикатором наличия окна возможностей для посреднических усилий является интенсивность конфликта.

В мае вышел специальный выпуск, посвященный изучению связи между современными коммуникационными технологиями и политическими конфликтами, о чём рассказывает во введении Н. Вейдманн (*Weidmann N.B. Communication, technology, and political conflict: Introduction to the special issue*).

В работе Ч. Кребтри, Д. Дермофела и Х. Керна (*Crabtree C., Darmofal D., Kern H.L. A spatial analysis of the impact of West German television on protest mobilization during the East German revolution*) изучается роль коммуникационных технологий в прошлом. Авторы исследуют влияние западногерманского телевидения на протестную мобилизацию во время революции в Восточной Германии. Статья опровергает широко распространенное мнение о том, что именно телевидение Западной Германии было основным механизмом координации действий протестующих. В связи с этим авторы ставят под сомнение заявления о серьезном мобилизационном эффекте, производимом коммуникационными технологиями при коллективных действиях во время революций.

В следующей статье политолог Н. Вейдманн (*Weidmann N.B. Communication networks and the transnational spread of ethnic conflict*) рассматривает механизмы трансграничного распространения конфликтов. Он приходит к выводу о том, что начало внутреннего этнического конфликта в стране, имеющей тесные коммуникационные связи с другим государством, значительно увеличивает вероятность вспышки этнического насилия в государстве-партнере.

Т.К. Уоррен (*Warren T.C. Explosive connections? Mass media, social media, and the geography of collective violence in African states*) поднимает вопрос о влиянии информационно-коммуникационных технологий на возникновение насильственных протестов в африканских странах. Сопоставив данные 24 африканских государств, автор показывает, что различные технологии оказывают разное влияние на общество. Централизованные СМИ способствуют установлению вертикальных связей между государством и обществом и оказывают успокаивающее действие на граждан, стабилизируя обстановку. Социальные СМИ активизируют горизонтальные связи между членами общества и увеличивают число коллективных протестов с применением насилия.

Пятая статья номера (*Shapiro J.N., Siegel D.A. Coordination and security: How mobile communications affect in insurgency*) посвящена изучению влияния мобильной связи на ход конфликтов. Авторы показывают, что мобильные технологии могут способствовать как росту насилия, так и его снижению. Так, мобильные коммуникации позволяют протестующим эффективно стимулировать коллективные действия, но, с другой стороны, помогают гражданам, поддерживающим правительство, координировать свои действия с силами безопасности, позволяя последним быстро подавлять действия повстанцев.

Шестая статья номера, автором которой является Кэтти Сноу Баилард (*Snow Bailard K. Ethnic conflict goes mobile: Mobile's technology's effect on the opportunities and motivations for violent collective action*), посвящена тому, как доступность мобильных телефонов влияет на возможность возникновения этнических конфликтов. Исследование не смогло однозначно подтвердить поставленные гипотезы, поэтому автор делает вывод о необходимости дальнейшего изучения связи между этими переменными.

Э. Род и Н. Вейдман (*Rod E.G., Weidmann N.B. Empowering activists or autocrats? The Internet in authoritarian regimes*) пытаются понять роль информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) в современном мире и приходят к выводу, что ИКТ могут быть эффективным орудием в руках диктаторов, а также делают заключение, что Интернет, по крайней мере за последние 20 лет, не стал инструментом продвижения демократии.

А. Годс (*Gohdes A.R. Pulling the plug: Network disruptions and violence in civil conflict*) рассматривает, что происходит, когда правительство отключает в стране Интернет, лишая протестующих доступа к современным средствам массовой коммуникации. Автор утверждает, что отключение Интернета является эффективным способом борьбы с оппозицией, если используется совместно с другими репрессивными мерами.

Т. Зеиткофф, Дж. Келли и Г. Лотан (*Zeitkoff T., Kelly J., Lotan G. Using social media to measure foreign policy dynamics: An empirical analysis of the Iranian-Israeli confrontation (2012–2013)*) на основе анализа массива данных из социальных сетей и блогов делают вывод о том, что дискуссии в социальных сетях отражают наиболее заметные внешнеполитические противоречия.

Искажения при подаче информации со стороны СМИ в период конфликтов стали темой следующей статьи, авторы которой,

Ю. Жуков и М. Баум, анализируют данный феномен на примере освещения конфликта в Ливии в 2011 г. (*Baum M.A., Zhukov Y.M. Filtering revolution: Reporting bias in international newspaper coverage of the Libyan civil war*). Авторы делают предположение, что в демократических режимах СМИ стараются подробно освещать крупномасштабные, драматические события, а в случае ограничения свободы СМИ освещение становится более тенденциозным.

А. Дафо и Дж. Лаял (*Dafoe A., Lyall J. From cell phones to conflict? Reflections on the emerging ICT-political conflict research agenda*) подводят итог научной дискуссии, проходившей на страницах данного номера. Они отмечают, что ИКТ меняют саму сущность политического конфликта, предоставляя самые разные возможности, начиная от мобилизации масс и заканчивая слежкой за повстанцами. Авторы подчеркивают, что для проведения более качественных исследований ИКТ в политическом контексте необходимо создание качественной теории, которая позволит определить стандарты отбора и проверки доказательств, методы отбора статистических моделей, а также способы обобщения информации. Авторы рассматривают ошибки измерения при установлении взаимосвязи между зоной покрытия сотовой сети и политическим конфликтом, а также показывают, что статистические выводы зависят от времени и места событий.

В первой статье **июльского номера** журнала Р. Инглхарт с коллегами (*Inglehart R.F., Puranen B., Welzel C. Declining willingness to fight for one's country: The individual-level basis of the long peace*) анализирует основания сохранения мира на Земле. Согласно теории демократического мира, отсутствие крупных войн между основными державами объясняется распространением демократии. Теория капиталистического мира предполагает, что отсутствию войн способствует развитие международной торговли и появление экономики знаний. По мнению авторов, культурные факторы способствуют уменьшению количества конфликтов в мире. Изучая опросы общественного мнения за последние 30 лет, авторы делают вывод, что межгосударственный мир также объясняется историей, – негативный опыт других стран снижает желание воевать.

Э. Бауш (*Bausch A.W. Democracy, war effort, and the systemic democratic peace*), используя агентский подход, а также теорию селектората, объясняет на микроуровне основы сложившегося демократического мира. Автор показывает, что между количеством

демократических режимов и количеством конфликтов нет линейной корреляции: до определенного порога количество конфликтов слабо коррелирует с количеством демократических стран, а после его преодоления действительно уменьшается.

Д. Пексен и Б. Сон рассматривают финансовые и экономические последствия введения экономических санкций против отдельно взятой страны (*Peksen D., Son B. Economic coercion and currency crises in target countries*). Авторы утверждают, что экономические санкции могут привести к валютному кризису, который по своей сути является основным ограничителем экономического роста и процветания. Авторская гипотеза подтверждена результатами анализа кросснациональных данных за 1970–2005 гг.

Структурные теории международного мира исходят из того, что внешняя политика демократических государств направлена на достижение мира, так как на лиц, принимающих решения, оказывает воздействие электорат (народная парадигма) или другие государственные структуры (элитарная парадигма). Д. Джоши, Дж. Малой и Т. Питерсон (*Joshi D.K., Maloy J.S., Peterson T.M. Popular vs. Elite democratic structures and international peace*) изучают именно «народную» парадигму. Авторы разработали Индекс институциональной демократии (ИИД), с помощью которого можно проследить предрасположенность различных типов демократий к конфликту. Основным выводом данного исследования стал тезис о том, что демократические режимы с большим народным участием более миролюбивы.

Я. Тир и Ш. Сингх (*Tir J., Singh S.P. Get off my lawn: Territorial civil wars and subsequent social intolerance in the public*), пользуясь данными Всемирного обзора ценностей и базой данных конфликтов Уппсальского университета, показывают, что территориальные конфликты приводят к большей социальной нетерпимости, чем другие типы конфликтов.

А. Зеллман (*Zellman A. Framing consensus: Evaluating the narrative specificity of territorial indivisibility*) выдвигает гипотезу о том, что консенсусная мобилизация в ходе конфликта зависит от того, какие именно нарративы для ее обоснования используют элиты. Автор провел исследование в Израиле и продемонстрировал политические последствия риторики элит по вопросам территориального единства.

Авторы следующего исследования (*Rider T.J., Owsiak A.P. Border settlement, commitment problems and the causes of contiguous*

rivalry) отмечают, что в современной науке много внимания уделено механизму возникновения конфликтов между граничащими друг с другом государствами, но мало объясняется, почему между одними государствами возникает конфликт, а между другими – нет. Т. Райдер и Э. Оусиак считают, что конфликты возникают только из-за определенного типа территории. Авторы выстраивают следующую логическую цепочку: странам трудно прийти к соглашению, которое нелегко будет соблюдать в дальнейшем из-за того, что предмет договора, особенно важная территория, находится в сфере их жизненно важных интересов, а любые уступки будут усиливать переговорную позицию оппонента. Следовательно, неготовность заключить соглашение ведет к тому, что переговоры, скорее всего, провалятся и начнется открытое противостояние.

Дж. Мошер (*Mosher J.S. Speed of retaliation and international cooperation*) отмечает, что многие взаимодействия в международных отношениях построены по тому же принципу, что и дилемма заключенного – в обеих ситуациях у игроков имеются стимулы как к сотрудничеству, так и к предательству.

В статье Т. Питерсона и П. Уолленстайна (*Petterson T., Wallensteen P. Armed conflicts, 1946–2014*) представлен анализ конфликтов 2014 г. из базы данных Уппсальского университета. Авторы отмечают, что несмотря на увеличение числа конфликтов по сравнению с 2013 г., количество мирных договоров, заключенных в 2014 г., возросло до 10.

В последней статье номера М. Джоши, Дж. Майкл Квинн и П. Реган (*Joshi M., Quinn J.M., Regan P.M. Annualized implementation data on comprehensive intrastate peace accords, 1989–2012*) представляют матричную базу данных исполнения мирных соглашений. Авторы изучили 34 мирных соглашения, проследив, как они соблюдались после подписания, и сделали вывод о том, реализация каких положений мирного договора способствует урегулированию конфликта.

Сентябрьский номер журнала посвящен анализу внутрисоударственных конфликтов и связанного с ними насилия. В статье А. Беллами (*Bellamy A.J. When states go bad: The termination of state perpetrated mass killing*) изучается процесс прекращения массового насилия внутри государства. Автор рассматривает случаи массового внутригосударственного насилия в период с 1945 г. и приходит к выводу, что около половины случаев применения насилия внутри страны заканчивается только по решению политиче-

ских элит, отдавших приказ к его осуществлению. Наиболее важно заключительное положение автора о том, что политический курс, наиболее отвечающий нормам морали, а именно гуманитарная интервенция, не способствует спасению человеческих жизней.

Х. Булутгил исследовал данные об этнических чистках в Европе в XX в. (*Bulutgil H.Z. Social cleavages, wartime experience, and ethnic cleansing in Europe*). Автор считает, что этнические чистки в корне отличаются по своему характеру от гражданского насилия или массовых убийств, мотивированных неэтническими причинами. Основными выводами исследования стали положение о том, что наличие социальных расколов в обществе способствует снижению риска проведения этнических чисток, и наблюдение, что этнические чистки лучше объясняются через особенности психологии участников боевых действий.

К. Накао (*Nakao K. Expansion of rebellion: From periphery to heartland*) разработал модель конфликта между гегемоном (правительством) и его оппонентами (группами повстанцев). Автор показывает, что совместное выступление всех оппозиционных сил возможно в том случае, когда они относительно гомогенны. Последовательные выступления против правительства наиболее характерны в случаях, когда хотя бы одна из гетерогенных повстанческих групп фактически провоцирует эффект домино, демонстрируя очевидную слабость правительства.

А. Голдсмит (*Goldsmith A.A. Elections and civil violence in new multiparty regimes: Evidence from Africa*) исследует изменения уровня насилия в странах Африки в период выборов. Автор выделяет три возможных варианта соотношения уровня насилия в период выборов: 1) сохраняется на стандартном уровне; 2) выше, чем обычно; 3) относительно низок. Автор делает вывод, что на практике не имеет смысла отказываться от проведения выборов для того, чтобы избежать социального конфликта, хотя в ряде стран такая стратегия может оказаться эффективной.

К. Клаус и М. Митчелл изучают на примере Кот-д'Ивуара и Кении, каким образом политикам удается мобилизовать своих сторонников на применение насилия (*Klaus K., Mitchell M.I. Land grievances and the mobilization of electoral violence: Evidence from Côte d'Ivoire and Kenya*). По мнению авторов, насилие во время выборов может возникать вследствие риторики и действий конкурирующих политических лидеров. Авторы приходят к выводу, что

споры о землевладении не будут провоцировать насилие в период выборов, если выборы не воспринимаются избирателем как шанс расширить или, наоборот, утратить свои земли.

Дж. Хоигилт (*Hoigilt J. Non-violent between a rock and a hard place: Popular resistance and double repression in the West Bank*) рассматривает феномен молодежного движения палестинских политических активистов, проживающих на Западном берегу реки Иордан, и объясняет, почему репрессивные меры со стороны Израиля не ведут к их демобилизации. По мнению автора, политические активисты выступают против оккупации со стороны Израиля, одновременно критикуя руководство ПНА. Тем не менее данное молодежное движение не способно обеспечить широкую мобилизацию участников без поддержки со стороны руководства ПНА.

В статье, посвященной методологическим проблемам прогнозирования государственной несостоятельности, Раян Кеннеди (*Kennedy R. Making useful conflict predictions: Methods for addressing skewed classes and implementing case-sensitive learning in the study of state failure*) показывает, что исследования государственной несостоятельности не позволяют прогнозировать риск распада государства, поэтому вопрос требует дальнейшего изучения.

Восьмая статья номера посвящена анализу модели вступления государства во внешнеполитический союз. Дж. Джонсон (*Johnson J.C. The cost of security: Foreign policy concessions and military alliances*) создал модель, оценивающую возможные уступки со стороны государства-кандидата, на которые оно готово пойти ради дополнительных гарантий безопасности.

В последней статье сентябрьского номера М. Ди Джузеппе (*Di Giuseppe M. Guns, butter, and debt: Sovereign creditworthiness and military expenditure*) утверждает, что доступ к государственным кредитам дает возможность правительствам больше инвестировать в оборонную сферу, так как получение государственных займов позволяет лидерам смягчать социальные последствия повышения расходов на оборону. Автор сделал следующие выводы: во-первых, между кредитоспособностью государства и уровнем расходов на оборону существует положительная корреляция; во-вторых, кредитоспособность оказывает влияние на сферу безопасности, так как ухудшение условий предоставления кредита лишает государство возможности направлять дополнительные ассигнования в оборонную сферу.

И.В. ДМИТРИЕВ*

**ОБЗОР ЖУРНАЛА
«CONFLICT MANAGEMENT AND PEACE SCIENCE»**

Conflict management and peace science. – Philadelphia, PA,
2015. – Vol. 32, N 1–4.

«Conflict management and peace science» – американский рецензируемый журнал, выпускаемый пять раз в год. В нем публикуются результаты научных исследований по вопросам урегулирования международных конфликтов, гонки вооружений, принятия политico-управленческих решений в сфере внешней политики, международного посредничества, приложения теории игр к разрешению конфликтов и другим связанным с данной предметной областью темам. Редакционную коллегию журнала возглавляет профессор политологии Геттисбергского колледжа Кэролайн Хартцелл, почетным редактором является профессор политологии Университета штата Пенсильвания Гленн Палмер. Вашему вниманию предлагается обзор номеров журнала за 2015 г.

Открывает первый номер журнала (февраль 2015 г.) вводная статья Пола Диля и Патрика Ригана (*Diehl P., Regan P. The interdependence of conflict management attempts*), объясняющая подход, лежащий в основе составления специального выпуска. Обычно способы и попытки урегулирования конфликтов изучаются по от-

***Дмитриев Иван Витальевич**, студент 4 курса отделения «Политическая экспертиза, региональная политика и сравнительная политология» факультета политологии МГИМО МИД России, e-mail: ivandmitriev@live.ru

Dmitriev Ivan, Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: ivandmitriev@live.ru

дельности, во временном и пространственном отрыве от других попыток. Пять основных статей выпуска написаны в другом ключе – в них предлагаются варианты изучения мирного урегулирования с учетом взаимосвязей по четырем параметрам.

1. Поскольку в рамках одного конфликта могут использоваться несколько стратегий, предлагается оценивать их влияние на результаты друг друга, а также выяснить, какой конкретно актор предпринимает ту или иную попытку урегулирования.

2. Необходимо анализировать время и пространство на предмет обнаружения взаимосвязей между выбором стратегий в различных ситуациях и причинами повторения сделанного ранее выбора.

3. Наблюдение за связью между применением избранного подхода и динамикой конфликта позволило бы учесть влияние стратегии на следующий выбранный способ урегулирования и собственно на развитие конфликта.

4. Следует изучать долгосрочные эффекты способов разрешения конфликта.

Пример такого подхода к изучению конфликтов демонстрирует статья Молли Мелин (*Melin M. Escalation in international conflict management: A foreign policy perspective*), в которой проводится анализ причин перехода третьих сторон к попыткам применить более действенные способы урегулирования конфликта. На основе данных конфликтов с 1946 по 2001 г. автор строит математическую модель, показывающую значимую роль третьих сторон, действия которых адаптируются к меняющимся условиям, в изменении среды конфликта. Их связи с участниками конфликта играют важную роль, влияя на восприятие всей поступающей информации. В первую очередь при изменении своей политики урегулирования конфликтов третьи стороны ориентируются на прошлые неудачи, изменения природы конфликта, межгосударственные отношения и ранее применяемые подходы, опираясь на обратную связь и изменения в динамике конфликта. Желание использовать множество методов сигнализирует о важности разрешения конфликта, анализ изменений политики позволяет понять мотивы и цели третьей стороны, а также стратегические взаимоотношения с теми, кто находится в состоянии конфликта.

Тему методов, применяемых третьими сторонами конфликта, развивает публикация Ренато Корбетты (*Corbetta R. Between indifference and coercion: Third-party intervention techniques in ongoing*

ing disputes). Отмечается, что модели, предполагающие четкое разделение ненасильственного урегулирования конфликтов и политики присоединения к конфликтующим сторонам, с одной стороны, и интервенции нейтральной или пристрастной третьей стороны – с другой, имели определенную теоретическую значимость, однако это искусственное разделение стало причиной фокусировки большинства исследователей на военных вмешательствах и их причинах, тогда как без внимания остаются факторы, обусловливающие выбор третьими сторонами дипломатических, экономических или военных средств вмешательства. В исследовании предложена модель интервенции как подхода, включающего эти три опции для третьих сторон, которая основывается на теориях формирования и взаимодействия групп. Главный вывод: предпочтения государств определяются сходством их социальной организации с социальной организацией конфликтующих сторон. Государства с более высокой степенью прямого или непрямого сходства скорее будут осуществлять более дорогостоящие интервенции, а государства с низкой степенью сходства с меньшей вероятностью будут переходить к дорогостоящей интервенции в отношении друг друга.

Работа Эндрю Овсяка (*Owsiak A. Forecasting conflict management in militarized interstate disputes*) посвящена вопросу возможности определения способов урегулирования военного межгосударственного конфликта, которые будут применяться международным сообществом. Решая эту задачу, автор строит прогностическую модель вероятности применения ряда методов урегулирования, в том числе убеждения, посредничества, правовых средств, административных методов и проведения миротворческих операций. Кроме того, были сделаны два значимых вывода: во-первых, объем первоначального вмешательства дает четкое понимание того, какие ресурсы государства готовы затратить на разрешение конфликта в будущем; во-вторых, исследование предсказывает высокую вероятность «словесных ловушек», т.е. ситуаций, когда мировое сообщество на словах поддерживает урегулирование, а в реальности не предпринимает активных действий.

Ванесса Лефлер изучила межгосударственные споры с точки зрения стратегического выбора переговорных площадок конфликтующими сторонами и исполнения принятых соглашений (*Lefler V. Strategic forum selection and compliance in interstate dispute resolution*). Три базовые посылки исследования формулируются

следующим образом: особенности метода разрешения конфликтов (контроль над решениями, транспарентность и уровень пристрастности) оказывают влияние на разрешение конфликта и исполнение достигнутых соглашений; мирное разрешение споров – добровольный процесс, а государства стратегически выбирают между двусторонней коммуникацией и посредничеством; производя стратегический выбор площадки, государства основываются на соображениях об исполнимости возможного соглашения. С применением данных проекта «Корреляты войны» строится аналитическая модель, доказывающая релевантность гипотезы об обусловленности стратегического выбора площадки вопросами исполнения будущего соглашения. Автор показывает, что межгосударственные организации особенно эффективны в обеспечении исполнения соглашений, активно и пассивно стимулируя мирное урегулирование, но факторы, способствующие их выбору в качестве медиатора, отрицательно коррелируют с исполнением соглашений.

Первый номер журнала завершается статьей Тобиаса Бёмельта (*Böhmelt T. The spatial contagion of international mediation*), посвященной пространственному распространению международного посредничества. Основная гипотеза исследования, проведенного с использованием базы данных «Проекта поведения в международных кризисах», заключается в том, что посредничество как способ разрешения конфликтов может распространяться от спора к спору в одном регионе. Используя данные о 455 кризисах в 1918–2007 гг., автор подтвердил, что использование посреднического подхода к урегулированию повышало вероятность повторного его использования в отношении других конфликтов в регионе; связь еще более сильна, если рассматривать на предмет наличия попыток медиации период, ограниченный пятью годами до начала конфликта; это еще раз подтверждает, что посреднические усилия в регионе нельзя рассматривать отдельно друг от друга.

Второй номер журнала (апрель 2015 г.) начинается работой Майкла Тирнэя (*Tiernay M. Which comes first? Unpacking the relationship between peace agreements and peacekeeping missions*). Традиционно исследователи гражданских войн исходят либо из того, что подписание мирного соглашения между конфликтующими сторонами увеличивает вероятность отправки миротворцев ООН, либо, напротив, из того, что решение ООН направить миротворческие силы увеличивает вероятность заключения мира. Построен-

ная автором статистическая модель на основе данных о конфликтах и заключенных перемириях с 1989 по 2008 г. (с опорой на опыт миссий ЮНОСОМ I и II) показывает, что готовность ООН отправить куда-либо миротворцев увеличивает вероятность подписания мирного соглашения, однако причинно-следственные связи не установлены. Бинарная пробит-модель, в которой в качестве инструментальной переменной используется фактор «Падения «Чёрного ястреба»» (неудачной операции сил США в Могадиши в 1993 г. и последующего сокращения США и другими странами своего участия в миротворческих операциях ООН), демонстрирует отсутствие зависимости между готовностью ООН проводить миротворческие операции в конкретной стране и желанием сторон заключать мир.

Деша Джайрод (*Girod D. Reducing postconflict coup risk: The low windfall coup-proofing hypothesis*) изучила использование иностранной помощи для развития с целью предотвращения государственных переворотов после гражданских войн. Снижение риска государственного переворота является обязательной, но финансово обременительной задачей лидера страны, пережившей гражданскую войну. Некоторые лидеры получают «неожиданный доход» в крупном размере от стратегической помощи и продажи природных ресурсов, который можно использовать непосредственно для защиты от переворотов, т.е. на консолидацию правительства. Главная гипотеза заключается в том, что лидеры направляют значительную часть помощи на развитие, выполняя задачи нестратегических доноров, готовых платить за обеспечение безопасности режима и стимулирование конкуренции в рамках существующей политической системы. Результаты статистического исследования на основе данных 1970–2009 гг. показывают, что при высоком уровне «неожиданного дохода» увеличение помощи для развития не оказывает влияния на риск переворота, при низком уровне – если такая помощь увеличивается с 10 долл. США до 25 долл. США на человека, снижается риск переворотов на 25%. Из этого следуют несколько политико-управленческих выводов для доноров: во-первых, они должны учитывать намерения стран – получателей помощи; во-вторых, они должны понимать, что требования бюджетной дисциплины для выделения помощи странам с высоким доходом (от ренты) не будут выполнены; в-третьих, доноры могут рассчитывать на то, что лидеры стран с низкими дохо-

дами от ренты выполняют условия и обеспечивают развитие на основе получаемой помощи, поскольку те таким образом снижают возможность переворота.

Продолжает номер исследование Александра Де Жуана и Яна Пирскаллы (*DeJuan A., Pierskalla J. Manpower to coerce and co-opt State capacity and political violence in southern Sudan 2006–2010*), посвященное анализу влияния количества государственных чиновников на количество случаев политического насилия против власти. Критикуя предыдущие исследования за то, что они проводились на основе агрегированных данных по странам, авторы проводят казусно-ориентированное исследование ситуации на юге Судана с 2006 по 2010 г. Анализ уникальных данных по 75 муниципалитетам показывает, что существует нелинейная взаимосвязь между числом государственных служащих и уровнем политического насилия. При небольшой численности чиновников наблюдается небольшое число случаев насилия, потому что у групп недовольных нет возможности атаковать чиновников, государственные ресурсы малозначимы, а конфликты между сообществами регулируются неформальными местными институтами. При высокой численности госаппарата проявляется эффект умиротворения, поскольку государство способно инкорпорировать группы, нарушающие мир на местах, или эффективно применять к ним насилие. При среднем количестве государственных служащих вследствие неравномерности доступа к государственным услугам и несовпадения позиций неформальных местных институтов и государства наблюдается рост политического насилия.

Дэвид Андерсен-Роджерс в своей статье (*Andersen-Rodgers D. No table necessary? Foreign policy crisis management techniques in non-state actor-triggered crises*) представляет результаты исследования способов урегулирования кризисов, спровоцированных негосударственными акторами. На основе статистического анализа базы данных «Проекта поведения в международных кризисах» автор показал, что государство, переживающее кризис, спровоцированный негосударственным актором, скорее выберет насильтственный способ решения проблемы, чем переговоры и посредничество. Это обусловлено тем, что такие действия во время кризисов особенно подвержены проблемам, связанным с получением информации и обеспечением исполнения обязательств, а также несут в себе большие риски потери властью поддержки населения. Информа-

ционные проблемы могут состоять в следующем: во-первых, государство могло не иметь контактов с негосударственной группой до кризиса, что затрудняет понимание ее интересов с учетом ограниченного времени; во-вторых, не всегда понятно, с кем можно вести переговоры; в-третьих, нельзя применить дипломатические способы взаимодействия в рамках международных организаций; в-четвертых, из-за кажущейся слабости негосударственного актора государство менее склонно стремиться к достижению соглашения путем переговоров; в-пятых, государства могут пытаться договариваться с другими государствами, поддерживающими группу – инициатора кризиса, но те не всегда могут оказать на нее достаточное влияние. Исполнение обязательств затрудняют следующие обстоятельства: фракционность, радикальность и слабость руководства негосударственных групп; желание группы использовать соглашение для закрепления своей легитимности, а затем нарушить его; желание государства сражаться с такой группой вместо того, чтобы разрабатывать тактики сдерживания в будущем. Наконец, руководители государства могут счесть переговоры слишком рискованными, потому что они способны повлиять на уровень их поддержки избирателем, особенно если в ходе кризиса происходило насилие в отношении гражданского населения.

В заключение второго номера журнала Гленн Палмер, Вито Д’Орацио, Майкл Кенвик и Мэттью Лейн представляют четвертую версию базы данных по международным вооруженным конфликтам (*Palmer G., D’Orazio V., Kenwick M., Lane M. The MID4 dataset, 2002–2010: Procedures, coding rules and description*), в которой к более ранним сведениям добавлена информация о конфликтах с 2002 по 2010 г., а методы сбора информации, впервые примененные в третьей версии базы, усовершенствованы. Последние данные позволяют определить новые тренды в области межгосударственных конфликтов: с одной стороны, случаи угроз силой и войн между государствами становятся все более редкими, государства предпочитают демонстрацию и использование силы в меньших масштабах и ином виде, нежели предполагает война; с другой стороны, государства все менее склонны желать изменения статуса-кво, участвуя по преимуществу в конфликтах, в которых часть другого государства оккупирована негосударственным образованием.

Третий номер журнала (июль 2015 г.) открывает исследование Томаса Плюмпера и Эрика Ноймайера (*Plümper T., Neumayer E.*

Free-riding in alliances: Testing an old theory with a new method), которые предлагают новую модель проверки теории безбилетника, базирующуюся на предположениях о том, что, во-первых, в военном союзе более слабые государства стремятся переложить бремя военных расходов на страну-лидера, во-вторых, степень отставания страны по военным расходам от трат страны-лидера зависит от размера ее экономики. Изучив военные расходы стран НАТО в период с 1956 по 1988 г., исследователи строят модель зависимости роста расходов стран альянса на оборону от роста соответствующих затрат США, а также СССР, если рост затрат последнего превышал увеличение военного бюджета США. Страна не может считаться «безбилетником», если она или повышает военные расходы на такой же процент, что и США, или наращивает военный бюджет на процент превышения роста соответствующих расходов СССР над их ростом в США, а также если в сумме ответ страны на эти изменения не меньше единицы (100%). Результаты исследования подтверждают гипотезу о том, что более слабые союзники перекладывают бремя на лидера, но не подтверждают предположения о связи с размерами страны.

Статья Патрисии Салливан и Йоханнеса Кэррета (*Sullivan P., Karreth J. The conditional impact of military intervention on internal armed conflict outcomes*) посвящена проблеме влияния иностранного военного вмешательства на исход гражданской войны. Анализируя данные о внутренних вооруженных конфликтах, авторы демонстрируют наличие частично противоречивой зависимости: поскольку военная поддержка должна укрепить вооруженные силы одной из сторон, она увеличивает вероятность победы лишь тогда, когда для стратегического успеха этой стороне не хватает именно военной мощи. Более слабые в военном отношении повстанцы существенно выигрывают от иностранной военной помощи против правительства, которое увеличивает свои шансы на победу с получением такой помощи, только если сталкивается с равными или превосходящими силами повстанцев и решающее значение имеет обеспечение перевеса в силе, но не в тех случаях, когда обладавшее военным превосходством правительство не смогло справиться с восставшими без иностранной операции.

Продолжает дискуссию о гражданских войнах работа Трейса Лэсли и Клейтона Тайна (*Lasley T., Thyne C. Secession, legitimacy and the use of child soldiers*), задача которой – ответить на вопрос, в

каких случаях и почему повстанческие организации принимают решение об использовании детей в качестве солдат. Авторы проводят количественный анализ базы данных о 108 восстаниях с 1998 по 2008 г., при этом исходят из посылки, что поведение повстанцев рационально и они реагируют на стимулы, проводя анализ издержек и выгод. Организации повстанцев подразделяются на два типа: группы, стремящиеся свергнуть правительство и прийти к власти, и сепаратистские организации, желающие создать новое государство на части территории прежнего. В то время как первым для успеха необходима по большей части военная сила, а признание за рубежом не является главным приоритетом, вторым для реализации своей цели неизбежно требуется международная легитимация. Именно поэтому они, как показало исследование, гораздо менее склонны рекрутировать детей, что осуждается международным сообществом и снижает легитимность. Анализ данных подтвердил, что вовлеченность детей в боевые операции организаций растет, если война затягивается, увеличивается число перемещенных лиц, повышается уровень безработицы среди молодежи или если повстанцы используют финансирование, полученное преступным путем.

Джо Вайнберг и Райан Бэккер в своей статье (*Weinberg J., Bakker R. Let them eat cake: Food prices, domestic policy and social unrest*) предоставляют доказательства взаимосвязи между ростом цен на продукты питания и увеличением количества проявлений общественного недовольства. Для правительства важно не допускать роста цен, какими бы высокими они изначально ни были, так как в таком случае снижается вероятность беспорядков в стране. Авторы обращают внимание на важность цен на продукты питания в исследованиях беспорядков и социального недовольства, а также подчеркивают значимость измерения цен на национальном, а не мировом уровне, и контроля третьих переменных, влияющих на недовольство в обществе.

В заключение третьего номера журнала Мартин Оттман и Йоханнес Фюллерс представляют вниманию читателей базу данных распределения власти (*PSED: A new dataset on the promises and practices of power-sharing in post-conflict countries*). Прошлые исследования постконфликтного распределения власти и его влияния на возобновление конфликта изучались на основе данных о параметрах такого распределения, закрепленных в мирных согла-

шениях, при этом не учитывалась их реализация на практике. Для устранения этого противоречия разработана база данных, в которой собраны данные о закрепленных в мирных соглашениях обещаниях по созданию органов, отражающих распределение власти, и событиях, которые относятся к реализации этих обещаний, применяемым практикам, изменению и упразднению таких органов в течение пятилетнего периода после подписания соглашения. Распределение власти понимается как соглашение между правительством и группой повстанцев о создании учреждений, с помощью которых осуществляется совместный контроль над властью на национальном уровне, а единицей власти является пара «правительство – повстанцы».

В четвертом номере журнала (сентябрь 2015 г.) представлена речь президента Международного научного общества по изучению проблем мира Уилла Мура, с которой он выступил на ежегодном съезде общества в 2014 г. (*Moore W. Tilting at a windmill? The conceptual problem in contemporary peace science*). Выступление посвящено важности точного и тщательного подбора понятий, свободных от влияния политических взглядов и оценок. Автор предлагает свой подход к отбору концептов в традициях Теда Гурра и Чарльза Тилли, при этом показывая на конкретных примерах, как использование популярных в политической сфере понятий вовлекает ученых в нежелательные политические дебаты. Замещая политически окрашенный концепт нейтральным, исследователи поднимаются на более высокий уровень абстракции, в то же время избегая ассоциаций со значением и употреблением слова в практической политике. Однако существует и обратная связь: концепты, используемые учеными сейчас, оказывают влияние на политический дискурс в будущем.

Продолжает выпуск работа Тимоти Аллена Картера и Дэниела Джая Вейла (*Carter T., Veale D. The timing of conflict violence: Hydraulic behavior in the Ugandan civil war*), исследующих влияние погоды на принятие сторонами конфликта решений о проведении конкретных боевых действий в ходе гражданской войны в Уганде. На примере этой страны авторы проверяют сформулированную «гидравлическую теорию», основное положение которой гласит, что осадки влияют на количество боестолкновений, т.е. запланированные на день осадков мероприятия в условиях ограниченности ресурсов и с целью повышения вероятности успеха

отодвигаются на следующие дни, а ожидание неблагоприятной погоды в какой-либо день приводит к досрочному проведению запланированных на него акций. Эта закономерность, как показал анализ баз данных конфликтных событий в Уганде и осадков, может быть выявлена на микроуровне (анализ по дням), в то время как более агрегированные исследования не показательны, поскольку «гидравлический эффект» не влияет на интенсификацию действий, а лишь смещает их во времени, причем на уровне дней.

Мартин Штайнванд разработал формальную статистическую модель влияния иностранной помощи на риск возникновения конфликтов в стране (*Steinwand M. Foreign aid and political stability*). Цель его работы заключается в поиске ответа на вопрос, в каких случаях внешние доноры, стремящиеся способствовать установлению и сохранению политической стабильности в стране, выполняют поставленную задачу. В результате анализа автор приходит к нескольким выводам. Во-первых, страны-доноры могут контролировать изменение объемов поступающей помощи и принимать долгосрочные программы по ее выделению, чтобы резкое сокращение иностранного финансирования в целевом государстве не спровоцировало нестабильность. Во-вторых, даже страны-доноры, которые обладают возможностями для полного устранения риска возникновения конфликтов, проистекающих из прекращения помощи, воздерживаются от этого. В-третьих, политика контроля над стабильностью помощи действительно снижает риск конфликтов лишь в странах, где бюджет не имеет существенных внутренних неналоговых поступлений, а население готово к сопротивлению решениям правительства и конфликту. В других государствах стабильная помощь лишь повышает угрозу конфликта, так как правительства пользуются намерениями стран-доноров, чтобы получить максимальную выгоду.

Тему внутренних конфликтов продолжает исследование Брайана Филлипса (*Phillips B. Civil war, spillover and neighbors' military spending*), в ходе которого рассмотрено влияние гражданской войны на военные расходы соседних государств, при этом учитывается, граничит ли зона конфликта непосредственно с соседним государством. На материале гражданских войн в развивающихся государствах автор показывает, что положительная корреляция роста военных расходов в соседнем государстве и гражданской войны наблюдается лишь в случаях, когда конфликт-

ный регион граничит с таким государством, в иных случаях связи не наблюдается. В ходе статистического анализа вводятся контрольные переменные – изменение военного бюджета страны, охваченной гражданской войной, и (не) участие соседнего государства в конфликте. Установлено, что они не оказывают влияния на связь между его военными расходами и гражданской войной в стране.

Завершая выпуск, Мэттью Фурман и Бенджамин Ткач представляют базу данных, содержащую данные о способности государств создать ядерное оружие за период с 1939 по 2012 г. (*Fuhrmann M., Tkach B. Almost nuclear: Introducing the nuclear latency dataset*). Согласно собранным данным, за этот период создать ядерное оружие имело возможность 31 государство, реализовали ее лишь 10. Первичный анализ данных показал, что наличие такой способности действует как сдерживающий фактор, подобно обладанию собственно ядерным арсеналом, а страны, которые способны произвести такое оружие, более склонны инициировать конфликты, чем не обладающие необходимыми технологиями и ресурсами.

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

Д.Л. ГОРОВИЦ^{*}

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВЛАСТИ В ПОЛИЭТНИЧНЫХ ОБЩЕСТВАХ: ТРИ БОЛЬШИЕ ПРОБЛЕМЫ

Реф. ст.: *Horowitz D.L. Ethnic power sharing: Three big problems // Journal of democracy.* – Baltimore, MD, 2014. – Vol. 25, N 2. – P. 5–20.

В обществах, разделенных по этническому, расовому, религиозному, языковому или другому аскриптивному признаку, этнические расколы осложняют построение демократии, потому что приводят к созданию партий и голосованию на основе этничности. Этническая партия, имеющая большинство голосов и мест в законодательном органе, может доминировать над группами меньшинств в течение, как представляется, неограниченного времени. Подобные ситуации складываются во многих глубоко разделенных обществах.

Два обычно предлагаемых способа исправления этой ситуации называют *консоциативным* и *центростремительным*. Выступающие за консоциативный подход, как правило, пытаются ре-

* Дональд Л. Горовиц широко известен как специалист в области этнической конфликтологии. Всю свою долгую научную карьеру он занимается исследованиями разделенных обществ и межсегментных конфликтов. В центре его внимания всегда были возможности институционального регулирования таких конфликтов. В статье, реферат на которую предлагается вниманию читателей, он критически осмысливает результаты применения систем разделенной власти и центростремительных коалиций в условиях доминирования одной из имеющихся этнических партий. – *Прим. ред.*

шить проблему установлением режима согласованных гарантит, включая пропорциональное участие групп в правительстве и право вето меньшинств по этнически чувствительным вопросам. Состязательная демократия правительства и оппозиции заменяется широкой коалицией большинства и меньшинства. Напротив, приверженцы центростремительного подхода не предлагают заменить консенсусный режим мажоритарным правлением, но пытаются создать стимулы, в основном электоральные, чтобы умеренные силы могли найти компромисс между конфликтными требованиями групп, сформировать межэтнические коалиции и установить режим правления межэтнического большинства.

Представители как консоциативного, так и центростремительного подходов предполагают, что этнические группы в глубоко разделенных обществах будут представлены партиями, созданными на основе этнической принадлежности. Оба подхода имеют целью формирование механизма межэтнического распределения власти. Различия между ними заключаются в противоположных представлениях о лучшем устройстве правления для таких обществ. Первые нацелены на обязательные *постэлекторальные* правящие коалиции, включающие всех этнических антагонистов, которые попадают в парламент посредством пропорциональной электоральной системы; вторые, напротив, делают ставку на добровольное создание умеренных межэтнических коалиций *до выборов*.

Три проблемы, вытекающие из этих предложений, должны быть предметом серьезного внимания ученых, однако обычно они не упоминаются в работах по межэтническому политическому примирению. Первая проблема касается практической применимости одного или другого механизма. Вторая связана с опасностью, заключенной в центростремительных режимах: потенциальной деградацией электоральных договоренностей, поддерживающих межэтническую коалицию. Третья является обычным следствием принятия консоциативного режима: там, где создаются жесткие гарантиты, включающие право вето меньшинства, существует высокая вероятность иммобилизации всей системы, и этот застой весьма сложно преодолеть. Если оставить в стороне рассуждения об относительных преимуществах консоциативной и центростремительной моделей и сосредоточить внимание непосредственно на этих трех проблемах, мы увидим, что они не имеют действительно

хороших решений. Изучив их, однако, мы сможем выявить слабости, присущие обоим подходам.

Глубоко разделенным обществом считается то, где аскриптивные расколы в высшей степени заметны в политике (в большей мере, чем альтернативные формы расколов, например классовые), несколько групп борются за центральную власть и где существует история межэтнической вражды. Подобные общества можно найти в Азии, Африке, на Ближнем Востоке, в Восточной Европе, на постсоветском пространстве, в странах Карибского бассейна – в регионах, где этнические конфликты наиболее сильны. В этих регионах 78 стран пережили один или несколько серьезных этнических конфликтов с 1980 по 2010 г., многие из них подходят под описание глубоко разделенных обществ. Однако за эти три десятилетия лишь приблизительно в 20 из этих 78 удалось заключить межэтнические договоренности о распределении власти, или же добиться соответствующих неформальных соглашений поверх групповых границ, или воспринять упорядоченные практики распределения власти в отсутствие санкционирующих их институтов. В этот подсчет не входят временные соглашения, недифференцированные этнически соглашения между режимами и формированием повстанцев и соглашения, которые предоставляли только территориальную автономию или территориальную деволюцию (или федерализм, который сводился к деволюции). Его целью было зафиксировать случаи распределения власти между этническими группами в центральном правительстве.

Во многом этот подсчет намеренно смещен в сторону обнаружения случаев распределения власти. Все, что необходимо для попадания в этот список, – это принятие по крайней мере одного консociативного или центростремительного механизма или практики. Но даже при таком раскладе список случаев не так внушителен. Более того, многие такие договоренности нарушались сразу после их принятия или никогда не выполнялись или же были оставлены в первые три года. Среди стран, не выполнивших соглашения, несколько стали ареной гражданских войн, в одной произошел геноцид (Руанда в 1993 г.), в другой – сецессия (Судан в 2005 г.). Среди девяти стран, в которых соглашения оказались прочными, несколько в конечном счете превратились в нестабильные, застойные или недемократичные политики с неясными перспективами. Лишь об очень немногих – о четырех-шести (в зави-

симости от того, как считать) – можно сказать, что они достигли приемлемой степени устойчивого распределения власти, и даже в них есть некоторые серьезные политические патологии.

Таким образом, эта статья посвящена трудностям создания устойчивых институтов распределения власти. Внимание уделено прежде всего случаям, в которых одна группа имеет явное большинство или большинство голосов, а не тем, в которых несколько групп борются за власть, часто образуя подвижные союзы.

* * *

Проблема применимости рекомендаций крайне важна. Среди сторонников различных подходов к межэтнической аккомодации втайне существует понимание того, что эти подходы редко применяются на практике. Более того, мало внимания уделяется исследованию условий реализации тех или иных рекомендаций для глубоко разделенных обществ.

Во-первых, существуют асимметричные преференции. Мажоритарные группы выступают за правление большинства; миноритарные хотят гарантий, которые позволяют сдерживать большинство. В результате меньшинства могут предпочитать консогниацию; группы большинства выступают против нее. Поэтому консогниативный режим может быть установлен, только когда большинство (или относительное большинство) ослабевает на какое-то время, часто после продолжительного периода насилия. На более позднем этапе, когда большинство снова обретает силу, оно может свергнуть этот режим, как сделали греки-киприоты в 1963 г. или как хути в Бурунди могут сделать в настоящее время.

Во-вторых, существует общее желание избегать рисков. Этническая политика – это игра с высокими ставками, поэтому существует устойчивая склонность избегать нового.

В-третьих, переговорщики ведут переговоры не с чистого листа. У них уже есть установки относительно того, какие модели подходят, а какие нет. Часто они отдают предпочтение институтам, существующим в самых успешных демократиях, которые в целом не страдают от острых этнических проблем, или моделям, заимствованным у бывших метрополий. Есть и исторические предубеждения, побуждающие ответственных лиц избегать повторения

институционального выбора, который ассоциируется с прошлыми ошибками, даже если трактовать историю можно по-другому или условия стали другими. Предубеждения сужают выбор.

В-четвертых, существует образ интересов, вера части групповых лидеров в то, что они могут предвидеть относительные преимущества и издержки для своей группы в случае альтернативных действий. Участники переговоров могут считать, что они знают, какой институциональный выбор служит их интересам, даже если позже этот выбор окажется ошибочным. Предзаданная перспектива также ограничивает выбор.

В-пятых, существуют альтернативы. Например, когда переговоры о новом устройстве проходят после вооруженного восстания, повстанцы могут ретироваться, скрыться в лесу и продолжить сражаться до заключения или даже после заключения соглашения, если его условия покажутся им невыгодными. Наличие привлекательных альтернатив затрудняет заключение долгосрочного соглашения.

Этот список препятствий достижению соглашения демонстрирует, почему политические институты для преодоления этнических конфликтов создаются гораздо реже, чем могли бы. Многие государства, которые выиграли бы от учреждения институтов для межэтнической адаптации, не в состоянии этого сделать.

Отдельно необходимо остановиться на одном аспекте этой проблемы. Если асимметричные преференции означают, что большинство примет режим гарантий для меньшинства только в случае слабости своих позиций, то в каком случае оно примет центrostремительный режим? Такой режим опирается на желание умеренных слоев обратиться к избирателям, которые не входят в их собственные этнические группы, и сформировать межэтническую избирательную коалицию, которая сможет парировать вызовы моноэтнических партий, занимающих крайние позиции. Обычно это происходит в двух типичных случаях. Прежде всего так бывает, когда внешние эксперты дают рекомендации для установления такого режима, что, однако, случается редко, так как обычно иностранные эксперты склоняются по разным причинам к пропорциональной избирательной системе и консociативным гарантиям. Чаще же случается, что партия большинства нуждается в голосах меньшинства. Голоса меньшинства обычно становятся необычайно ценными, когда большинство имеет несколько партий, конку-

рирующих за эти голоса. В этом случае появляется возможность заключить центростремительное соглашение, в котором групповые требования получают компромиссный характер, так как голоса аккумулируются обеими группами для смешанных партий.

Еще один повод для установления центростремительных институтов возникает, когда переговоры окутывают «вуаль неведения» Ролза¹ (а обычно этого не случается). Такое бывает, когда все группы не уверены в своем будущем, – как, например, в Нигерии, выходившей из военного правления в 1978 г. после погромов, гражданской войны и многих лет диктатуры. В то время существовали большие опасения возобновления этнического конфликта, но ни одна из групп не знала, какая из них станет следующей жертвой. Единственным центростремительным механизмом, который был прописан в конституции в то время и остается в действующей конституции, стало требование, чтобы победивший кандидат в президенты обладал широкой поддержкой двух третей штатов страны. Подобные механизмы были приняты сначала в Индонезии в 2002 г., а затем в Кении в 2010 г., что свидетельствует об определенном продвижении центростремительных институтов наравне с консociативными в разных частях света.

* * *

Проблема деградации может привести к тому, что центростремительные коалиции не смогут привлечь достаточное количество голосов. Это происходит из-за известной нелюбви этнического большинства к ограничениям своего свободного мажоритарного правления, будь они консociативного или центростремительного характера. Для них хорошее (т.е. правление в коалиции) может быть врагом лучшего (правление в одиночку).

¹ Согласно «теории справедливости» Дж. Ролза, в той «исходной позиции», где люди выбирают принципы справедливого общественного устройства, они должны действовать рационально и свободно, при этом не зная, как будут распределены между ними такие «случайные с моральной точки зрения» атрибуты, как социальное положение и природные дарования. Человек, в частности не знающий, какое именно место он займет в обществе, постарается, по мнению философа, выбрать принципы, обеспечивающие справедливые и благоприятные условия для каждого.

Эту проблему хорошо иллюстрирует пример Малайзии, где полигэтнический Альянс¹ был создан до провозглашения независимости в 1950-е годы. Малайцы и немалайцы (китайцы и индийцы) проживали смешанно во многих избирательных округах. В результате даже при явно неконсогниативной избирательной простой ма- жоритарной системе партнеры по Альянсу (малайцы, китайцы и индийцы), занимавшие центр этнополитического спектра и стиснутые с флангов малайскими и немалайскими экстремистами, по- считали для себя выгодным объединить малайские и немалайские голоса. Это была победная комбинация, приведшая к переговорам по конституции, которая стала воплощением компромисса по этническим требованиям и установила прочный принцип нелегитимности «правления одной общины». Избирательная необходимость вынудила политиков вести себя так, чтобы привлекать голоса с обеих сторон очень проблемного этнического поля.

Тем не менее определенные базовые условия медленно, но изменились. Поскольку избирателей-малайцев было больше, чем немалайцев, малайский партнер по коалиции начал оказывать влияние на нарезку избирательных округов, уже обеспечивавших преимущество сельских избирателей-малайцев. Избиратели-китайцы все в больших масштабах помещались в крупные относи- тельно гомогенные округа, где их голоса могли обеспечить победу меньшего числа кандидатов. Последовательные изменения окру- гов увеличили вес избирателей-малайцев. Затем, после серьезных этнических протестов, последовавших за выборами 1969 г., и пре- кращения парламентского правления почти на два года, коалиция была расширена, что уменьшило влияние китайского компонента. Новое поколение малайских лидеров ввело новый социальный контракт, который существенно изменил баланс этнических пре- имуществ и потерь.

Ахиллесовой пятой использования избирательных стимулов как способа достижения устойчивой межэтнической аккомодации является слабость закона во многих переходных обществах. Создание непартийных избирательных комиссий, которые были бы беспристрастными и устанавливали границы округов согласно

¹ Союзная партия представляла интересы крупнейших этнических общин Малайзии – малайской, китайской и индийской; завоевала абсолютное большинство мест на первых всеобщих независимых выборах в 1959 г.

нейтральным, прописанным в законе критериям, зависит от действенности закона. Как показывают исследования, формирование и поддержание правовых институтов, достаточно сильных, чтобы сдерживать влиятельных политиков, обычно происходит не до, а после установления демократии и зависит от конфигурации политических союзов. Когда избирательные комиссии и суды не в состоянии выдержать давление, центростремительные договоренности также оказываются под ударом.

Как большинство предпочитает мажоритарное правление консогнативным гарантиям, так оно предпочитает и свободное от ограничений мажоритарное правление центростремительным режимам, которые наделяют меньшинства полномочиями согласовывать компромиссные варианты по спорным вопросам этнической политики. Когда центростремительные режимы деградируют, недовольство меньшинства может достигнуть критических высот.

* * *

Третья проблема является зеркальным отражением второй. Если центростремительные соглашения иногда перестают использоваться, то консогнативные договоренности может быть очень сложно изменить. А модификация зачастую желательна, учитывая, что консогнативные режимы устанавливаются, только когда группы большинства оказываются, хотя бы временно, ослабленными. Предписанное консогнативной теорией инклузивное правительство в сочетании с правом вето меньшинств вполне может вызвать такое же возмущение большинства, как и центростремительные режимы, ориентированные на компромиссные решения с группами меньшинств.

Межэтническое соглашение любого типа разрешает этническим группам выдвигать требования и контртребования, однако консогнативная схема позволяет каждой участвующей группе блокировать претензии и требования других групп. В результате система часто не в состоянии принять решение по тем вопросам, ради которых она создавалась. Тупиковая ситуация, неспособность решать вопросы и, как следствие, возможная иммобилизация системы порождают желание групп большинства модифицировать консогнативное соглашение.

Необходимость пересматривать такие соглашения, делать их более гибкими или обеспечивать переход к другой схеме широко признается. Некоторые авторы утверждают, что консociативные гарантии подходят, чтобы погасить конфликт в период кризиса или в разгар гражданской войны, однако как только происходит стабилизация, и особенно если уже проявляется застой системы, необходимо переходить к другому типу институтов. Как предполагают многие комментаторы, консociативные режимы делают конфликты устойчивыми и не поддающимися повторным обсуждениям. Большинство согласны с тем, что консociативные институты, раз уж их установили, прилипчивы. Желание отойти от них выражается часто, но точка выхода так и не просматривается.

По тем же причинам, по которым этническое большинство неохотно отдает власть консociативному режиму, оно часто испытывает сильное искушение отказаться от консociативной схемы. Оно продолжает предпочитать мажоритарное правление или общегражданскую, т.е. совершенно не этническую, схему власти, при которой может сохранить свою власть. У лидеров групп большинства второго поколения, которые не сами вырабатывали соглашения, они могут вызывать раздражение. Недовольство консociативными схемами было выражено сильнее у большинства, чем у меньшинств, в Северной Ирландии, Бельгии, Боснии (где боснийцы составляют по крайней мере относительное большинство, сегодня, возможно, и абсолютное), Бурунди. Если же происходят изменения в балансе сил, который существовал на момент заключения соглашения, лидеры большинства могут отказаться его выполнять, как сделали греки-киприоты в 1963 г.

Весьма часто найти выход не так просто, потому что этническое большинство может быть не готово взять на себя серьезные издержки, которые могут появиться при попытке разорвать соглашение. Одно то, что соглашение приводит к застою системы и недовольству, не означает, что его поддержка так слаба, как слабы его институты. Неэффективные консociативные схемы не просто отмирают или сменяются другими, более долговечными. Может существовать устойчивая комбинация интересов, удерживающая консociативный статус-кво. Прежде всего, меньшинства настроены в пользу консociативной сделки. Они могут начать сомневаться в ней, как сделала часть католиков-националистов в Северной Ирландии, особенно когда умеренные представители обеих групп,

которые заключили консоциативное соглашение, были вытеснены из центра политического поля более экстремистскими партиями. Тем не менее они могут опасаться последствий альтернативных соглашений больше, чем тупикового статуса-кво. Если эти представители меньшинств могут прибегнуть к вооруженной силе, чтобы не допустить нежелательных изменений, то возможность насилиственного конфликта – сильный сдерживающий фактор для недовольного большинства.

Этот фактор может оказаться весьма убедительным для окружающей системы поддержки внешних акторов, которые имеют свой интерес в первоначальном соглашении, обычно обусловленный тем, что они поощряли или увещевали его участников или даже сами стали его гарантами.

* * *

Подобно боснийским договоренностям, консоциативная схема Северной Ирландии в целом помогла сохранить мир, но не дала возможности справиться со спорными этническими вопросами, решение которых должно было обеспечить соглашение Страстной пятницы 1998 г. Начиная приблизительно с 2007 г. и далее Бурунди также была в большей степени мирной, и это прекрасное достижение, учитывая историю жестокого насилия. Однако возглавляемое хуту правительство все больше испытывало недовольство из-за консоциативных ограничений, введенных в 2005 г. Также мирной оставалась Бельгия, которая великолепно продемонстрировала ситуацию тупика, хорошо известную любому другому консоциативному режиму, и решала эту проблему, если можно так выразиться, за счет последовательного расширения правительстваенных полномочий моноэтнических регионов Фландрии и Валлонии и на 80% франкоязычного региона Брюсселя и их сужения в центре. В Бельгии, как и в других случаях, беспокойной группой является большинство (фламандское), которое более ущемлено режимом гарантов. Никто, казалось, был не способен разорвать иммобилизующие страну оковы.

Достаточно интересно, что с наступлением застоя почти в каждом случае продолжались реформы, направленные на установление центростремительных институтов, особенно объединитель-

ных избирательных систем. В конце 1990-х годов Международная кризисная группа опубликовала два предложения по электоральной системе Боснии, которые позволили бы избирателям голосовать за кандидатов из чужих [этнических] групп и поощрять кандидатов бороться за такие голоса. В конце концов усилия в этом направлении кончились ничем, когда директор миссии ОБСЕ в Боснии предпочел систему пропорционального представительства с открытыми списками.

Предложение центростремительной системы, но с гарантированной пропорциональностью, было также сделано – и проигнорировано – в период обсуждений, вылившимся в несистематический пересмотр тупикового североирландского соглашения Страстной пятницы в 2003 г. На переговорах по кипрскому соглашению, возобновленных после провала плана Аннана, была выдвинута идея избрания ряда должностных лиц – турок избирателями-греками и наоборот. Это была идея перекрестного голосования, которое не тождественно настоящей объединяющей голоса системе, но рождено центростремительным импульсом. Турки-киприоты отвергли ее на голосовании в 2010 г. Группа Павии в Бельгии, биэтническая организация ученых, заинтересованных в предотвращении дезинтеграции государства, вынесла предложение о «федеральном избирательном округе», в котором 10% депутатов бельгийского парламента избирались бы всеми избирателями – в противовес нынешним округам, внутрирегиональным и этнически замкнутым.

Тем не менее ни в одном из случаев центростремительная электоральная система не была привита на консоциативную, поэтому не представляется возможным увидеть, как бы она работала. (Гибридные системы Ливана и Македонии посыпают противоречивые сигналы об использовании смешанных предписаний.) Все сдержки, описанные в отношении изначальной проблемы применимости рекомендаций, как и дополнительные, препятствуют этому типу изменений.

Есть, однако, два государства, которые имели консоциативные режимы и смогли стать мажоритарными демократиями, но их опыт не определяет путь для застойных консоциаций, созданных на этнической основе. Как в Нидерландах, так и в Австрии имела место «пилларизация» общества, полное его разделение на изолированные отсеки. В обоих случаях расколы имели религиозный и социально-классовый характер и для управления ими были ис-

пользованы классические методы консociации (исключая отсутствие правительства большой коалиции в Нидерландах).

В обоих случаях, однако, социальные изменения после Второй мировой войны, особенно рост городского сектора услуг и беловоротничкового среднего класса, в сочетании с секуляризацией и эрозией прежде сильных религиозных приверженностей имели следствием разрушение вертикальных колонн. С ослаблением групповых конфликтов благодаря глубоким социально-экономическим изменениям социальные группы перестали быть эксклюзивными, и избиратели получили свободу голосовать вне квазиаскриптивных партийных лояльностей. Результатом стали обычное мажоритарное правление и межпартийная волатильность голосов без большой коалиции, вето и любого другого реликта консociонализма.

Но ничего из этого не поможет тем странам, в которых расколы имеют выраженный этнический характер, как в Бельгии или Бурundi, или даже этнонациональный, как в Северной Ирландии и Боснии. В этих политиях расколы определены фактом рождения, и они укоренены прочнее тех, которые основаны на изменчивых религиозных или классовых принадлежностях в большинстве стран западного мира. Чтобы изменения были эффективны в этнически разделенных консociациях, они должны иметь место на уровне формальных политических институтов, а не на уровне общества в целом.

И все же есть ли какие-либо источники изменений, приемлемые для обездвиженных консociативных режимов? Добавление центrostремительной электоральной системы может иметь серьезный эффект, но если партии и политики с сильными этническими ориентациями сохраняют контроль, умеренные этнически ориентированные партии и политики могут испытывать страх перед сплочением поверх этнического раскола. В таких случаях есть вероятность, что их могут обвинить в предательстве групповых интересов. Диллемма такого рода ставит в затруднительное положение умеренных протестантов-юнионистов и католиков-националистов в Северной Ирландии.

Наиболее вероятный путь к серьезным изменениям в застопоренной консociации проходит через какой-либо непредсказуемый кризис, не обязательно связанный с конфликтом, породившим консociативный режим, – шок делает тупик непереносимым, нейтрализует возражения меньшинства и делает быстрые действия необходимостью.

* * *

Краткое описание трех обделемых вниманием исследователей проблем этнической аккомодации и демократии не содержит легких ответов. Скорее, оно дает основания предполагать существенный застой в поиске путей урегулирования этнических конфликтов.

Первая проблема, связанная прежде всего со сложностью освоения любых аккомодационных институтов, настолько тяжела вначале, что многие проблемные страны, нуждающиеся в согласительных институтах и предрасположенные к демократии, будут испытывать большие трудности как с консociативными, так и с центростремительными институтами. Вместо этого они скорее предпочтут ту форму демократии, к которой привыкли, а именно простое правление большинства при соблюдении прав меньшинств. Такой выбор, видимо, вызовет разочарование и в одном, и в другом отношении. Без электоральных стимулов к компромиссному поведению правление большинства станет правлением этнического большинства. Права меньшинств не будут соблюдаться надлежащим образом, так как большинство, вероятно, будет контролировать судебную власть.

Некоторые государства могут иногда прибегать к тому или иному непривычному механизму, возможно, после того как кризис был урегулирован международным посредником, единственным интересом которого было восстановление мира. Кто-то из них сможет найти институты, которые помогут достичь примирения, но большинство – нет. Многие попытки достигнуть соглашения по распределению власти окажутся неудачными, и вероятно установление авторитарного режима этнического доминирования без сползания или со сползанием в гражданскую войну (или ее рецидивом). Даже когда институты, регулирующие распределение власти, установлены, этническое большинство обычно недовольно ими. Никакая конституционная разработка не застрахована от провала, даже если ее можно принять на начальном этапе. Акторы будут искать способы изменить условия, которые считают невыгодными.

Вторая проблема, включающая в себя деградацию центростремительных электоральных институтов из-за разнообразных манипуляций большинства, которые не могут быть остановлены юридически обязывающими политическими сделками, также не

имеет простых решений. Наверное, повысить прочность сделок могут их большая четкость и публичность, но даже при этом, учитывая изменение поддерживающих их условий и выгод для партий, нет уверенности в том, что они не будут изменены в этнически эксклюзивном, мажоритарном духе.

Третья проблема, связанная с возможностью выхода из консociативного застоя, кажется очень сложной. Если центростремительные институты могут быть недостаточно устойчивыми, то в консociативных институтах со временем можно увязнуть.

A.O. Блохина

Е.М. ХАРИТОНОВА*

ДИНАМИКА НАЦИОНАЛЬНЫХ И ЭТНИЧЕСКИХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНИИ¹

Обзор кн.: Ethnic identity and inequalities in Britain. The dynamics of diversity / Jivraj S., Simpson L. (ed.). – Bristol: Policy press, 2015. – 250 p.; McCrone D., Bechhofer F. Understanding national identity. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2015. – 226 p.

Вопросы, связанные с поиском оптимальных путей обеспечения стабильности и организации политического процесса в разделенных плюралистических обществах, привлекают большое внимание современных исследователей. Опыт западных государств по организации взаимодействия различных групп населения, в том числе представителей этнических меньшинств, часто предлагается в качестве модели для других стран. Однако сегодня даже общества с развитыми демократическими институтами и традициями сталкиваются с новыми вызовами и проблемами.

*Харитонова Елена Марковна, младший научный сотрудник отдела международно-политических проблем Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), e-mail: ekharit@imemo.ru

Kharitonova Elena, Primakov Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), e-mail: ekharit@imemo.ru

¹ Обзор подготовлен за счет гранта Российского научного фонда [проект № 15-18-00021 «Регулирование межнациональных отношений и этносоциальных конфликтов в современном мире: потенциал гражданской идентичности (сравнительный политический анализ)»] в Институте мировой экономики и международных отношений РАН.

С одной стороны, глобализация, региональная интеграция и увеличение притока иммигрантов заставляют политиков и экспертов пересматривать текущую стратегию и искать новые способы предотвращения конфликтов, противодействия сегрегации и социальной дискриминации. С другой – становится более заметным стремление различных народов к сохранению собственной культурной и цивилизационной самобытности и к самоопределению. Процессы самоидентификации приводят к тому, что размежевание между различными группами населения по отдельным линиям не только не сглаживается, но усиливается.

Великобритания в начале XXI в. столкнулась с целым комплексом разнонаправленных тенденций. Усиление иммиграции в страну привело к существенным изменениям в структуре британского общества, а опора сугубо на концепцию мультикультурализма была подвергнута обоснованной критике. Одновременно активизировались процессы деволюции, а в сентябре 2014 г. референдум о независимости Шотландии показал, насколько реальна угроза разделения страны. Политические партии консерваторов и лейбористов, на протяжении многих лет удерживающие лидерство на парламентских выборах, вынуждены считаться с возрастающей конкуренцией со стороны других игроков, которые в своих предвыборных программах ориентируются как раз на новые или усиливающиеся линии размежеваний. В первую очередь это выступающая за ужесточение иммиграционной политики и выход из Европейского союза правопопулистская Партия независимости Соединенного Королевства (*United Kingdom Independent Party, UKIP*) и на противоположном фланге политического спектра – Шотландская национальная партия (*Scottish National Party, SNP*).

Британские исследователи внимательно анализируют происходящие в стране изменения. При этом представители академического сообщества не только стремятся осмыслить динамику этнических и национальных идентичностей и ее влияние на политическую ситуацию, но также задают рамки для обсуждения и концептуализации изучаемых процессов и активно влияют на формирование соответствующего дискурса.

Обе рассматриваемые нами книги опубликованы в 2015 г. и посвящены национальным и этническим идентичностям в Великобритании. Вопросы, которые волнуют авторов, во многом совпа-

дают: они касаются того, что означает сегодня быть британцем, каким образом различные идентичности влияют на социальную и политическую ситуацию и, главное, какова динамика происходящих в стране процессов и куда они приведут Соединенное Королевство в обозримом будущем. Авторы обоих исследований опираются на широкий пласт социологических данных, при этом базисом для работы «Этническая идентичность и неравенство в Британии» послужила всеобщая перепись населения, а книга «Осмыслия национальную идентичность» основана на собственных материалах авторов, а также на анализе результатов ежегодных опросов, проводимых независимым исследовательским центром NatCen¹.

При сходстве проблематики рецензируемых работ британское общество рассматривается в них с различных позиций. В центре внимания Д. МакКроуна и Ф. Бекхофера – соотношение британской, английской и шотландской национальных идентичностей. Такой ракурс весьма актуален, поскольку, как отмечают российские исследователи, концепт национальной идентичности многомерен и в нем «в той или иной мере соотносятся государственная, гражданская, этническая и социокультурная составляющие» [Семененко, 2011, с. 80].

Коллектив авторов под руководством С. Дживрая и Л. Симпсона изучает тенденции, связанные с процессами инокультурной иммиграции в страну. Интерес ученых сфокусирован на этнической идентичности, вопросах интеграции представителей различных групп в принимающее сообщество, проблемах дискриминации и социального неравенства. Изучение демографических показателей и влияния этнических факторов на общественные и политические процессы показывает, как сильно изменилась структура британского общества с начала XXI в. и как стремительно развивается политизация этничности.

Книга «Осмыслия национальную идентичность» написана исследователями, более 20 лет посвятившими разработке этой темы. Оба автора прожили всю или большую часть своей жизни в Шотландии, что, как они отмечают, наложило свой отпечаток на восприятие темы идентичности, придало ей дополнительную акту-

¹ British social attitudes / NatCen social research. – Mode of access: <http://www.bsa.natcen.ac.uk/>

альность. Хотя книга была опубликована спустя всего несколько месяцев после референдума о независимости Шотландии, вопросы, вынесенные на голосование, и в целом процесс деволюции не выступают основным предметом исследования. Авторы в гораздо большей степени сосредоточены на том, чтобы понять, что означает быть шотландцем, англичанином и/или британцем и как соотносятся эти идентичности при социальных взаимодействиях.

Первые две главы книги посвящены концепции национальной идентичности и тому, каким образом можно изучать и оценивать эту весьма сложную для осмысления категорию [McCrone, Bechhofer, 2015, р. 6–42]. Имеет ли практическое значение то, что человек воспринимает себя шотландцем или англичанином, или это скорее символическое обозначение, которое не связано с реальной жизнью? Изменяется ли национальная идентичность со временем или она дана раз и навсегда, как удостоверение личности? Какие маркеры и правила используются для определения собственной идентичности, имеют ли значение место рождения, происхождение, акцент или другие факторы? На основании каких признаков люди принимают или не принимают в качестве «своих» представителей различных групп населения? Ответы на эти вопросы, как и подход к концептуализации национальной идентичности, определяют методологию социологического исследования.

Авторам близка идея, что национальная идентичность имеет значение не только как некий ярлык или символ, но и как часть повседневной жизни и образа действий людей. В третьей главе книги они пытаются понять, насколько важна национальная идентичность для жителей Англии, Уэльса и Шотландии. Результаты проведенных интервью говорят о том, что в различных ситуациях представление о себе как о британце, англичанине, валлийце или шотландце может иметь разное значение, однако для большинства респондентов такие представления, очевидно, важны. Так, выбирай из предложенных в анкете вариантов (родитель, муж, жена, мужчина, женщина, представитель определенной возрастной группы, конфессии и т.п.), 45% жителей Шотландии, 33% жителей Уэльса и 20% жителей Англии упомянули национальную идентичность в качестве одной из трех наиболее значимых для себя характеристик [McCrone, Bechhofer, 2015, р. 48]. При ответе на вопрос: «Насколько вы гордитесь тем, что вы англичанин / шотландец?» – подавляющее большинство респондентов дали ответы

«очень горжусь» и «в определенной степени горжусь» [McCrone, Bechhofer, 2015, p. 49]. При этом опрашиваемые сообщили, что чувствуют себя в большей степени англичанами / шотландцами, когда играет национальная спортивная команда, или когда они посещают сельскую местность, или путешествуют за рубежом. В то же время британская идентичность также становится более актуальной в подобных случаях, т.е. на спортивных мероприятиях, при прослушивании национального гимна, во время церемониальных событий и т.п. [ibid., p. 63–65]. Вновь к вопросам о значении идентичности, а также к роли символов Британии авторы возвращаются в заключительных главах книги [ibid., p. 164–207].

Одна из глав исследования сфокусирована на самовосприятии жителей небольшого городка Берик-апон-Туид, расположенного недалеко от границы между Англией и Шотландией [McCrone, Bechhofer, 2015, p. 68–96]. Российскому читателю будет интересно узнать, что город якобы до сих пор находится в состоянии войны с нашей страной: согласно местной легенде, он был отдельно упомянут в указе королевы Виктории о начале Крымской войны, но не назван при заключении Парижского мирного договора. Однако внимание Д. МакКроуна и Ф. Бекхофера к этому городу объясняется, конечно, не историческим курьезом, а уникальным положением и наследием Берика. Расположенный сегодня на территории Англии, город 14 раз на протяжении своей истории переходил из шотландского в английское подданство и обратно и долгое время считался «спорной землей» (*«debatable lands»*). Хотя в настоящий момент принадлежность к шотландцам или англичанам уже не является, как в прошлом, «вопросом жизни и смерти», существующее положение дел предоставляет прекрасную возможность для осмыслиения понятия национальной идентичности и ее значения для жителей города и их соседей. По словам авторов, именно жители приграничных городов наиболее сильно ощущают собственную идентичность, а сами такие территории становятся символами национальных политических партий и движений и одновременно источниками конфликтов: можно вспомнить Эльзас-Лотарингию, Судеты, Сербскую Краину и другие исторические примеры.

С другой стороны, сегодня, когда и шотландцы, и англичане являются гражданами одного государства, можно оценить значение национальной идентичности в повседневной жизни. Результаты опросов местных жителей и их соседей, представленные в ис-

следовании, дают пищу для размышлений. Одни респонденты причисляют себя к англичанам на основании принадлежности города к соответствующей юрисдикции на протяжении последних столетий. Другие считают себя шотландцами и ссылаются на древнюю историю местности и факт ее захвата Англией силовым путем, а также на то, что город находится с севера от реки Туид – исторической границы между двумя территориями. При этом опросы жителей соседних районов свидетельствуют об определенных особенностях исследуемого населенного пункта: если к югу от города большинство граждан считают себя англичанами, а к северу – шотландцами, то в Берике многие стремятся уйти от обоих определений, и на первый план выходит местная идентичность, т.е. «житель Берика».

В следующей главе Д. МакКроун и Ф. Бекхофер обращаются к маркерам идентичности и их значению. На чем основывается решение людей, когда они заявляют о себе как о шотландце или об англичанине, и что влияет на их готовность принять или не принять в качестве «своего» другого человека? Анализируя различные ответы, авторы выделили прежде всего такие значимые факторы влияния, как место рождения, происхождение и соответствующий акцент. Отдельное внимание в этой работе уделено тому, готовы ли люди принять в качестве шотландца или британца человека, родившегося по другую сторону границы. Как оказалось, важное значение имеет наличие акцента. Так, лишь немногие шотландцы готовы воспринять в качестве «своего» человека с английским акцентом, рожденного в Англии – всего 15%, если это представитель белой расы, и еще меньше (11%) – в случае, если цвет кожи отличается. Наличие шотландского произношения заметно меняет отношение: рожденного в Англии белого с таким акцентом готовы принять в качестве шотландца уже 44% опрошенных, а человека с другим цветом кожи – 42%. Произношение воспринимается как производная от других факторов и свидетельствует о том, что человек воспитывался в стране или провел в ней долгое время и, таким образом, является в большей степени «своим» [McCrone, Bechhofer, 2015, p. 107].

Взаимосвязи политики и национальной идентичности посвящена шестая глава книги. Эта тема в последние годы привлекала большое внимание политологов и специалистов-международников. По мнению многих ученых, процесс деволюции Шотландии и

Уэльса привел к политизации идентичности. Отдельные мнения респондентов, которые приводят в своей книге Д. МакКроун и Ф. Бекхофер, подтверждают этот тезис. В частности, люди, которые считают себя в большей степени англичанами и лишь затем британцами, ссылаются на то, что их выбор связан с аналогичными утверждениями шотландцев. Однако при этом приводимые в книге данные не показывают заметных изменений в период после учреждения шотландского парламента. Так, с 1999 по 2009 г. количество тех, кто считал себя «больше англичанами, нежели британцами», в Англии увеличилось всего на 2% (с 14 до 16%). При этом число тех, кто считают себя «в равной степени англичанами и британцами», в этот период колеблется между 31 и 42% (37% в 1999 г., 42% в 2001 г., 31% в 2003 г., 41% в 2008 г. и 33% в 2009 г.) [McCrone, Bechhofer, 2015, р. 131–136]. Предлагаемая статистика дает возможность наблюдать определенные колебания, но не представляет собой тренда, о котором заявляли некоторые исследователи.

Что интересно, похожие данные получены и в результате опросов в Шотландии. В 1997 г. «шотландцами, но не британцами» считали себя 23% жителей, в 1999 г. – 32%, в 2009 г. – 27% и в 2011 г. – 31%. «В большей степени шотландцами, чем британцами» в 1997 г. назвали себя 38% опрошенных, в 1999 г. – 35%, в 2009 г. – 31% и в 2011 г. – 34% [ibid., р. 137].

Что касается непосредственно политических вопросов и государственного управления, то здесь общественное мнение жителей Англии изменилось несколько сильнее: с 1999 г. по 2007 г. число тех, кто считал, что «Англия должна иметь свой собственный парламент», выросло с 18 до 29%. Тем не менее наиболее популярным все же осталось мнение о том, что «все должно оставаться как есть, когда парламент Великобритании принимает законы для Англии» (62% в 1999 г. и 49% в 2009 г.) [McCrone, Bechhofer, 2015, р. 133].

Взаимовлияние между политическими процессами и восприятием себя в качестве шотландца, англичанина и / или британца прослеживается достаточно слабо. Авторы склонны скорее разделять вопросы национальной идентичности и политические взгляды. В противовес распространенным представлениям они приходят к выводу, что текущие политические дискуссии о конституционном устройстве страны и процесс деволюции Шотландии не привели к

кардинальным изменениям с точки зрения самоидентификации граждан. Однако в книге приводятся данные вплоть до 2011 г., и сегодня уже сложно делать на их основании однозначные выводы. Как известно, в ходе подготовки референдума о независимости Шотландии в 2014 г. и самого голосования многие прогнозы социологов не оправдались. Таким образом, предлагаемые цифры не дают достаточного представления о потенциале политической мобилизации граждан на основании их идентичности.

Еще один важный вопрос относится к выявлению этнического компонента национальной идентичности. Чуть выше уже было отмечено, что цвет кожи имеет значение для признания кого-либо англичанином или шотландцем, но не настолько существенное, как место рождения или произношение. В то же время «британскость» в меньшей степени связана с происхождением, расовой или этнической принадлежностью: многие респонденты отмечают, что готовы считать этнического пакистанца британцем, но не англичанином [McCrone, Bechhofer, 2015, р. 141–163].

Здесь работа Маккроуна и Бекхофера в значительной мере приближается к тематике, на которую обращают первоочередное внимание авторы второго рассматриваемого издания – «Этническая идентичность и неравенство в Британии». Сфокусировав внимание на изучении различных этнических групп, проживающих как в Англии, так и в Шотландии, авторы отмечают, что их представители различаются с точки зрения ощущения собственной принадлежности к той или иной нации. Так, в Англии среди группы «белые британцы» (*White British*) семь из десяти человек считают себя «исключительно англичанами». При этом те, кто относится к другим этническим группам, в первую очередь выходцы из бывших британских колоний и их потомки, в гораздо большей степени склонны называть себя «исключительно британцами» (но не англичанами): такие ответы дают 58% людей индийского происхождения, 72% – бангладешского, 63% – пакистанского [Ethnic identity... 2015, р. 65–78].

Первая часть этой книги посвящена изучению динамики происходящих в стране изменений и анализу демографических показателей. Авторы рассматривают и сопоставляют множество данных, которые будут интересны всем, кто занимается процессами иммиграции в Европе, этнической и национальной идентичностями и динамикой происходящих сегодня изменений. Так, на-

пример, в 2011 г. каждый пятый житель Англии и Уэльса не представлял группу «белый британец» – всего за 10 лет, с 2001 г. по 2011 г., количество таких людей увеличилось с 13 до 20%. За этот же период на 82% выросло число тех, кто относит себя к «смешанной» группе, – их сегодня более миллиона [ibid., р. 19–31].

Нужно отметить, что причины происходящих изменений не сводятся к иммиграции, хотя большая часть политических и общественных обсуждений сфокусирована именно на этом вопросе. В главе, посвященной анализу источников существующих трендов, отмечается существенная роль демографических факторов и особенности половозрастного состава разных групп населения [ibid., р. 33–47]. В частности авторы подчеркивают, что половина тех, кто родился в другой стране, прибыли в Великобританию в возрасте 15–29 лет. Прирост различных этнических групп объясняется целым рядом причин и может быть связан как с высокой рождаемостью, так и с особенностями половозрастной структуры данной категории населения. Сравнение демографических пирамид разных этнических групп позволяет также спрогнозировать ситуацию. Уже сейчас можно сказать, что, независимо от иммиграционной политики, увеличение доли жителей, не относящих себя, по терминологии исследования, к «белым британцам», неизбежно. Авторы книги призывают власти учитывать эти тенденции при планировании социальной политики.

Отдельная глава книги посвящена этническому разнообразию городов Великобритании [Ethnic identity... 2015, р. 49–63]. Сегодня в стране существуют населенные пункты, в которых ни одна из этнических групп не составляет большинства, – для их обозначения авторы используют определение *plural cities* – «плюральные города». Сравнение данных 2001 и 2011 гг. позволяет получить представление о динамике происходящих изменений. Так, в 2001 г. в Англии и Уэльсе насчитывалось всего восемь административно-территориальных единиц, в которых ни одна этническая группа не составляла более половины жителей, однако при этом группа «белые британцы» представляла в них большинство населения. В 2011 г. таких насчитывалось уже 22, а еще в 26 районах указанная группа уже не была самой крупной. Большинство районов Лондона в 2011 г. также относились к «плюральным». При этом исследователи предлагают концентрироваться не на численности отдельных меньшинств или белого населения, а на динамике

этнического разнообразия как такового. Представленные данные дают возможность заключить, что разнообразие групп населения будет только возрастать, а выработанные ранее для изучения этнического состава общества показатели будут становиться менее релевантными. Со временем все больше респондентов, участвующих в переписи населения, не смогут найти значимую для себя этническую принадлежность в предлагаемом списке. Авторы считают, что такой показатель, как «индекс разнообразия», может оказаться более информативным и дать лучшее представление о динамике происходящих процессов, чем традиционно анализируемые данные.

Далее в книге рассматривается ситуация в Шотландии, которая имеет ряд особенностей с точки зрения этнического состава населения [Ethnic identity... 2015, p. 93–106]. Кроме того, в первой части издания изучается вопрос об изменении этнической идентичности, т.е. случаи, когда человек начинает причислять себя к иной этнической группе по сравнению с прошлым [ibid., p. 79–92]. Примерно 4% населения в 2011 г. выбрали для себя иную этническую группу, чем в 2001 г. Такая нестабильность может быть связана с ошибками при проведении исследований, с изменениями в вопросах анкет, а также с тем фактом, что некоторые опрашиваемые происходят из семей с неоднородным (смешанным) этническим составом. Таким образом, к указанным данным нужно подходить с определенной осторожностью, строить на их основании какие-либо фундаментальные выводы преждевременно.

Шесть глав второй части издания посвящены изучению взаимосвязи этнической принадлежности и различных типов неравенства. Авторы анализируют показатели, характеризующие доступ к образованию и здравоохранению, ситуацию на рынке труда и условия проживания представителей разных этнических групп. Приведенные данные свидетельствуют о заметном неравенстве среди отдельных категорий населения. Так, и мужчины, и женщины, относящиеся к группе «белые британцы», находятся в лучшем положении, чем представители многих других категорий, с точки зрения трудоустройства и размера занимаемого жилого помещения и в среднем живут в более благополучных районах [Ethnic identity... 2015, p. 161–214]. Например, 72% белых мужчин в возрасте от 25 до 49 лет в 2011 г. работали на полную ставку, а среди мужчин пакистанского происхождения той же возрастной группы таких было всего 44%. При этом некоторые из показателей за по-

следние годы изменились в более благоприятную для отдельных групп населения сторону. Так, представители меньшинств чаще, чем «белые британцы», получают высшее образование [Ethnic identity... 2015, p. 181]. Также улучшилась ситуация с точки зрения сегрегации: компактное проживание этнических сообществ в большинстве районов отмечается в 2011 г. реже, чем в 2001 г. Однако, несмотря на относительное улучшение некоторых показателей, целый ряд вопросов остается нерешенным. В частности, повышение уровня образования пока не сказалось на рынке труда: безработица среди представителей этнических меньшинств по-прежнему выше средней. Если с 1991 г. по 2001 г. количество безработных в данных группах населения значительно сократилось, то с 2001 по 2011 г. этот показатель по большей части остался неизменным или ухудшился. В отдельных группах (например, пакистанского происхождения) имеется заметное неравенство между мужчинами и женщинами [ibid., p. 167–168].

Обе представленные книги содержат, как мы видим, множество данных, которые политики и обозреватели могут интерпретировать в зависимости от своих целей – и как показатели успешности реализуемой стратегии, и как свидетельства ее провала. Кроме того, обращает на себя внимание выделение определенных фактов, которые также влияют на формирование академического дискурса по данной проблематике. Это, например, «индекс разнообразия», который авторы книги «Этническая идентичность и неравенство в Великобритании» предлагают использовать для описания современных британских городов. Таким образом, районы, в которых ни одна этническая группа не составляет большинства, становятся ориентиром для дальнейших исследований тенденций социальной динамики и динамики идентичности.

Авторы обеих работ стремятся противопоставить свои выводы некоторым распространенным представлениям. Так, они спорят с встречающимися в общественно-политическом дискурсе утверждениями о «конце Британии» и показывают, что в стране сформировалась большая группа людей, считающих себя не англичанами и не шотландцами, а именно британцами.

Рассмотренные книги также показывают, как именно представители британского академического сообщества изучают и описывают динамику этнических и национальных идентичностей, строят выводы относительно влияния рассматриваемых трендов на

политические процессы и при этом стремятся оставаться политически корректными и снижать градус напряженности в отношении отдельных вопросов. Вопросы «разделенного общества» остаются за скобками этих исследований, и будущее покажет, насколько страна сможет приспособиться к меняющейся политической, этнической и социальной реальности. Активные поиски практик регулирования указывают на первостепенное значение этих проблем для ее настоящего.

Список литературы

- Семененко И.С.* Национальная идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. – Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / Отв. ред. И.С. Семененко. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 80–86.
- Ethnic identity and inequalities in Britain. The dynamics of diversity / Jivraj S., Simpson L. (ed.). – Bristol: Policy press, 2015. – 250 p.
- McCrone D., Bechhofer F.* Understanding national identity. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2015. – 226 p.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
Научный журнал
2016 № 1

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
РАЗДЕЛЕННЫХ ОБЩЕСТВ

Редакторы-составители номера
канд. полит. наук *И.В. Кудряшова*,
канд. полит. наук *О.Г. Харитонова*

*Издание рекомендовано Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации
и включено в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные ре-
зультаты диссертации на соискание ученой степени доктора и
кандидата наук» по политологии*

Адрес редакции: 117997, г. Москва, Нахимовский проспект 51/21.
НИИОН РАН. Отдел политической науки.
E-mail: politnauka@inion.ru

Оформление обложки И.А. Михеев
Дизайн Л.А. Можаева
Компьютерная верстка Л.Н. Синякова
Корректор Я.А. Кузьменко

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953. П. 5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 24/III – 2016 г. Формат 60 x 84 / 16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 13,8 Уч.-изд. л. 12,3
Тираж 500 экз. Заказ № 14

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий
Тел. / Факс: (499) 120-45-14
E-mail: inion@bk.ru
E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)
Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02) 9